

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

М. Торькій и В. Мейеръ.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ
ВЪ КАЛАБРІИ
и СИЦИЛІИ

15/28 декабря 1908 г.

Со снимками съ фотографій Броджи и Анджелиса
и другими иллюстраціями.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1909.

Изданіе товарищества „ЗНАНІЕ“ (Спб., Невскій, 92).

1952

Местном 342 ЦИНИС
БИБЛИОТЕКА
Дев. № 731 1959 г.

М. Торькій и В. Мейеръ.

Г-71

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ ВЪ КАЛАБРІИ и СИЦИЛІИ

15/28 декабря 1908 г.

Со снимками съ фотографій Броджи и
и другими иллюстраціями.

Анджелиса
МЕСТНОМ АКАД. АРХИТ.
БИБЛИОТЕКА
Изм. № 2288 159

Цѣна 2 р.

✓ 1958

Центральная
Строительная Библиотека
№ 22413
4413

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1909.

67

Типографія Монтвида, СПб. Гончарная ул., д. 7.

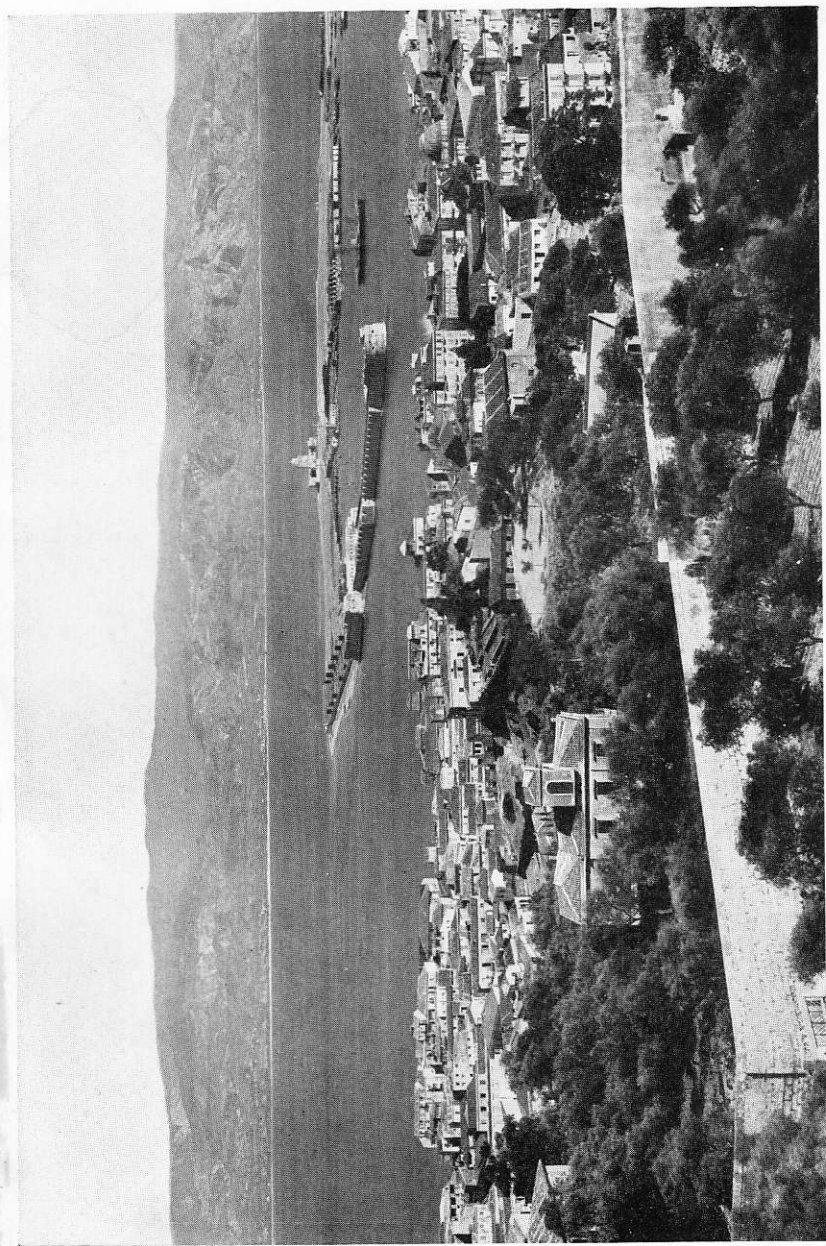
*Весь доходъ съ настоящаго изданія поступаетъ въ
пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія.*

ОГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
М. Горькій. Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи.	1
В. Мейеръ. Въ разрушенной Мессинѣ.	145

М. ГОРЬКІЙ.

**ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ ВЪ КАЛАБРИИ
И СИЦИЛІИ.**

Мессина. — Панорама съ видомъ на Калабрию.
Съ фотографин Броджи.

I.

Безсвязныя слова тѣхъ людей, которые спаслись отъ гибели, сплетаются въ разсказъ одного существа: оно въ это утро какъ бы поднялось надъ землею, и его взглядъ, изощренный ужасомъ, охватилъ всю картину возстанія стихій на человѣка.

Наканунѣ катастрофы и всю ночь передъ нею вылъ вѣтеръ, море яростно бросало на берега высокія волны; спасаясь отъ непривычнаго холода, жители Мессины и прибрежныхъ городовъ Калабріи плотно закрывали двери и окна домовъ и спали крѣпкимъ, предутреннимъ сномъ.

Въ 5 ч. 20 м. земля вздрогнула; ея первая судорога длилась почти десять секундъ: трескъ и скрипъ оконныхъ рамъ, дверныхъ колодъ, звонъ стеколъ, грохотъ падающихъ лѣстницъ разбудилъ спящихъ; люди вскочили, ощущая всѣмъ тѣломъ эти под-

земные толчки, отъ которыхъ вдругъ теряешь сознание, наполняясь уничтожающимъ разумъ дикимъ страхомъ.

Одни метались по комнатамъ, желая зажечь во тьмѣ огонь и собирая дѣтей и женщинъ, а вокругъ нихъ качались стѣны, срываясь падали полки, посуда, картины, зеркала, изгибался полъ, мебель тряслась, и, двигаясь по комнатамъ, опрокидывались шкафы, подпрыгивали столы—все было оживлено паникой, враждебно людямъ и угрожало смертью. Какъ бумажный, разрывался потолокъ, сыпалась штукатурка — всюду скрипъ и трескъ дерева, падение камней, шорохъ разрушавшихся стѣнъ, плачь дѣтей, вопли страха, стоны боли—люди бѣгали во тьмѣ, толкая другъ друга и не находя выхода изъ этой бури, которая вдругъ уподобила ихъ дома баркамъ и колебала землю подъ ними, какъ волны моря.

Другіе—сразу были духовно разрушены потрясеніемъ: оцѣпенѣвъ, они сидѣли на постеляхъ нѣмые и слѣпые, защищая головы руками и не отзываясь на крики родныхъ; на тѣло ихъ падали камни, опрокидывались вещи, ихъ душила пыль, и задыхались въ ней они, молча сгибались подъ ударами.

Перекошенныя двери невозможно было открыть во тьмѣ, не попадало подъ руки ничего, чѣмъ

можно было бы разбить ихъ, выломать рамы и ставни. Когда люди вырывались въ корридоры, ихъ встрѣчала густая туча мелко измолотой извести и ослѣпляла. Въ темнотѣ все качалось, падало, съ трескомъ проваливаясь въ какія-то вдругъ открывшіяся пропасти. На мѣстѣ лѣстницъ зіяли темныя ямы, изъ нихъ вздымалась эта страшная пыль разрушенія; обезумѣвшіе люди, хватая на руки дѣтей, съ крикомъ бросались внизъ, ища земли, ломали себѣ кости, разбивали головы, ползали по гудамъ обломковъ, поливая кровью камни и мусоръ, а вокругъ все дрожало подъ толчками новыхъ и новыхъ ударовъ, и отовсюду доносился крикъ и стонъ десятковъ тысячъ человѣческихъ голосовъ. Въ сумракѣ одно за другимъ рушились съ грохотомъ разорванныя зданія, прыгали камни, сыпалась известь, раздавливая и погребая разбитыя, истекающія кровью тѣла полуголыхъ, дрожащихъ отъ холода и ужаса людей.

Вздымалась пыль, вѣтеръ рвалъ ее, бросалъ ею въ безумные глаза, осыпалъ раны, надѣвалъ на окровавленныя лица ужасныя маски, и, едва порывъ вѣтра съ воемъ и ревомъ разносилъ одну тучу пыли, падало зданіе, и снова взрывался къ облакамъ огромный, удушливый сѣрый клубъ и катились по улицамъ камни, отбивая людямъ ноги.

Земля глухо гудѣла, стонала, горбилась подъ ногами и волновалась, образуя глубокія трещины— какъ будто въ глубинѣ проснулся и ворочается вѣка дремавшій нѣкій огромный червь,—слѣпой, онъ ползеть тамъ въ темнотѣ, изгибаются его мускулы и рвутъ кору земли, сбрасывая съ нея зданія на людей и животныхъ.

Кричатъ ослы, лаютъ собаки, носятся кошки и крысы, раздается ржаніе испуганныхъ, погибающихъ лошадей, квохчуть куры, летаютъ голуби— и надъ всѣмъ этимъ хаосомъ звуковъ, заглушая его, течетъ и бьется страшный вопль людей...

Лопнули трубы водопровода, изъ трещинъ земли рвутся фонтаны, шипя и обрызгивая раздѣтыхъ людей холодной водой; ноги бѣжавшихъ попадали въ ямы, люди падали и погибали при каждой новой судорогѣ разрушаемой земли. Кто имѣлъ силы устоять на ногахъ или ползти—двигался дальше, на берегъ моря, на площади города, путаясь въ проволокахъ телефона и телеграфа, а земля вновь отталкивала все; вздрогнувъ и пошатываясь зданія наклонялись, по ихъ бѣлымъ стѣнамъ, какъ молніи, змѣнились трещины, и стѣны рассыпались, заваливая узкія улицы и людей среди нихъ тяжелыми грудами острыхъ кусковъ камня, пронзающими осколками изломаннаго дерева, дробя

кости женщинъ и дѣтей, выдавливая мозгъ, выжимая внутренности тяжестью своею, безобразно разрывая прекрасное человѣческое тѣло.

Подземный гулъ, грохотъ камней, визгъ дерева заглушаютъ вопли о помощи, крики безумія, стоны раненныхъ. И все время къ небу летятъ одинъ за другимъ сѣрые взрывы пыли — она не позволяетъ дышать, и сквозь ея завѣсу не видно, гдѣ меньше опасности, куда нужно идти.

Съ балконовъ скатывались тяжелые горшки цвѣтвъ, падали куски чугунныхъ и желѣзныхъ рѣшетокъ; изъ оконъ прыгали полуобнаженные люди, сбивая съ ногъ бѣгущихъ и разбиваясь о камни; въ окнахъ еще не упавшихъ стѣнъ стоятъ и сидятъ люди, они прилипли на карнизахъ и кричатъ о помощи, едва удерживаясь за выступы окоченѣвшими руками.

Ихъ сбрасываютъ порывы вѣтра, они падаютъ отъ новыхъ сотрясеній; люди и камни смѣшиваются въ кучи, и все чаще, все сильнѣе дрожатъ дома, церкви, ихъ рѣжетъ подъ основаніе какая-то невидимая коса, — ничто не можетъ устоять предъ ея гигантскими взмахами.

Валятся столбы телеграфа, убивая людей, опутывая ихъ тѣло толстою проволокою, земля волнуется, какъ море, сбрасывая съ груди своей

дворцы, лачуги, храмы, казармы, тюрьмы, школы, каждымъ содроганіемъ уничтожая сотни и тысячи женщинъ, дѣтей, богатыхъ, бѣдныхъ, неграмотныхъ и ученыхъ, вѣрующихъ въ Бога и отрицающихъ Его.

Люди все плотнѣе и крѣпче жмутся къ землѣ—имъ хотѣлось бы углубиться въ нее по шею и хоть тамъ найти моментъ неподвижности и покоя, отдыха...

Хочется пить—пыль вызываетъ жажду, но фонтаны сухи; люди бросаются на землю и, припавъ къ лужамъ мутной, насыщенной известью воды, жадно пьютъ, сосутъ ее, цѣлуя землю, убивающую ихъ.

А въ грудяхъ мусора уже сверкають тонкіе желтые языки огня — это огни лампадъ, горѣвшихъ ночью предъ ликомъ Мадонны, это загорѣлось отъ тренія сухое дерево балокъ, подшивка потолковъ, изломанная мебель, двери, бѣлье. Заваленный мусоромъ дымъ густъ и ѣдокъ, онъ смѣшивается съ пылью и обливаетъ людей душною тьмою.

Вотъ снова гулкій взрывъ и грохотъ, надъ землею вспыхнулъ яркій столбъ пламени—взорвало газъ, — и еще не упавшіе отъ разрушенія дома медленно разсыпаются отъ сотрясенія воздуха, увеличивая число труповъ.

Всюду, изъ-подъ развалинь, изъ середины ихъ текутъ и бьются стоны и крики, и уже слышенъ хохоть безумныхъ, они бѣгутъ куда-то, прыгая по грудамъ щебня или идутъ медленно и поютъ, сидятъ на грудяхъ камней, плачутъ, молятся, смотрятъ въ огонь навсегда спокойными глазами и улыбаются страшной улыбкой.

Бѣгають, ползають, крадутся бѣлыя, дрожащія фигуры людей, и отовсюду смерть протягиваетъ къ нимъ тысячи жесткихъ рукъ, давить, дробить, душить и гулко хохочетъ гдѣ-то подъ землею, сотрясая ея изломанное тѣло.

Ожила, возстала мертвая матерія и, торжествуя въ слѣпой и глупой силѣ своей, жестоко мститъ человѣку за его побѣды надъ нею, хочетъ навсегда испугать его и обезсилить непокорный враждебный духъ—пятую стихію, самую великую, наиболѣе богатую творчествомъ.

Въ мутной мглѣ утра, въ тучахъ пыли и дыма все ярче сверкаетъ тамъ и тутъ торжествующій огонь, онъ пробивается сквозь впадины между камнями, лижетъ ихъ, они чернѣютъ, и подъ ними усиливаются стоны о помощи, моленія о смерти, но—нѣкоторымъ людямъ суждено сгорѣть живыми.

На площадяхъ жмутся маленькія группы людей; изувѣченные, истощенные страхомъ, дрожа-

щіе отъ холода — большинство почти наги, нѣкоторые окутаны одѣялами, простынями... Всѣ босы. У каждаго — кто-нибудь, у многихъ — всѣ близкіе — погибли.

Узнавъ другъ друга, удивляются.

— Вы живы?

И, крѣпко обнимаясь, плачутъ, какъ дѣти.

Къ нимъ отовсюду несется зовъ:—Спасите!

Но они бессильны и только плачутъ, только стонутъ, проклиная Бога.

Кто въ силахъ, молча бросается на крики и, стиснувъ зубы, разрываетъ камни и мусоръ голыми руками, каждую секунду рискуя быть задавленнымъ новыми обвалами искривленныхъ, изломанныхъ стѣнъ.

Съ воемъ летаетъ вѣтеръ, обнимая голыя тѣла измученныхъ людей, грозя имъ новой опасностью смерти. Чтобы защитить себя отъ его уничтожающаго дыханія, люди плотно жмутся другъ къ другу—женщины и дѣти въ серединѣ круга, мужчины внѣ его. Дрожать раненные, истекая кровью, рвутъ простыни и перевязываютъ свои раны.

А земля все еще вздрагиваетъ, и все падаютъ срѣзаемые ея толчками церкви и дома, и взлетаютъ къ сѣрому небу густые облака пыли.

Ярче разгорается огонь среди развалинь, громче и сильнѣе крики о помощи, обильнѣе и горячѣе слезы безсилія—наиболѣе горькія слезы человѣка. Гуще и плотнѣе облака пыли и дыма они ползутъ по грудамъ мусора и душатъ людей. По одному и группами ползутъ и прыгаютъ люди, какъ могутъ быстро, серединой улицы, по кучамъ мусора; они хотятъ выйти на берегъ, къ морю, ихъ сопровождаетъ непрерывный гулъ и грохотъ, а вокругъ бѣшено скачутъ ожившіе камни.

Море гнѣвно кипитъ, сплошь покрытое пѣною, тысячи волнь, высоко взмахивая бѣлыми гривами, бьются въ узкомъ проливѣ и глазъ прибрежнаго жителя сразу видитъ въ ихъ пляскѣ, такъ знакомой ему, что-то необычное, зловѣщее: движеніе зеленыхъ массъ воды лишено ритма, въ немъ нѣтъ привычныхъ взгляду правильныхъ взлетовъ и музыкальныхъ паденій—въ это утро пляска волнь незнакомо-дика, полна непонятнаго и новаго смятенія, какъ будто нѣкто, обладающій неизмѣримою силою, подбрасываетъ воду вверхъ и тотчасъ, схвативъ волну за основаніе ея, мощно дергаетъ внизъ, и на мѣстѣ водныхъ горъ роетъ пропасти.

Всюду, куда хватается глазъ, море строитъ цѣпи

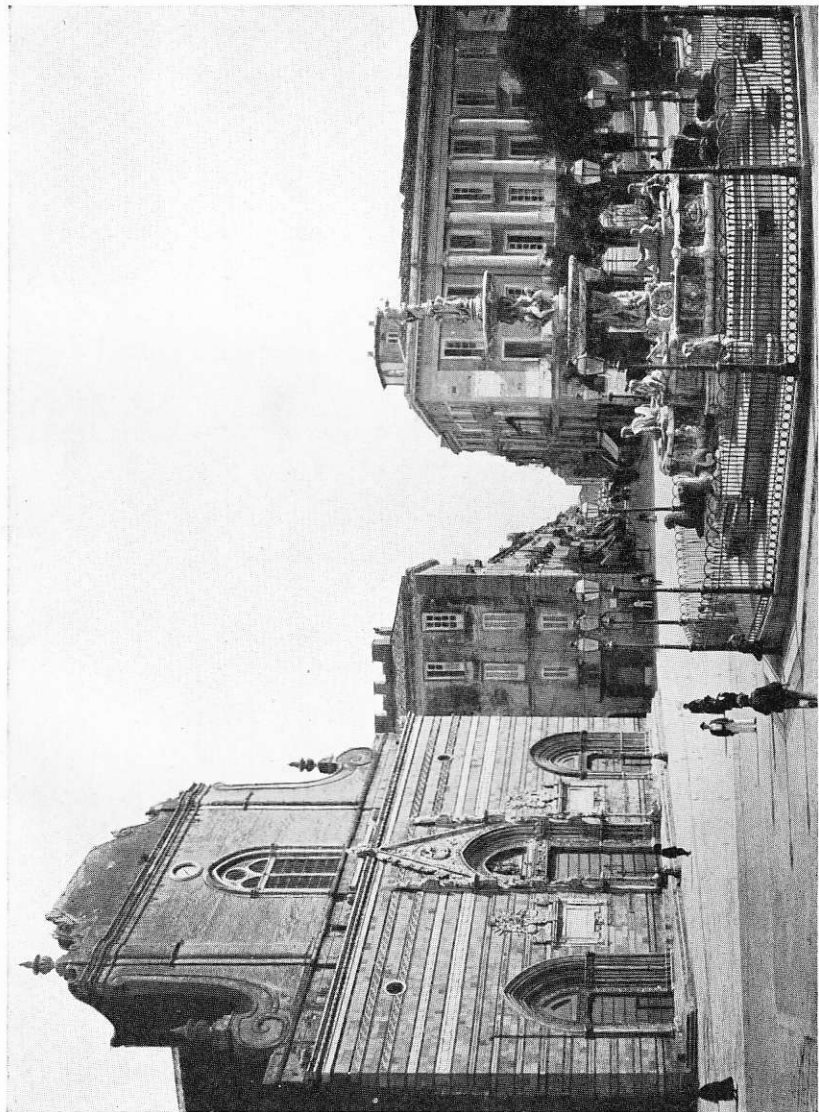
высокихъ темныхъ холмовъ, они качаютъ хребтами и разсыпаются снѣжно-бѣлые и пропадаютъ, низринувшись въ глубину изорванной судорогами, ревущей водной массы, обезумѣвшей отъ страшныхъ колебаній тамъ, глубоко подъ нею, гдѣ тайно живетъ великій подземный огонь.

Все море качается, какъ огромная чаша, готовая опрокинуться на остатки города; оно испугано, поблѣднѣло отъ ужаса, какъ лицо человѣка, кажется, что вотъ сейчасъ вся смятенная масса его выплеснется на землю до послѣдней волны и капли.

Укрываясь отъ вѣтра и холодныхъ брызгъ за обломками прибрежныхъ зданій, полунагіе люди смотрятъ на судороги моря и чувствуютъ бѣшеный ужасъ водной стихіи, безобразно разбитой, лишенной мощной граціи своей.

Море для нихъ всегда было поэмой, оно и въ бурю не теряло ритма, правильныя чередованія ударовъ волнъ о скалы берега имѣли свою великую музыку, его прежнія буйныя пѣсни звучали подъ куполомъ небесъ стройно и могуче, какъ органъ.

Въ этотъ часъ высокія волны, размахивая гривами, рушились на берегъ съ дикимъ ревомъ страха и, хватая обломки зданій, какъ бы стреми-

Мессина. — Фасадъ собора, фонтанъ Монторсоли и улица Перваго Сентлябры.
Съ фотографіи Броджи.

лись удержаться на землѣ, не возвращаясь туда, гдѣ враждебные имъ толчки выбрасывали ихъ тѣла вонь изъ береговъ и мяли и разрывали имъ груди.

Бѣшенными прыжками бросаются волны на берегъ, давая и опрокидываясь одна на другую, разрушая зданія, смывая въ воду дерево, камень, трупы и снова выкидывая ихъ на землю, еще мельче раздробляя о ребра скаль.

Люди смотрять, отступаютъ, кричатъ.

Поднялась къ небу волна высоты неизмѣримой, закрыла грудью половину неба и, качая бѣлымъ хребтомъ, согнулась, переломилась, упала на берегъ и страшной тяжестью своею покрыла трупы, зданія, обломки, раздавила, задушила живыхъ и, не удержавшись на берегу, хлынула назадъ, увлекая за собою все схваченное—лодки, двери, мебель, женщинъ, дѣтей, священниковъ, рабочихъ, солдатъ, студентовъ—смыла весь берегъ и, отступая далеко въ море, снова, уже обезсиленная, ударилась о скалы, добывая тѣхъ, кто еще былъ живъ.

Свѣтало, развалины города дымились во множествѣ мѣсть, по грудамъ мусора бѣгали огненные змѣи, порою пламя торжествуя вздымалось высоко къ небу, все еще падали зданія—они па-

дали втеченіи шести долгихъ часовъ—въ тучахъ пыли и ѣдкаго дыма, насыщенныхъ запахомъ горѣлаго мяса и жира, носился многоголосый стонъ умирающихъ людей.

Въ морѣ, быстро перескакивая съ волны на волну, темными птицами летѣли суда—уже шла помощь.

Но городъ погибъ, и подъ развалинами его навѣки уснули тысячи надеждъ, тысячи мыслей,—можетъ быть, между ними были такія, которымъ предстояло освѣщать жизнь людей яркимъ, радостнымъ свѣтомъ, указать имъ новые пути къ великому будущему.

Убиты сердца женщинъ, пылавшія любовью, раздавлена масса драгоцѣннаго человѣческаго мозга—четыре стихіи нанесли пятой, враждебной имъ, тяжкій, жестокій ударъ.

Погибли дѣти, тысячи людей будущаго, пролита лучшая, драгоцѣннѣйшая кровь земли, исчезли зародыши множества великихъ дѣяній, маленькія начала подвиговъ творчества, погибли дѣти—думать объ этомъ всего мучительнѣе, ибо эта гибель тяжелѣе всего и—невознаградима.

Невознаградима ничѣмъ смерть ребенка.

Нѣтъ словъ, чтобы выразить горе, нѣтъ красокъ, чтобы нарисовать страшное лицо катастрофы.

Землетрясеніе въ Калабріи и Сициліи.

Но печаль—бездѣльна, и слезы—не нужны,
ибо жизнь—борьба.

Да возникнетъ къ жизни гордый человѣческій
гнѣвъ и разбудитъ въ людяхъ энергію мысли и
воли и поведетъ ихъ по пути сліянія всѣхъ во
единую силу, ей же дано покорить все враждеб-
ное человѣчеству!

II.

Капитанъ парохода „Вашингтонъ“ слѣдилъ за ходомъ катастрофы съ моря и рассказываетъ о ней такъ:

„Мы подходили изъ Палермо къ Мессинѣ; около Мессинскаго маяка въ 5 ч. 20 м. мое судно страшно дрогнуло, его высоко подбросило кверху—волна въ то время была не высока, и я подумалъ, что мы ударились о камень. Но въ ту же секунду маякъ Мессины погасъ, на море опустился странный, сухой, какъ пыль, туманъ, мы потеряли изъ виду и портъ Мессины, и берегъ Калабріи. Со всѣми предосторожностями я тихо шелъ впередъ, смущенный, чувствуя, что на землѣ—несчастіе. Въ 4 ч. 25 м. новое сотрясеніе судна и гулъ на берегу. Удары и грохотъ на землѣ повторялись въ 6 ч. 15 м., 6 ч. 40 м., 6 ч. 45 м., сопровождаясь каждый разъ

грохотомъ и ревомъ съ земли. Въ 7 ч. мы встали на якорь изъ-за тумана, онъ постепенно таялъ, и вотъ мы увидѣли на берегу полуразрушенный маякъ со срѣзанной вершиной. Къ намъ подошли барки, сообщая о несчастіи и требуя помощи. Весь входъ въ проливъ былъ загроможденъ опрокинутыми лодками, барками, мебелью, обломками дерева. Подойдя къ берегу, мы увидѣли на мѣстѣ города груды мусора и кое-гдѣ среди нихъ полуразрушенные дома“.

Аптекарь Фулько говоритъ:

„Я былъ на ферри-ботѣ, уходящемъ изъ Мессины въ Реджіо. Было 5 ч. 20 м. утра. Вдругъ раздался сильный гулъ, вода сразу низко опустилась, отхлынула, такъ что судно коснулось дна, затѣмъ его подняло сразу больше, чѣмъ на 8 метровъ противъ обычнаго уровня. Я видѣлъ съ ферри-бота, какъ вода хлынула и затопила станцію, залила магазины, Цитадель, гдѣ находились казармы артиллерійской бригады,—въ которой, какъ я потомъ узналъ, погибли почти всѣ солдаты, находившіеся въ ней. Надъ городомъ поднялся густѣйшій туманъ, такъ что ничего нельзя было видѣть, даже лучи рефлекторовъ не могли пронизать его. Какъ только разсвѣло, я спустился на

берегъ и съ величайшимъ трудомъ могъ идти: все было завалено обломками. Не встрѣчалось мнѣ почти никого. Попытался я, съ нѣсколькими уцѣлѣвшими солдатами артиллеристами, встрѣтившимися мнѣ полуголыми, босыми, дрожащими отъ холода, приняться за дѣло спасанія изъ-подъ развалинъ, но намъ удалось откопать всего двухъ человѣкъ—все кругомъ падало, и невозможно было дышать отъ пыли и дыма начавшихся пожаровъ“.

Прекрасный и богатый городъ вмѣстѣ съ окрестностями своими вмѣщаль болѣе 150 тысячъ жителей. Теперь онъ былъ накрытъ тучею пыли и дыма, его развалины горѣли, среди нихъ мрачными скелетами стояли огромныя зданія Муниципалитета и отеля „Тринакля“. Всѣ почти дворцы—университетъ, зданіе почты—исчезли, станція жел. дороги разрушена до основанія, желѣзнодорожныя служащіе и рабочіе—задавлены.

Изъ 400 солдатъ таможенной службы погибло 350, и почти поголовно исчезли подъ развалинами казармъ 83 и 89 пѣхотные полки... Солдаты спали, черезъ нѣсколько минутъ они должны были вставать... Уцѣлѣвшіе рассказываютъ, что ихъ казарма сначала была разорвана на-двое, и тотчасъ же

Мессина.—Фонтанъ Монторсоли, воздвигнутый въ 1551 г.
Съ фотографіи Броджи.

Местном 312 ЦИНИСМ

КАТАЛОГА

№ 2731 1984 г.

о селені въ Калабріи и Сициліи.

объ ея половины страшнымъ ударомъ сомкнулись одна съ другою, рассыпаясь въ мелкіе куски и давя людей. Немногіе выпрыгнули въ окна нижняго этажа, надъ остальными теперь воздвигнуть высокій холмъ камня и мусора. Погибли всѣ офицеры и семьи ихъ, жившіе въ казармахъ.

Волна, высоту которой опредѣляютъ въ десять метровъ, опрокинулась на Мессинскій берегъ, довершая паденіе прибрежныхъ зданій, изорванныхъ подземными толчками, смывая въ море людей—въ проливѣ плавали сотни труповъ, сбитые волнами въ страшныя грезды.

Человѣкъ изъ Реджіо рассказываетъ:

„Во снѣ я былъ сброшенъ съ постели на полъ, съ трескомъ на меня обрушились какія-то тяжести; раненый въ голову, шею и ноги, я потерялъ сознание, но когда пришелъ въ себя, мнѣ удалось съ великимъ трудомъ и мученіями вылѣзти изъ-подъ груды острыхъ обломковъ, разрывавшихъ мнѣ кожу и тѣло. На улицѣ я увидѣлъ знакомаго мнѣ учителя: шатаясь, полуголый, онъ несъ на спинѣ свою мать и велъ за руку жену— всѣ трое молчали. Вотъ онъ упалъ, запутавшись въ проволокахъ, я помогъ ему подняться, и мы пошли сквозь баррикады обломковъ на площадь,

МЕСТНОМ АКАД. АРХИТ?

~~Лесс~~
Инд. № 1.5 9

Центральная

подпрыгивая и падая отъ новыхъ толчковъ земли, окруженные пылью, оглушаемые трескомъ разрушающихся зданій. Выбрались на площадь, и я встрѣтилъ одного знакомаго; заплакавъ, мы крѣпко обнялись, и только тутъ я замѣтилъ, что мы оба почти голые. Свѣтало. Передъ нами лежали развалины сиротскаго пріюта, кто-то сказалъ мнѣ: „Всѣ дѣти—погибли!“ Какимъ-то чудомъ уцѣлѣлъ балконъ, а съ балкона кто-то въ бѣломъ кричалъ намъ: „Помогите! Здѣсь засыпано семеро!“ Но, почти въ ту же минуту, стѣна, покачнувшись, медленно рассыпалась, и человѣкъ, крикнувъ еще разъ, умолкъ. Пыль вызвала жажду, люди бросались къ фонтану, онъ былъ пустъ и сухъ. Я бросился на телеграфную станцію, но она уже была разрушена, остатки ея распадались на моихъ глазахъ. Былъ слышенъ глухой шумъ подземныхъ толчковъ и, ощущая, какъ земля зыблется подъ ногами, я бросился на Корсо, но меня остановилъ таможенный солдатъ, предлагая помочь ему отрыть раненаго изъ-подъ груды мусора. Мы принялись за дѣло, но—еще толчекъ—и раненый былъ задавленъ новою грудю камня, упавшею на него. Изъ-подъ обломковъ, изъ-подъ развалинъ неслись крики и стоны. Мимо меня, спокойно и мѣрно шагая, прошелъ человѣкъ, завер-

нутый въ простыню; я о чемъ-то спросилъ его, онъ не отвѣтилъ, не остановился; взглянувъ въ его мертвое лицо, я почувствовалъ, что это—сумасшедшій. Всюду ползали лихорадочно дрожащія, полуголые люди, разрывая и растаскивая руками обломки и камни, дѣти искали отцовъ, матерей, рыдали дѣвушки, плакали маленькіе ребята, кричали женщины, проклиная Бога. Кто-то сказалъ мнѣ, что изъ 105 человѣкъ больныхъ госпиталя уцѣлѣло 12, но теперь они погибли отъ холода и задохнутся въ дыму пожаровъ. Помню—двое военныхъ, съ невѣроятною опасностью для себя, лазали по качающимся развалинамъ, спасая какую-то семью, они уже вытащили семь человѣкъ. Всѣ дома вокругъ срѣзаны. Начальникъ станціи сказалъ мнѣ, что море сначала отхлынуло отъ берега метровъ на тридцать и поднявъ высокую волну, дѣвольскимъ размахомъ бросило ее на берегъ, все сталкивая ея; отхлынувъ снова назадъ, она унесла въ море людей, смыла развалины домовъ. Этимъ ударомъ были разбиты о берегъ два паровыхъ катера, нѣсколько парусныхъ судовъ—ихъ экипажи погибли. Зданія порта опрокинуты. Всюду на берегу жестянки съ керосиномъ, мѣшки хлѣба, ящики“.

...У всѣхъ, кто пережилъ этотъ ужасъ, странно неподвижныя, потемнѣвшія лица, глаза чудовищно расширены и точно выступаютъ изъ орбитъ. Ихъ голоса—глухи, рѣчь безсвязна, отрывиста, ее разрываютъ неожиданныя, жуткія паузы. Въ серединѣ фразы человекъ вдругъ останавливается и молчитъ, прислушиваясь къ чему-то, чего никто не слышитъ.

Вотъ—дѣвушка по фигурѣ, старуха, судя по сѣдымъ волосамъ и по тусклому блеску широко раскрытыхъ, мертвыхъ глазъ.

— Сколько вамъ лѣтъ?—спросили ее.

— Шестнадцать.

Она пролежала подъ развалинами трое сутокъ вмѣстѣ съ трупами убитыхъ близкихъ и была вырыта моряками „Славы“.

Множество помѣшанныхъ; на судахъ, во время перехода изъ Сициліи въ Неаполь, приходилось закрывать всѣ люки, ибо люди, увидавъ провалы въ палубѣ, страшно пугались, а нѣкоторые стремились прыгнуть въ нихъ. Видя гдѣ-либо огонь, психически больные немедля бросались на него.

Одна оперная пѣвица рассказываетъ:

„Вчера вечеромъ я пѣла Аиду. Мессинская

публика, милая и радушная, такъ много аплодировала мнѣ. Счастливая, я вернулась къ себѣ домой, въ отель Тринаклія—жила я въ третьемъ этажѣ—около двухъ часовъ. Долго лежала я не засыпая въ постели и вдругъ почувствовала, что вокругъ меня все шумить, странно качается, вертится, падаетъ. Вскочивъ на ноги, я громко позвала свою горничную, дѣвушку изъ Турина, но она уже бѣжала ко мнѣ съ крикомъ: „Бѣгите, все проваливается!“ Мы слышали негромкій, но неописуемо ужасный шумъ вокругъ. Обѣ раздѣтая, мы бросились по корридору къ лѣстницѣ, но ея уже не было, мы стояли на краю какой-то пыльной, темной ямы, подъ ногами у насъ лопался полъ, отскакивали кафли и все, вмѣстѣ съ нами, опускалось внизъ. Повинуясь инстинкту, я, закрывъ глаза, прыгнула впередъ въ пустоту и когда ударилась обо что-то, то почувствовала, что обѣ руки у меня раздроблены, и лицо разбито. Съ силою отчаянія я поднялась на ноги и не помню, какъ вышла на площадь—вокругъ меня прыгали, задыхаясь отъ пыли, люди, всѣ въ бѣломъ, и кричали, плакали, молились; разрушался отель, подъ ноги намъ подкатывались камни, на головы сыпался дождь сухого, тяжелого пепла. Отъ боли въ костяхъ рукъ я потеряла сознаніе и очнулась

въ одиннадцать часовъ на палубѣ „Пьемонта“. Вчера еще мнѣ казалось, что я достигла высшей точки возможнаго счастья—сегодня у меня сломаны руки, я уродъ и нищая: кромѣ одѣяла, которымъ я окутана, и рубашки подъ нимъ, да вотъ этихъ башмаковъ, которые кто-то добрый надѣлъ мнѣ на ноги—у меня ничего нѣтъ“.

Почти вся Мессина построена изъ мягкаго раковистаго известняка, облицованнаго мраморомъ и другими камнями твердыхъ породъ: куски этихъ породъ падали на головы, пришибая людей, известь разсыпалась въ пыль и душила. Множество людей, очевидно, погибло не проснувшись, не мало погибало парализованныхъ страхомъ. Выгибались полы, ихъ квадратныя кафли вылетали изъ гнѣздъ съ быстротою и силою камня, брошеннаго пращею.

Одна женщина рассказываетъ о смерти своей подруги такъ:

„Мы жили въ одноэтажномъ домѣ. Я вскочила съ постели отъ сильнаго толчка въ бокъ и, при свѣтѣ лампы, вижу—на меня падаетъ потолокъ, раздвигается, наполняя комнату трескомъ и расталкивая стѣны дома. Я вскрикнула и побѣжала въ комнату подруги; она уже проснулась, сидѣла

на постели, но скованная ужасомъ, не могла встать. Я нѣсколько разъ пыталась увести ее изъ комнаты и не могла, но вотъ раздался еще ударъ, упала часть стѣны, я бросилась къ двери и успѣла выскочить на дворъ, а она осталась тамъ, за стѣною, и стѣна раздавила ее—въ моихъ ушахъ навсегда останется ея тихій, плачевный вопль...”

Растерявшіеся, пораженные люди въ первые часы были совершенно не способны помогать раненымъ и засыпаннымъ,—даже легко придавленные обломками погибали при повторныхъ толчкахъ.

Вотъ разсказъ одного изъ уцѣлѣвшихъ докторовъ Мессины:

„Я жилъ въ мебелированныхъ комнатахъ, въ четвертомъ этажѣ. Въ это фатальное утро меня разбудило страшное сотрясеніе, хотѣлъ встать съ постели, но былъ сброшенъ на полъ, среди летящихъ со всѣхъ сторонъ бутылокъ, стульевъ, столовъ, шкафовъ. — Собралъ кое-какъ и натянулъ на себя платье, зажегъ спичку и быстро открылъ двери, чтобы спастись — но былъ принужденъ остановиться, задохнувшись въ волнахъ, охватившей меня пыли, сквозь которую ничего нельзя было

видѣть. Печальный опытъ 1905 года внушалъ мнѣ остаться, но землетрясеніе все продолжалось съ глухимъ шумомъ. Стали падать стѣны, дѣлящія домъ на комнаты, — поэтому пришлось выбѣжать въ корридоръ. Тамъ жители разныхъ этажей передавали съ одного этажа на другой, что лѣстница еще цѣла и, набравшись храбрости, мы стали спускаться. Сошли во дворъ. Открывъ ворота, мы наткнулись на массу обломковъ, сквозь которые съ трудомъ стали пробиваться. Только тутъ мы поняли серьезность положенія. Начали рушиться цѣлые дома. Меня ранило падающимъ обломкомъ въ плечо. Царила полная тьма, и со всѣхъ сторонъ неслись крики о помощи, вой и стоны погибающихъ и раненыхъ, обезумѣвшихъ отъ ужаса. Нѣсколько человекъ вмѣстѣ со мной пытались пробиваться дальше, но это оказалось невозможнымъ, и мы спрятались въ пустой конюшнѣ противъ того дома, гдѣ жили. Пока не взошло солнце, мы переживали ужасные моменты—было страшно слышать эти вопли вокругъ себя и не быть въ состояніи помочь. Какъ только стало разсвѣтать, мы рѣшили идти на площадь Муниципалитетъ и, разрывая препятствія изъ обломковъ, телефонныхъ и телеграфныхъ проволокъ, всюду преграждавшихъ намъ путь, мы медленно пробирались въ удушли-

Мессина.—Одна изъ улицъ города послѣ землетрясенія.
Съ фотографіи Броджи.

вомъ, пропитанномъ пылью воздухъ впередъ. То тамъ, то тутъ по дорогѣ съ грохотомъ обрушивались строенія. Помогать погибавшимъ, стоявшимъ на балконахъ, цѣплявшимся за рамы оконъ, карнизовъ мы не могли—у насъ не было лѣстницъ, а главное—силъ. И такъ шли мы впередъ, среди ужаса и отчаянія. Противъ нашего ожиданія, на площади мы нашли немного людей. Площадь была залита водой изъ лопнувшихъ во многихъ мѣстахъ водопроводныхъ трубъ. Мы подошли къ великолѣпному зданію Муниципій; лѣстница, великолѣпная, мраморная, представляла собою груды обломковъ и пыли. Зданіе пожарныхъ напротивъ—совершенно разрушено и загромождено обломками. Попытались пробраться на Корсо Гарибальди, но путь туда совершенно загроможденъ. Площадь начала съ разсвѣтомъ все больше наполняться народомъ, каждый рассказывалъ новыя ужасныя подробности. Дома вокругъ продолжали обваливаться и разрушаться. Изъ одного дома раздавались вопли о помощи: мужъ и жена, стоятъ у двери, но эта дверь въ третьемъ этажѣ, ихъ не достать, и мы видимъ, какъ они падаютъ вмѣстѣ съ домомъ.

Мы пошли на Via Marina, тамъ было тоже немного народу, но уже отъ крейсера „Пьемонтъ“

ходили лодки съ моряками и подбирали раненыхъ. Вся набережная устлана обломками великолѣпныхъ дворцовъ, окружавшихъ ее. По пути подобрали полумертвую, раздѣтую молодую женщину.

Насъ взяли на бортъ. Капитанъ крейсера приказалъ коммерческимъ судамъ брать раненыхъ и отвозить ихъ въ Villa San Giovanni. Крейсеру пришлось подвигаться съ большимъ трудомъ и съ большою осторожностью: весь проливъ былъ полонъ плавающими боченками съ масломъ, ящиками съ апельсинами и финиками, маленькими лодками, рыбачьими барками, опрокинутыми вверхъ дномъ, обломками дерева. Уже на крейсерѣ мы увидѣли, какъ обрушился соборъ и заиграли языки пламени во многихъ мѣстахъ города. Нѣкоторые говорили, что горятъ склады керосина, другіе, что взорвало газовый заводъ и газометры. Такъ мы оставили Сицилію.

Спущенные на берегъ въ Villa San Giovanni, мы нашли портъ и желѣзнодорожный путь совершенно разрушенными, станція развалилась. Во всей области царило то же отчаяніе, тѣ же крики о помощи неслись со всѣхъ сторонъ, тѣ же исковерканныя зданія. Мы двинулись вдоль желѣзнодорожнаго пути, дошли до Баньяры, чтобы быть

свидѣтелями новаго горя—городъ былъ охваченъ пламенемъ“.

Привожу также характерный разсказъ опрошеннаго мною мальчика-сироты:

„Мы жили въ маленькомъ домѣ на окраинѣ; домъ старый, одноэтажный, хозяева жили наверху, а я и подмастерье—внизу, въ мастерской. Подмастерье спалъ на лавкѣ, на матрацѣ, а я на полу. Вдругъ—уже пришла пора вставать—слышу, все трясется. Онъ говорить: это что? А я вскочилъ, да бѣжать на дворъ. А рядомъ былъ большой домъ: и вдругъ—онъ валится. Шумить все, ничего даже не пойму, что такое. А подмастерье бѣжить и реветъ—землетрясеніе! Я слышу, что онъ кричить, а ничего не вижу и дышать не могу. Сѣлъ на землю и сижу. Голову мнѣ сильно ушибло чѣмъ-то. Стало разсвѣтать; кругомъ все камни лежать и никого нѣтъ. Я посидѣлъ - посидѣлъ, всталъ, пошелъ, а ноги у меня дрожать. Потомъ вернулся опять, — думаю, можетъ быть, живы хозяева. Только ихъ засыпало, а у нихъ двое дѣтей, хозяйинъ, хозяйка и старуха. Пришелъ, зову—нѣтъ никого. Я походилъ-походилъ, пошелъ прочь. Пришелъ къ морю, а тамъ много уже народу. Плачутъ всѣ. А у меня голова очень болѣла. И уже

вечеръ сталъ. Я хотъ и одѣтый спалъ, а босой, и холодно мнѣ очень было. Потомъ меня посадили на пароходъ, я никогда не ѣздилъ на пароходѣ. Потомъ повезли. Сперва въ Неаполь привезли, а потомъ вотъ сюда, на Капри. Дѣтей мнѣ очень хозяйскихъ жалко, очень хорошія дѣти. Неужели они всѣ умерли? Я вотъ теперь, какъ закрою глаза, все слышу—шумить. И все мнѣ кажется—качаетъ меня.

Спрашиваютъ всѣ очень — какъ случилось? А говорить—тяжело. Мнѣ ничего: тамъ шилъ сапоги и здѣсь шить сапоги буду. Только очень жалко хозяйскихъ дѣтей. Такія хорошія дѣти. Двое ихъ было“.

Наиболѣе полно рисуетъ это страшное утро рассказъ нынѣ живущаго на Капри отставнаго капитана— Де-Анжелисъ.

„Я жилъ въ мѣстечкѣ Контемплациона въ пяти миляхъ отъ Мессины. Семья моя состоитъ изъ меня, моей жены и двухъ сыновей — мальчиковъ двѣнадцати и восьми лѣтъ, да нашей служанки, Августы Ломбарди, живущей у меня въ домѣ уже пятнадцать лѣтъ. Мы всѣ спаслись, и никто изъ насъ не былъ раненъ, только у жены легкая рана на ногѣ, отъ упавшаго камня.

Домъ нашъ, изъ пяти комнатъ, да кухни и комнаты, въ которой жила Августа. Мы съ женой спали въ крайней комнатѣ, а рядомъ съ нами находилась дѣтская, гдѣ спали наши мальчики.

Въ ночь на 28-е, въ 5 час. 20 мин. утра, насъ разбудилъ страшный толчекъ, который сбросилъ меня и жену съ нашихъ постелей. Едва я немного опомнился, — мнѣ уже не впервые приходится переживать землетрясенія, я около восьми лѣтъ живу около Мессины, — я схватилъ одѣяло, закуталъ жену, и бросился, таща ее за собой, чтобы встать въ арку двери, ведущей изъ нашей комнаты въ умывальную, изъ которой шли двери въ комнату нашихъ дѣтей и въ корридоръ, смежный съ кухней. Все это происходило въ полной темнотѣ, среди падающихъ потолковъ, треска мебели, въ облакахъ пыли. Я старался прикрыть жену своимъ тѣломъ. Все кругомъ насъ качалось, полъ то поднимался, то опускался и въ то же время все зданіе точно вращалось вокругъ себя. Дверь, въ аркѣ которой мы стояли, тоже тряслась и скрипѣла. Это длилось секундъ двадцать пять, тридцать, можетъ быть — больше, не знаю. Затѣмъ колебанія, какъ будто, немного прекратились, и я, придя въ себя, сталъ звать дѣтей. Въ ту же минуту весь передній фасадъ нашего дома обвалился, вся пе-

редняя стѣна рухнула на улицу, а насъ съ женой накрыла, какъ палаткой, обвалившаяся крыша. Боковая стѣна нашей комнаты тоже обвалилась. Подземные толчки сопровождались глухимъ, но сильнымъ гуломъ.

Когда я закричалъ, младшій сынъ мой отвѣтилъ:

— Папа, не бойся, мы живы!

Мы съ женой вошли въ умывальную, ошущю добрался я до двери въ дѣтскую и пытался ее открыть. Но дверь завалило обломками, мнѣ пришлось разбить стекло и пролѣзть черезъ верхнюю половину двери. Когда я всталъ на ноги, уже чуть-чуть забрезжило и прямо передо мной я увидѣлъ небо и море, отступившее отъ берега по крайней мѣрѣ на полтора метра,—нашъ домъ находится всего въ сорока метрахъ отъ моря. Это зрѣлище такъ поразило меня, что я на нѣсколько секундъ точно остолбенѣлъ. Придя въ себя, осторожно пробираясь по кучамъ обломковъ и разбитой мебели, добрался до того мѣста, гдѣ стояли кровати моихъ дѣтей. Ихъ спасло то, что въ комнатѣ стоялъ огромный шкафъ, желѣзная балка легла какъ разъ на этотъ шкафъ и удержала потолокъ. Младшій сынъ мой инстинктивно сжался въ маленькій комочекъ, подобравъ подъ себя

ноги—это сохранило его отъ ужасной судьбы быть искалѣченнымъ: куски камня легли вплотную къ его колѣнямъ. Я схватилъ дѣтей и пробрался съ ними къ женѣ. Служанка наша, какъ я уже упомянулъ, спала въ маленькой комнатѣ, смежной съ кухней. Минуть за десять до катастрофы, она была разбужена неистовымъ мяуканьемъ нашей кошки, которая бросалась на стѣну, царапала ихъ и вообще, по выраженію Августы, вела себя такъ, точно въ нее залѣзъ дьяволъ. Служанка зажгла свѣтъ и пошла въ кухню успокоить кошку—въ этотъ самый моментъ ее застигло землетрясеніе. Свѣча выпала у нея изъ рукъ. Опомнившись, она кинулась обратно въ свою комнату, снова зажгла свѣтъ и прежде всего пошла помогать намъ,—только съ ея помощью намъ удалось выбраться изъ дому.

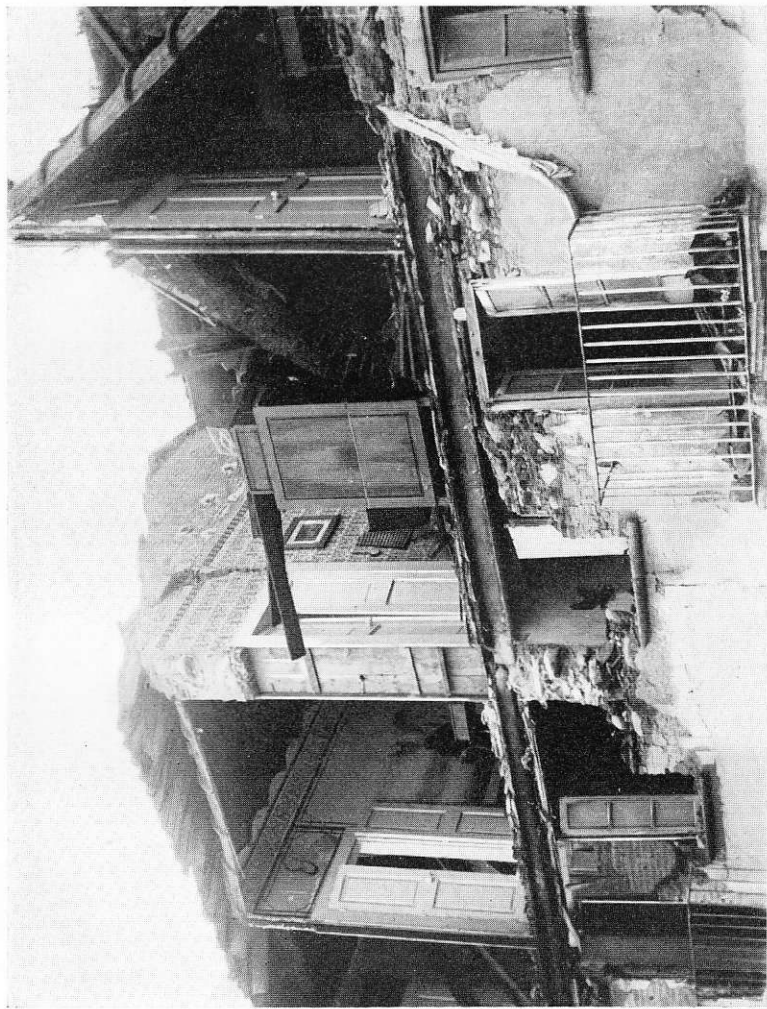
Нашъ домъ былъ расположенъ на склонѣ холма, фасадъ его представлялъ два съ половиною этажа, а задняя стѣна—одинъ, такъ что мы прямо изъ кухни вышли на дворъ, и въ ту же минуту едва-едва успѣли вскочить обратно—со всѣхъ сторонъ рушились стѣны смежныхъ съ нами домовъ, засыпая нашъ дворъ. Толчки все продолжались, хотя съ меньшею силою.

Наконецъ, мы рѣшились вылѣзть черезъ окно

кухни наружу. Тутъ мы съ изумленіемъ увидѣли, что кладовушка, въ которой держали грязное бѣлье и всякія старыя вещи, совершенно уцѣлѣла и, такъ какъ всѣ были въ одномъ ночномъ бѣльѣ, то прежде всего надѣли на себя кто что могъ. Младшему сыну моему не хватило сапогъ—Августа отдала ему свои старые башмаки. Затѣмъ я постарался найти болѣе или менѣе безопасное мѣстечко у насъ во дворѣ, чтобы дождаться разсвѣта...

Когда раздался первый ударъ — мнѣ кажется, что ихъ было три, но, право, я не въ состояніи былъ бы сказать это навѣрное, такъ все у меня смѣшалось въ головѣ—все кругомъ сразу наполнилось страшнымъ грохотомъ падающихъ стѣнъ и домовъ и характернымъ подземнымъ гуломъ. Затѣмъ наступило секундъ тридцать пять-сорокъ, — можетъ быть, минута, не знаю,—какого-то невѣроятнаго молчанія, какой-то неистовой тишины, и вдругъ раздался такой вопль, такой хоръ человѣческихъ криковъ, воя, плача и вопля о помощи, который покрылъ весь грохотъ вновь начавшихъ падать стѣнъ.

Пока мы сидѣли, отовсюду неслись крики: „Помогите, ради Бога помогите!.. Папа, гдѣ ты?.. Мама!..“—Кричали имена, молили о помощи, выли отъ боли и ужаса.

Землетрясение въ Мессинѣ.—Разрушенный домъ де Анджелеса.
Съ фотографіи де Анджелеса.

Потомъ мнѣ рассказывалъ одинъ рыбакъ, — имени его я не знаю, — онъ былъ въ морѣ, ловилъ рыбу. Вдругъ море начало кипѣть и подниматься острыми волнами. Тогда старый рыбакъ сказалъ имъ:— „Смотрите, отъ Калабріи буря идетъ!“ — Они схватились грести, но въ это время ихъ подхватила огромная волна, понесла къ Мессинскому берегу и вышвырнула съ невѣроятною силою на берегъ. Какъ они не погибли всѣ — онъ понять не можетъ. Эта волна бросилась на берегъ, опрокидывая и заливая все на своемъ пути, а потомъ хлынула назадъ и понесла за собой барки, лодки, людей, мебель, обломки, унося ихъ далеко отъ берега.

Должно быть, именно этотъ моментъ я увидѣлъ изъ комнаты своихъ сыновей.

Этотъ же рыбакъ говорилъ мнѣ, что прошло гораздо больше часу, прежде чѣмъ море приняло свой обычный уровень, и что весь проливъ былъ полонъ разбитыми и опрокинутыми лодками, барками, плывущими обломками, людьми, животными, снесенными съ береговъ Мессины и берега Калабріи. Когда немного разсвѣло, мы пошли искать своихъ друзей. На виллѣ Сандерсонъ мы узнали, что капитанъ Паванъ и его жена тоже спаслись, также какъ и ихъ служанка, но ихъ великолѣпная вилла совершенно разрушена — остались только

боковыя стѣны и крыша, весь домъ провалился. Всѣ мы принялись помогать тѣмъ, кто пострадалъ больше насъ.

Люди были такъ оглушены, что многіе здоровые, сильные, съ плачемъ молили о помощи, но сами не догадывались или не находили въ себѣ силъ приняться откапывать своихъ близкихъ. Ужасно, что подъ руками не было ни лопать, ни кирокъ, ни даже большихъ кусковъ дерева, желѣза—все превратилось въ мелкіе осколки.

Жена моя, при видѣ инертности этихъ людей, сама принялась рыться въ развалинахъ дома рядомъ съ нашимъ, откуда неслись стоны и мольбы о помощи. Молодой человѣкъ, кузнецъ, недавно только пришедшій съ военной службы—артиллерійскій солдатъ, — сидѣлъ, охвативъ голову руками, и качался изъ стороны въ сторону, ничего не предпринимая. Я накинулся на него, ругая и стыдя, что вотъ, моль, женщина работаетъ, а онъ сидитъ, сложа руки, и допускаетъ, чтобы люди задохались подъ землей. Онъ сбросилъ съ себя охватившую его апатію и, долженъ сознаться, что у меня не было болѣе ретиваго помощника, какъ этотъ парень.

Капитанъ Паванъ безъ шапки, въ какомъ-то бѣломъ колпакѣ на головѣ, таскалъ раненыхъ, его

жена дѣлала первыя перевязки, какъ только могла и умѣла. Въ ихъ саду изъ всякихъ обломковъ, ковровъ и тряпья мы стали строить палатки. Всѣ боялись быть на берегу изъ страха новаго сотрясенія и новой страшной волны и поэтому лѣглись на склонѣ холма. Въ нашей деревенькѣ было, приблизительно, больше пятисотъ человѣкъ жителей — изъ нихъ погибло болѣе половины. Наименѣе пострадало мѣстечко Парадизо, больше всего Пажи, Санта Агата и Фаро Суперіоро, — тамъ изъ двухъ тысячъ жителей уцѣлѣло едва ли двѣсти-триста человѣкъ.

Только около семи часовъ утра стали показываться бѣглецы изъ Мессины, — у большинства жилищныхъ Мессинскихъ жителей виллы и дома въ окрестностяхъ, — отъ нихъ мы узнали, что Мессины болѣе не существуетъ, разрушена до основанія. Почти всѣ бѣглецы были ранены, въ крови, безумно испуганы.

Мы, жители маленькихъ мѣстечекъ, уцѣлѣвшіе и не раненые, раздѣлились на группы и такъ, на свой страхъ и рискъ, старались помочь другъ другу.

Около трехъ часовъ пополудни дѣти стали жаловаться на голодъ. Мало у кого изъ насъ сохранилось что-либо съѣстное. У меня оказалось не-

много вина, которое мы давали тѣмъ, кого вытаскивали изъ-подъ обломковъ. Мнѣ сказали, что въ колониальномъ магазинѣ нашего мѣстечка разбита дверь, но сама лавка уцѣлѣла. Тамъ былъ и рисъ, и бобы, и мука, и хлѣбъ... Мы, начальники группъ, посовѣтовавшись, рѣшили завладѣть этимъ магазиномъ, хозяинъ его былъ въ это время въ Мессинѣ. Пошли и взяли товаръ, а потомъ стали возможно цѣлесообразнѣе распредѣлять его. До самаго поздняго вечера мы откапывали заживо погребенныхъ. Всѣ, кого мы откапывали, въ первую минуту были не въ состояніи говорить, у всѣхъ видъ ужасный, цвѣтъ кожи свинцовый съ фіолетовымъ оттѣнкомъ, глаза страшно опухшіе, полны пыли, слезятся и кровоточатъ, всѣ лица тоже опухшія, вздутыя. Если люди говорятъ, то отрывочно, не находятъ словъ, похожи на сумасшедшихъ, у многихъ пропадалъ голосъ, выпадали буквы, слога. Мнѣ пришлось вытащить одного старика, котораго цѣликомъ засыпало пылью, но онъ остался живъ, благодаря тому, что на него упалъ столъ и закрылъ верхнюю половину его туловища. Его дочь прибѣжала ко мнѣ и съ плачемъ умоляла открыть ея отца. Я сейчасъ же, конечно, побѣждалъ. Спрашиваю ее: какъ отца зовутъ?— „Франческо!“ Я принялся кричать: „Фран-

ческо, Франческо, гдѣ вы?“ Слышенъ стонъ. Я опять кричу: „Можете вы сказать намъ, гдѣ лежитъ ваша голова?“ Опять стонъ. Вдругъ видимъ: сквозь маленькое отверстіе просовывается старый, корявый палецъ. Ну, тутъ я посмотрѣлъ какой палецъ, какая рука и мы принялись его откапывать. Порыли немного, видимъ—дѣло плохо: если еще копать, все рухнетъ и старика задавить. Столъ прикрылъ его голову и туловище, но если тронуть этотъ столъ, то вся масса обломковъ и пыли рухнетъ на человѣка. Думали-думали, наконецъ догадались, стали отбивать ножемъ куски стола и понемногу отсыпать мусоръ. Отрыли, такимъ образомъ, старика до самыхъ ногъ, а дальше совсѣмъ нельзя трогать. Что дѣлать? Тогда я и другіе схватили старика за плечи и стали тянуть его. Онъ кричалъ ужасно; мы стиснули зубы и все тащили. Кожу съ ногъ его совсѣмъ содрало; мы его, всетаки, вытащили, и онъ остался живъ.

Такъ прошелъ этотъ день и наступила темнота. Ни огня, ни свѣта у насъ не было. Къ вечеру пошелъ дождь. Мы, кто могъ, забрались въ палатки, сѣли на землѣ, кое-какъ прикрыли дѣтей и стали ждать. Время длилось ужасно. Только у моей жены оказались часы, такъ какъ она носитъ ихъ въ браслетѣ на рукѣ. Спрашиваемъ ее:

„который часъ?“ — „Девять!..“ Проходитъ много времени, спрашиваемъ ее опять: „который часъ?“ — „Девять съ половиной!“ И такъ безконечно тянулась эта первая ночь послѣ катастрофы.

На другой день я на лодкѣ поѣхалъ въ Мессину, чтобы искать помощи и самому видѣть, что случилось съ городомъ. Тамъ уже были три русскихъ судна и одно англійское, энергично взявшіяся за благородное дѣло помощи. Каждое судно брало себѣ какую-нибудь опредѣленную часть города, и матросы партіями шли на раскопки.

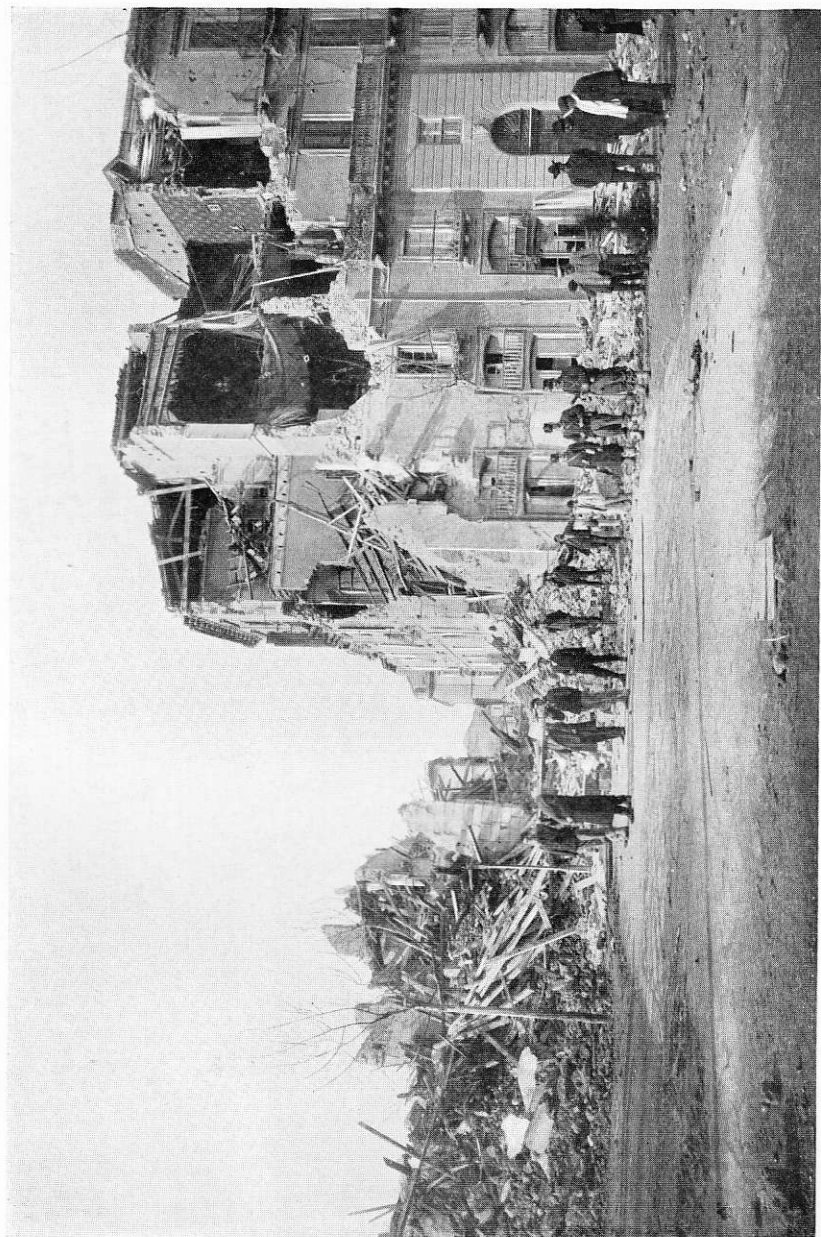
Англичане устроили себѣ амбулаторію въ домѣ электрической станціи. Четыре русскихъ врача перевязывали раненыхъ на мѣстѣ—на открытомъ воздухѣ—и, послѣ перевязки, ихъ относили въ наскоро устроенный въ портовой казармѣ госпиталь.

Нѣтъ словъ, чтобы рассказать съ какимъ самоотверженіемъ работали русскіе матросы! Гдѣ только было опаснѣе всего, куда никто не рѣшался идти, они шли и спокойно дѣлали свое дѣло. Насъ итальянцевъ поразило, что у нихъ все оказалось: и топоры, и кирки, и веревки, и даже полотняныя перчатки, чтобы солдаты не ранили себѣ рукъ и не заражались. Удивительно трогательно относились они къ дѣтямъ и женщинамъ! Надо было

видѣть, съ какою осторожностью и нѣжностью они относились къ нимъ, говорили что-то, никому непонятное, но испуганныя дѣти шли къ нимъ на руки безъ страха, такъ чувствовалось ихъ горячее желаніе утѣшить и приласкать. Мнѣ самому пришлось быть свидѣтелемъ такого случая. Я вмѣстѣ съ другими своими соотечественниками, среди которыхъ были и оффиціальныя лица, шли мимо дома префекта Мессины. Кругомъ все представляло собой однѣ развалины, и вдругъ, въ одномъ изъ разрушенныхъ домовъ, въ третьемъ этажѣ, какимъ-то чудомъ уцѣлѣла комната, въ которой за окномъ виднѣлась голова женщины. Нельзя было рассмотреть, стара или молода она. Увидя насъ, она стала кричать намъ: „Помогите, помогите, ради Бога! Спасите меня, спасите!“ У насъ ничего съ собою не было, ни лѣстницъ, ни веревокъ, и мы стали кричать ей: „Не отчаивайтесь, мы васъ спасемъ! Мы придемъ и спасемъ васъ, подождите немного!“ Но она не вѣрила и стала ругать насъ. „Негодяи, негодяи, вы хотите, чтобы я околѣла отъ голода и холода! Вы хотите бросить меня погибать безъ помощи!“ Пока мы шли, она все кричала. Неподалеку мы встрѣтились съ отрядомъ русскихъ моряковъ изъ четырехъ человѣкъ; они направлялись въ ту сторону, откуда мы шли. Не

прошло и десяти минутъ, какъ кричавшая женщина оказалась спасенною и на землѣ. Какъ они это сдѣлали, я, право, не знаю; у нихъ, какъ и у насъ, не было ни лѣстницъ, ни веревокъ съ собою.

...Пришлось мнѣ быть свидѣтелемъ, какъ спасли трехъ дѣтей. Нашъ отрядъ шелъ на раскопки, на этотъ разъ это были итальянскіе солдаты. Шли и, какъ всегда, кричали: „Эй, нѣтъ ли тутъ кого? Откликнись! Кто тутъ живой, эй!“ Вдругъ слышимъ—изъ однѣхъ развалинъ раздается тоненькій голосокъ: „Марія!“ Солдаты бросились туда. „Эй, кто тамъ?“ Молчаніе. Потомъ опять чуть слышно: „Марія, Марія!“ Значить—кто-то тамъ есть! Принялись лихорадочно рыть и вдругъ видимъ: изъ маленькаго отверстія—лѣзетъ попугай, весь въ извести, жалкій, растрепанный, испуганный... Сперва мы расхохотались даже. Но потомъ поняли, что если попугай кричалъ—Марія, значитъ—тамъ она! Стали рыть дальше и откопали маленькую дѣвочку—ее-то и зовутъ Марія. Спрашиваемъ ее: „Есть тамъ еще кто-нибудь?“ „Да. Со мной были мои братья. Они все время разговаривали, но вотъ теперь замолчали!“ Стали рыть еще и откопали двухъ маленькихъ мальчиковъ. Больше тамъ никого не было. Такъ попка и спасъ три человѣче-

Мессина. — После землетрясения.

скія души, за что его съ торжествомъ отнесли на броненосецъ „Королева Елена“.

Мнѣ пришлось столкнуться самому съ тѣми пресловутыми ворами, о которыхъ такъ много пишутъ въ газетахъ. Не могу не сказать, что всѣ эти росказни въ высокой степени, на мой взглядъ, преувеличены. Конечно, что говорить, нужда у насъ въ Сициліи, какъ и въ Калабріи, огромная,— очень естественно, если бѣдняки приняла обрушившееся на городъ несчастіе за удачу для себя и тащили все, кто что могъ. Конечно, могли быть случаи, о которыхъ говорятъ, могли быть вырваны серьги изъ ушей, отрублены мертвые пальцы— можетъ быть,—но вѣдь нельзя же забывать, что изъ разрушенныхъ тюремъ бѣжали арестанты, женщины и мужчины, все это голодное, голое, обезумѣвшее. Я натолкнулся на нѣсколькихъ людей съ мѣшками на спинѣ, погнался за ними, когда они пустились бѣжать отъ меня, одного поймалъ, обломалъ объ него свой зонтикъ, а у него въ мѣшкѣ оказался каравай хлѣба, да пара старыхъ штиблетъ. Лично я не знаю ни одного случая грабежа.

Въ Мессинѣ — когда я былъ тамъ во второй разъ—мнѣ рассказывали о королевѣ Еленѣ. Она, дѣйствительно, ухаживала за ранеными, какъ

простая сестра милосердія. На ея рукахъ въ буквально́мъ смыслѣ этого слова умерли три женщины, и одна изъ нихъ, въ страшныхъ конвульсіяхъ, такъ ударила королеву въ грудь, что грудь распухла и сильно болитъ. Король тоже все время на своемъ посту и работаль, какъ простой военноподначальникъ, всюду поспѣвая, цѣлыми днями безъ устали.

Къ вечеру я вернулся въ Контемплаціонэ съ мѣшкомъ галетъ и обѣщаніемъ прислать помощь. Тамъ жена рассказывала мнѣ о спасенныхъ. Въ этотъ день въ Пажи своими односельчанами былъ вытащенъ изъ-подъ развалинъ одинъ унтеръ-офицеръ съ женой, матерью и двумя дѣтьми—трехгодовалымъ и груднымъ младенцемъ. Они живы, хотя и ранены всѣ.

На третій день въ Контемплаціонэ пришла миноноска и въ восемь съ половиной часовъ утра привезла шесть мѣшковъ галетъ и полъ-мѣшка хлѣба для дѣтей и больныхъ; все это тотчасъ же было роздано, причемъ взрослому человѣку давалось не болѣе двухъ галетъ.

Я было приготовилъ лодку для перевоза на миноноску раненыхъ, но оказалось, что она не возвращалась въ Мессину, и приходилось ждать другого случая. Въ это время хозяинъ лодки, ры-

бакъ, заявилъ мнѣ, что въ его деревнѣ Пажи вотъ уже третій день его семья и односельчане не имѣли ничего съѣстнаго и просилъ меня дать ему что-нибудь, чтобы онъ могъ свезти въ свою деревню. Я потребовалъ, чтобы и ему дали съ миноноски мѣшокъ галетъ, взявъ съ него слово, что какъ только онъ раздастъ галеты, немедленно вернется въ Контемплаціонэ. Все это время жена моя и другія уцѣлѣвшія женщины старались подавать помощь раненымъ, и, собравшись на берегу, мы съ нетерпѣніемъ ждали, не покажется ли еще какое-нибудь судно. Дѣйствительно, вскорѣ на горизонтѣ показался броненосецъ, медленно двигавшійся вдоль берега, по направленію къ Мессинѣ. Мы принялись махать платками и простынями, но броненосецъ не обращалъ на насъ вниманія и продолжалъ свой путь. Тогда я, собравъ вокругъ себя всѣхъ находившихся на берегу, сталъ вмѣстѣ съ ними громко кричать: „Помощи! На помощь! Помогите!“ И вотъ мы съ радостью увидѣли, что броненосецъ повернулъ ближе къ берегу и бросилъ якорь. Это былъ „Викторъ Эммануиль“, на которомъ шли король съ королевою, но никто изъ насъ, конечно, не зналъ этого, тѣмъ болѣе, что королевскаго штандарта не было видно.

Какъ разъ къ этому времени, весь въ поту и зады-

хаясь, вернулся мой рыбакъ, и я, вскочивъ въ лодку, направился къ броненосцу; только совсѣмъ близко къ судну я замѣтилъ штандартъ и тутъ же увидѣлъ отчалившій отъ борта паровой баркасъ, въ которомъ сидѣли король и королева. Я направился къ баркасу и обратился къ королю:

— „Ваше Величество! Маленькія мѣстечки по берегу моря пострадали не менѣе Мессины, но у насъ нѣтъ ни врачебной помощи, ни людей для раскопки заживо погребенныхъ, ни даже хлѣба. Я пришелъ просить помощи!“

Король сидѣлъ страшно блѣдный, у королевы я видѣлъ слезы на глазахъ.

— „Все, что только возможно, будетъ сдѣлано!“—отвѣтилъ мнѣ король.

И баркасъ направился къ берегу, а я поплылъ къ броненосцу и присталъ къ трапу.

На трапѣ меня встрѣтилъ командиръ Паладини. Онъ немедленно принялъ отъ меня раненыхъ, ихъ было четверо, среди нихъ одна женщина особенно тяжело. Распорядился спустить на берегъ пятьдесятъ человѣкъ команды подъ начальствомъ трехъ офицеровъ и врача, совсѣмъ еще молодого человѣка, неаполитанца родомъ,—къ сожалѣнію забылъ его фамилію.

На берегу всё немедленно лихорадочно принялись за дѣло помощи. Въ залѣ лѣтняго курзала устроили перевязочный пунктъ, куда цѣлый день сносили раненныхъ. Докторъ работалъ до поздней ночи безъ усталы: перевязывая, ампутируя, уговаривая больныхъ, утѣшая измученныхъ людей.

У большинства раненныхъ были разбиты головы, сломаны руки, ноги. У многихъ страшно изранены спины, такъ какъ первымъ инстинктивнымъ движеніемъ cadaго, должно быть, было согнуться, подставить спину подъ удары падавшихъ обломковъ, которые сдирали кожу, а у многихъ даже мясо; затѣмъ, вторымъ толчкомъ человекъ бросало на землю, накрывая камнями и пылью. Еще тяжелѣе было положеніе тѣхъ, кто падалъ на спину, такъ какъ падали они на тѣ же осколки и обломки и умирали придавленные сверху, засыпанные. У многихъ спина представляла собою сплошную рану, у нѣкоторыхъ даже кости были обнажены. И все это засорено, гноится и кровоточить.

По всему побережью видны были снующія отъ броненосца лодки, направлявшіяся съ помощью. Къ сожалѣнію, очень быстро не хватило носилокъ, раненныхъ приходилось таскать на импровизированныхъ, кое-какъ связанныхъ изъ разныхъ остатковъ.

Солдаты работали безъ устали весь день, офицеры наряду со всѣми; я помню, что когда съ броненосца раздался рожокъ, призывавшій къ объѣду, ни одинъ человекъ не тронулся, и всѣ остались на берегу безъ пищи, пока совсѣмъ не стемнѣло.

Многихъ раненыхъ мы находили сидящими на развалинахъ своихъ домовъ. Это были тѣ, которыхъ откапали ихъ родные, или люди, оказавшіеся послѣ землетрясенія сверху развалинъ. Многихъ уже свои же родные устроили кое-какъ на берегу въ лодкахъ. Ихъ тоже брали и относили въ походный госпиталь, наскоро устроенный въ одномъ изъ уцѣлѣвшихъ домовъ.

Помню, откапывали мы дочь одного изъ нашихъ рыбаковъ, двадцати-четырёхлѣтнюю молодую женщину. Она лежала въ кровати съ маленькимъ двухлѣтнимъ своимъ сыномъ. Ребенка мы освободили изъ-подъ обломковъ довольно легко, но бѣдная женщина совершенно была покрыта мелкими обломками, при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи сползавшими и грозившими раздавить ее. Она больше всего беспокоилась о томъ, что она голая, и просила насъ:

— „Подождите! Не вытаскивайте меня, я со-

всѣмъ голая! Накройте меня сперва чѣмъ-нибудь!“

Мы откопали ее живою, но черезъ 24 часа она умерла.

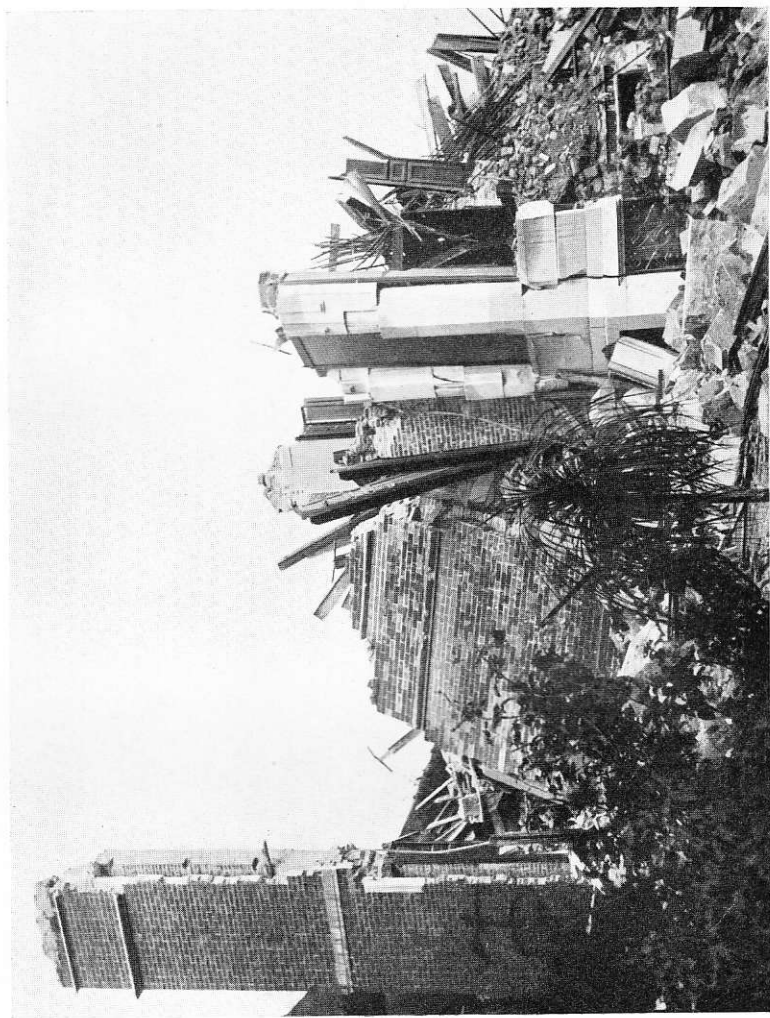
Втеченіе цѣлаго дня приходили люди изъ окрестныхъ селеній, прося хлѣба и помощи. Пришеть делегатъ муниципіи наиболѣе пострадавшаго Фаро Суперіоре, съ нимъ крестьяне его коммуны. Они говорили, что уцѣлѣвшіе двѣсти-триста человѣкъ умирають съ голоду. Имъ дали тринадцать мѣшковъ галетъ, и они поспѣшно ушли.

Въ первые дни, естественно, все вниманіе было обращено на Мессину и большіе города; маленькимъ мѣстечкамъ трудно приходилось отъ отчаянія, голода и отсутствія помощи. Положеніе осложняла та болѣзненная апатія, въ которой находились уцѣлѣвшіе люди. Къ вечеру на третій день появились пѣшія войска,—берсальеры изъ Неаполя,— и начали обслуживать пострадавшія селенія.

Вечеромъ этого дня я подплылъ на лодкѣ къ броненосцу „Викторъ Эммануиль“ и просилъ взять на бортъ моихъ сыновей. Плохо одѣтые, утомленные и измученные, они все время должны были жить, какъ и всѣ, въ палаткѣ подъ открытымъ небомъ, на дождѣ и вѣтрѣ. Капитанъ, отнюдь не

отказывая мнѣ, посовѣтоваль лучше отправиться въ Мессину и попытаться устроить ихъ на одномъ изъ отходящихъ въ Неаполь пароходовъ, такъ какъ на броненосцѣ не знаютъ, сколько еще времени имъ придется провести здѣсь. Я послушался. И вотъ всѣ мы, жена моя, служанка и дѣти пошли въ Мессину. Страшно мучительными показались намъ эти пять километровъ пути. Жена моя шла въ мужскихъ ботинкахъ съ опухшею отъ удара камнемъ ногой, у Августы босыя ноги сильно изранены и порѣзаны стеклами, когда она помогала намъ спастись, дѣти едва шли. Только очень поздно доплелись мы до Мессины. По дорогѣ проходили мимо труповъ, едва прикрытыхъ всякими лохмотьями.

Къ великому моему огорченію, для моей семьи не оказалось мѣста ни на одномъ изъ пароходовъ, и мы принуждены были идти обратно, несмотря на сильный дождь, полную темноту и грязь, спотыкаясь о порванные телеграфныя и телефонныя проволоки. Изрѣдка лучи прожекторовъ съ судовъ на мгновение освѣщали путь, и мы шли полумертвые отъ усталости—двѣ женщины, двое дѣтей и я, единственный сильный и здоровый человекъ. Когда мы пришли обратно, то увидѣли, что имѣющіеся у насъ два матраца въ палаткѣ заняты на-

Землетрясеніе въ Мессинѣ.—Разрушенный домъ.

шими товарищами по несчастію, надѣявшимися уснуть въ эту ночь поудобнѣе, въ виду того, что, все-таки, пять человѣкъ выбывало. Конечно, все это пустяки, по сравненію съ тѣми ужасными страданіями, которыя были всюду кругомъ, мелочь, но намъ было очень тяжело, особенно потому, что началось уже сильное разложеніе труповъ, воздухъ былъ наполненъ удушающимъ зловоніемъ, и мы съ женою трепетали за дѣтей. На четвертый день началась посадка раненыхъ на суда. Стало сильно замѣтно, что рыбаки и крестьяне предпочитали устраниваться на бивуакахъ, жить впроголодь, но оставаться на мѣстѣ, весь же пришлый элементъ, ремесленники—бросились бѣжать хоть куда-нибудь, только бы скорѣе прочь отъ мѣста катастрофы.

На многихъ лодкахъ рыбаки поставили кое-какъ устроенныя палатки, принялись варить себѣ пищу и вообще пытались наладить нарушенное теченіе жизни.

Весь этотъ день я почти цѣликомъ провелъ въ Мессинѣ, въ поискахъ за разными медицинскими принадлежностями. Когда я вернулся, жена моя рассказала мнѣ, что днемъ пришли два французскіе броненосца и, едва встали на якорь, немедленно спустили людей на берегъ. Одна лодка пристала къ берегу почти у самаго нашего дома,

и жена видѣла, съ какимъ необыкновеннымъ одушевленіемъ французскіе матросы принялись за дѣло.

Рядомъ съ нашимъ домомъ находился домъ Орланди, отъ котораго шло страшное зловоніе, такъ какъ въ немъ оставались засыпанными четыре человѣческихъ трупа и лошадь. Мы не могли ничего подѣлать: слишкомъ опасно было прикасаться къ этому дому, онъ ежеминутно грозилъ обрушиться и засыпать живыхъ. Французы сразу бросились къ нему и съ безумной храбростью принялись разламывать его. Увидѣвъ это, жена моя, которая хорошо говоритъ по-французски, бросилась къ матросамъ и закричала:

— Что вы дѣлаете? Этотъ домъ сейчасъ упадетъ, задавитъ васъ!

— А тамъ никого нѣтъ живыхъ?

— Нѣтъ, нѣтъ! — отвѣчала жена. — Никого! Идите спасать живыхъ, но не рискуйте собой для мертвыхъ!

Французы поблагодарили ее и энергично бросились на помощь другимъ.

На пятый день капитанъ Паладини прислалъ мнѣ сказать, что можетъ взять къ себѣ на бортъ мою жену, дѣтей и служанку, теперь онъ обѣщаетъ отвезти ихъ въ Неаполь.

Я взялъ лодку, связали мы свои несчастные пожитки, у кого рубаха, а у кого и того нѣтъ, такъ какъ рискованно было входить въ нашъ домъ: онъ могъ ежеминутно обрушиться. Поплыли мы на броненосецъ. Приняли насъ на немъ, какъ братьевъ. Капитанъ предложилъ и мнѣ поѣхать на броненосцѣ, въ виду того, что пришли войска и моя помощь перестала быть необходимою въ мѣстечкѣ; я съ благодарностью принялъ его предложеніе и только попросилъ разрѣшенія съѣздить на французскія суда просить ихъ о посылкѣ съѣстнаго на берегъ, въ чемъ все еще чувствовался недостатокъ.

Отправился на французское судно, чтобы не приняли меня за мошенника, показалъ свое удивленіе личности и просилъ отъ имени населенія прислать съѣстныхъ припасовъ.

Офицеръ очень любезно обѣщалъ мнѣ, что какъ только будетъ готово горячее, онъ пошлетъ ѣду и людей на берегъ.

Я поблагодарилъ и поплылъ къ берегу проститься со своими односельчанами. Спустя нѣсколько времени, когда я уже вернулся на броненосецъ „Викторъ Эммануиль“, я видѣлъ, какъ съ французскихъ судовъ спускали огромные котлы

съ супомъ, отходили цѣлыя лодки, полныя хлѣба и еще какихъ-то припасовъ.

Я утверждаю, что уже на второй день къ вечеру съ пароходами прибыли итальянскіе солдаты, что у нихъ уже были съ собою кирки, лопаты и кое-какія медицинскія принадлежности. Всего ихъ прибыло въ этотъ день три тысячи человѣкъ.

Еще утромъ второго дня прибыли военныя суда: „Королева Елена“, „Сицилія“, и къ полудню, должно быть, „Викторъ Эммануиль“.

Первыя два судна были въ плаваніи приблизительно въ полутораста миляхъ отъ Палермо и прибыли раньше, „Викторъ Эммануиль“ прибылъ изъ Неаполя и, какъ я уже упоминалъ, имѣлъ на борту короля и королеву. Въ этотъ же день, какъ мнѣ говорили, были посланы изъ Неаполя суда къ берегамъ Калабріи.

Въ самой Мессинѣ была миноносная станція въ составѣ десяти миноносокъ; несмотря на ужасную погоду, представлявшую огромную опасность для такихъ судовъ, эта станція немедленно принялась за дѣло помощи, раздѣляясь на два отряда, — одна часть отправилась обслуживать Мессинское побережье, а другая берегъ Калабріи. Море все время было страшно бурное, команда на миноно-

скахъ маленькая; понятно, что ихъ помощь представляла собою незамѣтную каплю въ морѣ, но я считаю своимъ долгомъ упомянуть, какъ очевидецъ и свидѣтель самоотверженной работы матросовъ и офицеровъ, что они отдавались дѣлу помощи пострадавшимъ съ изумительнымъ самоотверженіемъ и страстностью.

Затѣмъ, я самъ видѣлъ, что уже на второй день частные пароходы пришли съ довольно большимъ грузомъ дерева для постройки временныхъ барачковъ. Я самъ видѣлъ, какъ изъ многихъ деревень и мѣстечекъ Мессинскаго побережья подплывали лодки и брали этотъ лѣсъ.

Я забылъ упомянуть, что большое затрудненіе, при ходбѣ въ мѣстностяхъ, пораженныхъ землетрясеніемъ, представляли собою всюду протянувшіяся трещины, правда не очень широкія, но нѣкоторыя изъ нихъ я измѣрилъ — онѣ были отъ одного метра двадцати до шестидесяти и даже семидесяти пяти сантиметровъ глубины. Тамъ, гдѣ были мостовыя, камни во многихъ мѣстахъ сдвинуты и нагромождены одинъ на другой болѣе или менѣе высокими кучами, точно кто-то взялъ и стиснулъ съ двухъ сторонъ линію дороги такъ, что камни выперло вверхъ. Поражало меня то, что часто приходилось видѣть, какъ одна колон-

на вѣрѣ представляла собою груды щебня и камней, въ то время, какъ другая оставалась совершенно цѣлою, несмотря на разстояніе между ними въ два, два съ половиною метра.

Тѣ, кого мнѣ пришлось видѣть изъ пережившихъ Мессинское землетрясеніе, почти всѣ казались мнѣ ненормальными. Мало кто изъ нихъ могъ связно говорить, многіе не понимали вопросовъ. Очень многіе люди, члены одной и той же семьи, не знали объ участи другъ друга. Многіе выражали полную апатію при спасеніи и никакой радости.

Положеніе въ Мессинѣ было тѣмъ болѣе ужасно, что даже люди, выбѣжавшіе изъ домовъ на улицу, не могли спастись, такъ какъ, стиснутыя съ обѣихъ сторонъ высокими домами, эти улицы представляли собою нѣчто вродѣ корридоровъ, а принятая въ Мессинѣ манера облицовывать дома тяжелымъ мраморомъ, украшать ихъ богатыми карнизами, дѣлала эти узкіе проходы во время землетрясенія, когда все это рушилось на головы несчастныхъ спасающихся, настоящими западнями; часто падали цѣлые фасады, погребая массы людей. Всего этого, конечно, не было въ маленькихъ мѣстечкахъ; этому, я думаю, надо приписать большее количество спасшихся тамъ отъ гибели.

Очень трудно вспомнить, а, тѣмъ болѣе, хотя нѣсколько связно передать, все, чему пришлось быть свидѣтелемъ за эти ужасные дни...

Помню, что когда я, придя въ Мессину, попалъ во дворець префекта, — великолѣпное зданіе, его называютъ Палаццо Реале, такъ какъ онъ принадлежалъ прежде бурбонскому дому и былъ резиденціей королей, съ 1860 года онъ сталъ собственностью государства, — такъ вотъ, придя во дворець, я увидѣлъ въ вестибюлѣ нѣсколько труповъ, лежавшихъ у самаго входа. Тутъ же, въ углу я узналъ сидящаго доктора Оскара Ферро, одного изъ врачей Краснаго Креста; съ нимъ былъ его сынъ, молодой человѣкъ лѣтъ девятнадцати, спасшій жизнь своего отца, — мать и братъ его погибли. Отецъ сильно страдалъ, у него было раздроблено плечо. Тутъ же я увидѣлъ префекта; онъ сохранялъ полное самообладаніе, надо отдать ему справедливость, несмотря на то, что дочь его, молодая дѣвушка, сильно ранена. Самъ онъ и жена его остались невредимыми. Дворецъ почти совершенно цѣлъ, кромѣ пріемнаго зала, въ которомъ поврежденія довольно значительны.

Въ этотъ первый разъ я побывалъ на виллѣ Мадзини около того же дворца. Тамъ, съ самаго утра 28-го Декабря, уцѣлѣвшіе болѣе или менѣе

здоровые мессинцы устроились лагеремъ. Сотни людей, спасенныхъ ими, израненные, полураздѣтые, кое-какъ прикрытые кто одѣяломъ, кто лохмотьями, на какихъ-то подобіяхъ матрацевъ, лежали и сидѣли, скорчившіеся отъ боли и холода. Многихъ изъ своихъ знакомыхъ я не могъ узнать, такъ они были обезображены. Такъ я прошелъ мимо одного человѣка съ синимъ лицомъ и ужасными ранами на головѣ. Меня остановилъ за руку другой, здоровый, знакомый мнѣ человѣкъ и спросилъ меня:

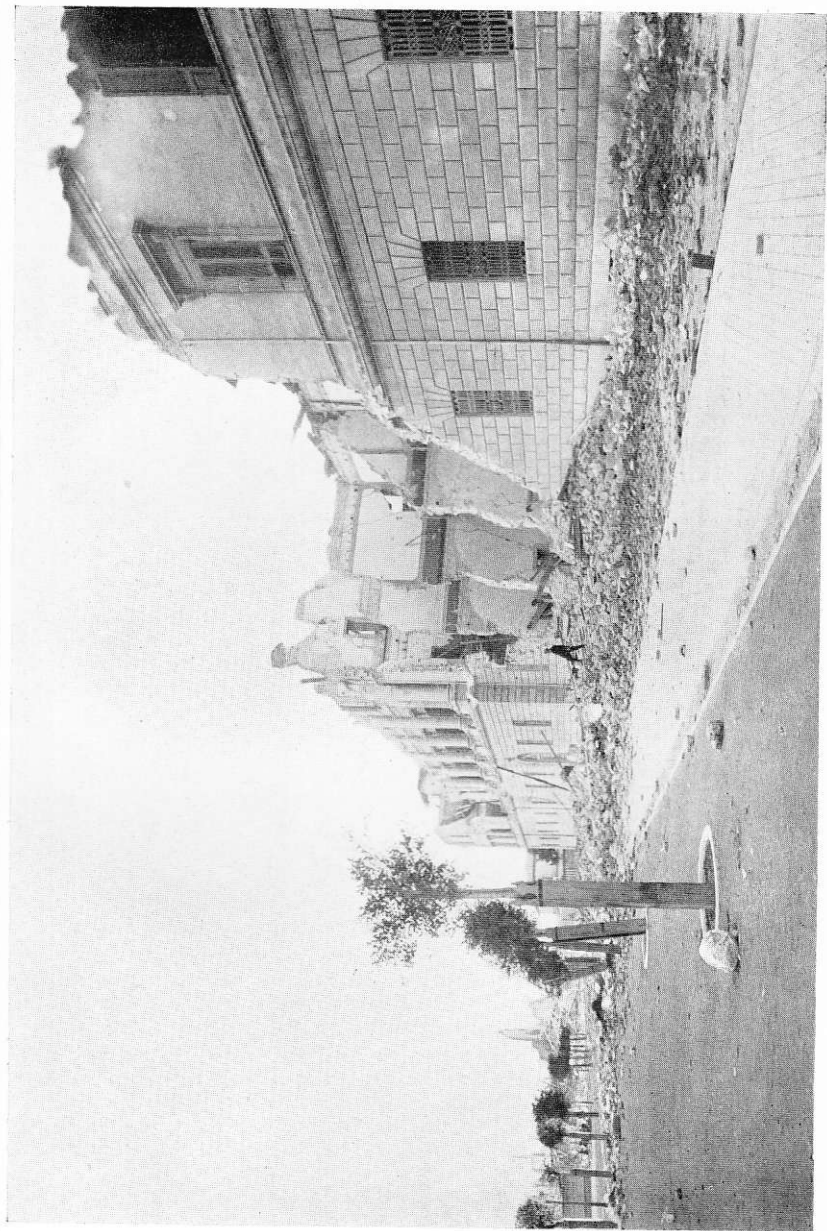
— Развѣ вы не видите, вѣдь это же адвокатъ Кардуччи!

— Гдѣ?

Онъ указалъ мнѣ на человѣка съ синимъ лицомъ, сидѣвшаго на землѣ.

Я опустился рядомъ съ нимъ на колѣни и спросилъ его о семьѣ. Не знаю, понялъ ли онъ меня,—онъ только отвернулся. Мнѣ сказали, что его семья — жена и четырнадцатилѣтняя дочь, прелестная дѣвочка—убиты.

Ужасно было положеніе въ первые дни: ни воды, ни перевязочныхъ средствъ, ни лекарствъ, ни врачебной помощи... Ничего не хватало на сотни больныхъ. Да и какая могла быть врачебная помощь въ эти первыя минуты? У каждаго врача, при всемъ горячемъ желаніи забыть, свое

Мессина. После землетрясения.
Съ фотографіи Броджи.

собственное горе — каждый изъ нихъ потерялъ кого-либо изъ своихъ родныхъ, самъ былъ боленъ или тяжело раненъ.

Выйдя изъ этого горестнаго мѣста, я направился на Корсо Гарибальди, мѣсто, гдѣ жили Арно — мои друзья. Огромный домъ оказался разрушеннымъ до основанія. Большой дворъ, бывшій въ серединѣ дома, представлялъ собою груды камней и пыли. Тщетно я искалъ и звалъ, надѣясь, что услышу какой-нибудь голосъ и смогу помочь своимъ друзьямъ. Пришлось убѣдиться, что они погибли. Только по прибытіи въ Неаполь я узналъ, что самъ Арно и его жена спаслись, погибли три ихъ дочери, дѣвочки 16, 14 и 12 лѣтъ. Отца вытащили первымъ, какъ мнѣ сказали, и, такъ какъ онъ былъ раненъ, его унесли на перевязочный пунктъ. Жену его откопали потомъ — у нея оказались раздробленными ноги. Обоихъ ихъ доставили въ Неаполь на разныхъ судахъ, причемъ мужъ могъ двигаться самъ и пришелъ въ домъ своего друга лейтенанта Бонетти въ матросскихъ брюкахъ, въ солдатской шинели, рыбацкомъ колпакѣ и босой. Лейтенантъ Бонетти послѣ долгихъ поисковъ нашель въ одномъ изъ Неаполитанскихъ госпиталей Г-жу Арно, принесенную, конечно, на носилкахъ.

Очень многія семьи въ эти первые дни полной растерянности и апатии, разсѣялись по разнымъ мѣстамъ, и я вѣрю, что еще не одинъ чело-вѣкъ найдетъ въ послѣдствіи своихъ близкихъ.

Мнѣ хочется сказать еще нѣсколько словъ о тѣхъ ворахъ и разбойникахъ, злодѣйскими подвигами которыхъ такъ много занимались газеты. Конечно, въ эти мрачные дни могли случаться сцены тяжелыя, даже отвратительныя, но—сколько было психически ненормальныхъ, сколько голодныхъ людей, и, конечно, такихъ, для которыхъ, несомнѣнно, удачными днями поживы должны были казаться эти грозные, для болѣе счастливыхъ людей, дни. Я, въ бытность мою лейтенантомъ дисциплинарнаго батальона, видѣлъ этихъ людей, называемыхъ преступниками, и, какъ бывшій тюремный начальникъ, знаю ихъ болѣе, чѣмъ кто-либо, — дайте имъ возможность жить, говорю я, и они покажутъ себя хорошо.

Рушились тюрьмы, въ которыхъ содержалось болѣе трехсотъ арестантовъ, мужчинъ и женщинъ, многіе изъ нихъ были убиты, раздавлены, погребены подъ развалинами. Но тѣ, кто спаслись — вѣдь многимъ изъ нихъ нечего было терять: развѣ не естественно, что они бросились грабить? Это не есть особенность этого землетрясенія,

всегда и всюду было такъ, и чѣмъ страшнѣе несчастіе, тѣмъ крупнѣе цифра мародеровъ.

Почему они скорѣе другихъ опомнились отъ ужаса и принялись за свое дурное дѣло? Нельзя скрывать, что вообще бѣдняки скорѣе приходили въ себя, имъ немного приходилось оплакивать, да и не такъ сильно, надо полагать, дорожать они жизнью. И это плохо, очень плохо для всѣхъ, если нѣкоторые низко цѣнятъ жизнь.

Я лично долженъ удостовѣрить, что всѣ попадавшіеся мнѣ воры, на мой взглядъ, отнюдь не были профессиональными, скорѣе всего это полудикіе, голодные пастухи, спустившіеся съ окрестныхъ горъ. Вѣдь Мессина снабжала всю окрестность съѣстными припасами, возможно, что первоначально они пришли внизъ просто, чтобы раздобыть себѣ пицци и только потомъ соблазнились легкой добычей.

Я лично позволяю себѣ думать, что всѣ ужасные рассказы объ отрѣзанныхъ у живыхъ людей пальцахъ, чтобы украсть кольца, о вырванныхъ у женщинъ ушахъ съ серьгами—по крайней мѣрѣ—преувеличены. У мертвыхъ, да, можетъ быть, да и то... не знаю, не знаю!

Не могу не упомянуть о томъ необычайно радужномъ, дружески нѣжномъ приѣмѣ, который мы

съ семьею встрѣтили здѣсь, на маленькомъ Капри.

Когда мы сошли съ парохода, отовсюду къ намъ тянулись руки, люди со слезами обнимали насъ, приглашали къ себѣ, каждый слѣшилъ хоть чѣмъ-нибудь выразить свое участие, многіе предлагали свою помощь.

Тотъ же ласковый пріемъ встрѣтилъ и другихъ, пріѣхавшихъ изъ Сициліи. Ихъ разбирали нарасхватъ, старались доставить имъ возможность оставаться вмѣстѣ, такъ какъ, естественно, люди тѣснились другъ къ другу. На Капри пріѣхалъ преимущественно небогатый народъ, ремесленники, крестьяне — коммуна всѣмъ имъ гарантируетъ возможность существованія; для маленькаго мѣстечка, съ небольшимъ количествомъ мѣстныхъ жителей, пріѣхавшіе шестьдесятъ человѣкъ составляютъ немалую жертву, приносимую ими на алтарь братской помощи пострадавшимъ!“

Странно, о грабежахъ, даже о „битвахъ“ и „перестрѣлкахъ“ солдатъ съ мародерами, а также о насиліяхъ надъ женщинами—болѣе другихъ писали корреспонденты русскихъ газетъ.

Не знаю, чѣмъ это вызвано, но мнѣ кажется, что непреходящій ужасъ русской жизни игралъ

здѣсь роль возбудителя фантазіи, очевидно, уже въ корнѣ пораженной и расшатанной безобразными явленіями той непрерывной соціальной катастрофы, которую въ Россіи, видимо, привыкли считать нормальною жизнію—видимо, если принять во вниманіе ничтожность сопротивленія общества насиліямъ надъ нимъ.

Можетъ быть, здѣсь сыграла свою роль и разлагающая психику проповѣдь садизма, принимаемая русскою интеллигенціею тоже безъ протеста и отпора, но, во всякомъ случаѣ, г.г. представители русской прессы допустили нѣкоторое преувеличеніе: нагромождая ужасы, они придали имъ характеръ массоваго явленія.

Что бывали случаи кражъ и попытки грабежей, итальянская пресса этого не отрицаетъ, напротивъ, она очень тщательно регистрировала всѣ такого рода факты. Вотъ, на примѣръ, телеграмма газеты „Mattino“:

„Въ Канителло арестованъ священникъ, нѣкій Санто Санторо, который, какъ миѣ сообщили, былъ пойманъ на грабежѣ при раскопкахъ. Этотъ доstopочтенный отецъ былъ членомъ комитета гражданъ для помощи пострадавшимъ. Это уже второй случай воровства священниками, но о другомъ подробныхъ свѣдѣній не имѣемъ“.

Вотъ одинъ изъ разказовъ на тему о разбойникахъ, напечатанный въ одной изъ Сицилійскихъ газетъ:

„Баритонъ оперы въ Мессинѣ, спасаясь, накинулъ на голое тѣло одинъ изъ своихъ театральныхъ плащей, на голову такую же „шляпу съ перомъ“, и въ этомъ видѣ бросился бѣжать по улицамъ. Какъ разъ ему встрѣтились нѣсколько ребятъ, бѣжавшихъ изъ тюрьмы; они приняли его по костюму за разбойника, единогласно избрали его своимъ предводителемъ и, съ радости, устроили вокругъ него веселый танецъ. Дважды испуганный баритонъ молчалъ, боясь отказать отъ чести, предложенной ему столь радостно и весело. Но на крики не во время развеселившихся людей, прибѣжали матросы съ какой-то миноноски и немедленно арестовали шайку. Несчастный пѣвецъ едва успѣлъ убѣдить солдатъ въ томъ, что онъ не разбойникъ“.

О судьбѣ его товарищей—газета не упоминаетъ; вѣроятно, ихъ разстрѣляли, какъ это дѣлалось въ Санъ-Франциско въ 1906 г., гдѣ каждый, уличенный хотя бы въ ничтожной кражѣ, немедленно и безъ всякаго подобія суда разстрѣливался солдатами на мѣстѣ—мѣра отвратительная, но никого не поражающая своимъ безмысліемъ тамъ, гдѣ существуетъ дикій и звѣрскій судъ Линча.

Когда потерпѣвшихъ мессинцевъ и калабрійцевъ спрашивали — какъ часто бывали случаи мародерства, они отвѣчали:

— Часто ли? О, нѣтъ, синьоръ, не думаемъ. Первые дни бѣжавшіе изъ тюремъ начали рыться въ мусоръ, но ихъ скоро переловили патрули. Люди искали хлѣба, вина, масла—чего-нибудь, что можно съѣсть, это такъ. Это было. Но, конечно, были такіе люди, которые въ несчастіи этомъ увидѣли свое счастье, они были. Пришли съ горъ. О, синьоръ, нашъ народъ такъ бѣденъ! Тамъ, подъ мусоромъ миллионы денегъ, масса дорогихъ вещей и—вездѣ огонь. Онъ идетъ, огонь, по обломкамъ и уничтожаетъ то, что могло бы дать человеку годы и годы безбѣдной жизни—не такъ ли? Спасенное отъ огня не пропадетъ, пусть спаситель—воръ,—я такъ думаю!

— Мнѣ кажется,—сказалъ другой,—что о золотѣ заботились гораздо больше, чѣмъ о людяхъ, оттого и говорятъ про воровъ, тогда какъ надо говорить о герояхъ. Воры—развѣ ихъ меньше среди министровъ и богатыхъ, чѣмъ среди народа?

— Явились разбойники? Да, я видѣлъ одного, который работалъ съ солдатами, они не знаютъ его, а я—знаю. Было много войска, и разбойники не могли пройти въ городъ. Собаки были хуже

разбойниковъ: отвѣдавъ мяса людей, онѣ уже не могли ѣсть ничего другого и грызли раненыхъ; тоже и кошки.

— Обижали мародеры женщинъ?

Сициліанцы удивляются, негодуютъ, смѣются.

— Мы—не слышали объ этомъ! Не думаемъ, что было возможно. Какъ могло случиться такое? Въ первый день — некому. А затѣмъ—вездѣ матросы, солдаты. Сициліанку можно взять насильно только мертвой. Вѣроятно, это выдумали монахи, а, можетъ быть, они сами дѣлали такое!

Сестры милосердія не передавали ни одного случая преступленій противъ женской чести, а ихъ опрошено нѣсколько.

На мой вопросъ о возможности случаевъ насилія надъ женщинами почтенный профессоръ Вильгельмъ Мейеръ возмущенно отвѣтилъ:

— Что за дикая фантазія! Развѣ это возможно въ Италіи, гдѣ народъ такъ здоровъ и культуренъ? Не могу себѣ представить подобныхъ явленій, ни отъ кого не слыхалъ о нихъ, и не считаю возможными.

Я все время внимательно просматривалъ пять большихъ и наилучше освѣдомленныхъ газетъ: „Corriere della sera“, „Mattino“, „Roma“, „Tribuna“, и „Avanti!“ Просматривалъ и газеты Сициліи, но

не нашель въ нихъ ни одного факта насилія надъ женщинами, несмотря на то, что среди спасенныхъ дѣвушекъ и женщинъ были, конечно, истерички, которымъ не нужно особеннаго напряженія фантазіи для того, чтобы разсказать такого рода исторіи. Да и вообще — не представляешь себѣ чудовище, кое было бы способно „срывать цвѣты удовольствія“ среди стоновъ задавленныхъ людей, моленій о помощи, въ одуряющемъ запахѣ труповъ, съ неустрашимымъ рискомъ быть убитымъ новымъ обваломъ какой-нибудь стѣны, паденіемъ камня. Люди боялись входить въ городъ, рылись на окраинахъ его и на виду солдатъ. А внутри города всюду работали матросы, солдаты, сами жители. И надо замѣтить, что случаи преступленій противъ женской чести не такъ часты въ Италіи, какъ въ другихъ странахъ.

Не менѣе странно и даже нѣсколько смѣшно было читать въ русскихъ газетахъ усердныя указанія русскихъ корреспондентовъ на недостаточно умѣлую и быструю организацію помощи пострадавшимъ и на промахи итальянской администраціи. Для борьбы со стихійными бѣдствіями, которыя въ нѣсколько минутъ уничтожаютъ города, убиваютъ тысячи людей не создано никакихъ организацій, — разумѣется, государства, въ которыхъ по-

добныя бѣдствія часты, повинны въ томъ, что забываютъ о нихъ. Стихи — страшнѣе человекъ, однако, противъ послѣдняго созданы огромныя арміи—дорогія орудія для уничтоженія его: вотъ лишнее доказательство мудрости командующихъ классовъ, которые, разжигая борьбу человекъ съ человекомъ, истощаютъ силы народа и оставляютъ его беззащитнымъ предъ лицомъ стихій.

Разумѣется, итальянская администрація должна была растеряться. Какъ всякій органъ, оторванный отъ цѣлаго организма и враждебный ему, она должна была обнаружить свое безсиліе—это триумфъ. Гдѣ оно, государство, которое дорожило бы жизнью гражданъ? Стремилось бы какъ можно лучше вооружить народъ въ его борьбѣ съ природой? Заботилось бы о расширеніи знаній массы — знаній, необходимыхъ ей въ трудѣ и борьбѣ? Гдѣ существуетъ „администрація, организованная въ интересахъ народа, а не въ цѣляхъ порабощенія его?“

Ничего подобнаго нѣтъ и не можетъ быть, пока самъ народъ не почувствуетъ себя главною силою земли и хозяиномъ ея.

Но — невольно думается: что было бы въ Россіи, случись у насъ такая катастрофа? И вспоминаешь то, что бываетъ у насъ во дни Ходы-

нокъ, Сызранскихъ пожаровъ и прочихъ „событій русской жизни“.

А читая русскія корреспонденціи объ несчастныхъ и трогательныхъ дняхъ Мессины, можно было думать, что именно въ Россіи существуетъ образцовая бюрократія, всегда стоящая на высотѣ своихъ задачъ, именно русская администрація идеально работоспособна во всѣхъ такихъ случаяхъ, какъ пожары, уничтожающіе цѣлые города, эпидеміи, голодовки, смѣняющія одна другую, и всѣ тѣ безчисленныя явленія нашей жизни, которыя дѣлаютъ изъ нея безконечную и сплошную социальную катастрофу, постепенно разлагающую страну. Критика итальянскихъ порядковъ была весьма придиричива, но—вопросъ, насколько она тактична и умѣстна, ибо, усиленно подчеркивая безсиліе и неспособность бюрократическихъ организацій, гг. корреспонденты не позаботились въ должной мѣрѣ ярко освѣтить работу самого народа, удивительные примѣры быстроты и силы, съ которою создавались организаціи помощи самимъ населеніемъ. Очевидно, что единодушныя похвалы итальянской печати и народа нашимъ матросамъ нѣсколько вскружили головы почтеннѣйшимъ представителямъ русской прессы, сіи послѣдніе тоже восчувствовали себя героями и умниками, призванными

судить и рѣшать въ странѣ, гдѣ имъ слѣдовало бы прежде всего учиться, гдѣ можно многое узнать и о чемъ должно разсказать многое, что для русскаго общества было бы полезнѣе, чѣмъ страшныя исторіи о насиліяхъ надъ женщинами, битвахъ съ разбойниками и обличенія итальянской администраціи въ бездѣятельности предъ лицомъ образцово дѣятельной администраціи россійской—какъ бы въ поощреніе и утѣшеніе послѣдней.

Едва ли умѣстны и щедрыя похвалы гг. русскихъ корреспондентовъ по адресу тѣхъ русскихъ, которые работали на мѣстѣ несчастія. Было бы, пожалуй, тактичнѣе предоставить оцѣнку этой неоспоримо прекрасной и мужественной работы, самимъ итальянцамъ, что и сдѣлано ими въ выраженіяхъ, способныхъ удовлетворить самое требовательное честолюбіе.

Будь все это такъ, у итальянцевъ не сложилось бы впечатлѣнія, что русскіе матросы интеллигентнѣе, скромнѣе и тактичнѣе гг. русскихъ корреспондентовъ.

Какъ писались корреспонденціи — примѣромъ служатъ слѣдующія строки: „Въ Реджіо погибъ депутатъ Дмитрій Триппени, погибъ въ страшныхъ мукахъ, раздавленный обломками, но агонизировавшій нѣсколько часовъ. Его послѣдніе часы

были вдвойнѣ трагическими. Какой-то грабитель потребоваль у него отдать, что было.—Я Дмитрій Триппени,—отвѣчалъ умирающій:—я отдамъ тебѣ все, что у меня останется, оставь меня, я еще могу выздоровѣть, еще имѣются живые люди въдь... Намъ сообщали объ этомъ очевидцы, и коллега англичанинъ рыдалъ, слушая этотъ рассказъ. Грабитель ударилъ депутата по головѣ и бросился бѣжать. Черезъ нѣсколько часовъ Триппени умеръ“.

Обращаю вниманіе читателя на этотъ рассказъ; опираясь на подобныя показанія „очевидцевъ“, корреспондентъ говорить:

„Грабители убивали и силою похищали. Въ моей записной книжкѣ сотни рассказовъ очевидцевъ. Приводить ихъ—дѣло трудное: надо бы написать огромную книгу и озаглавить ее—«Адъ»...“

Но посмотрите, какой странный грабитель: онъ подходитъ къ раздавленному, умирающему человѣку и „требуеть у него отдать, что было“. А что же, собственно, могло быть у депутата, лежавшаго подъ обломками, вѣроятно, въ ночномъ костюмѣ? Потребоваль, ударилъ раченаго по головѣ и—убѣжалъ.

Не больной ли этотъ грабитель? И какую роль играли въ этомъ загадочномъ случаѣ „очевидцы“?

На основаніи такихъ безсвязныхъ и не очень умѣло изложенныхъ корреспондентомъ показаній очевидцевъ, корреспондентъ бросаетъ позорную тѣнь на цѣлый народъ, рисуя его звѣремъ, чудовищемъ и совершенно забывая о многовѣковой культурѣ, которая не могла не отразиться въ душѣ этого народа.

За послѣдніе годы гг. русскіе литераторы обнаружили скверную тенденцію прикрывать кровь народа слоями грязи, и грязь эту они черпаютъ преимущественно въ темныхъ ямахъ фантазіи своей.

Вообще, русская интеллигенція быстро утрачиваетъ лучшее, что у нея было—свой когда-то творческій и украшавшій ее демократизмъ. Дѣлается это сознательно—изъ желанія угодить тѣмъ, кто стремится разрушить идеи демократизма, торопясь устроить жалкое свое житьишко въ западно-европейскомъ стилѣ, или — по легкомыслію — все равно: мода постыдная.

И скоро она—пройдетъ: какъ тогда посмотрять гасители правды въ суровое лицо ея?

III.

Степень культурности народа измѣряется количествомъ мысли, кристаллизованной имъ въ трудѣ, искусствѣ и наукѣ, высотой чувства собственного достоинства каждой личности и глубокою сознаніемъ своей связи съ народомъ — чуткостью единицы къ жизни цѣлаго.

Измѣряя народъ Италіи этой строгою и требовательной мѣрой, всякій, кто наблюдалъ благородный духъ итальянскаго народа, въ моменты его возбужденія, въ тѣ дни и годы, когда психика прекраснаго организма, полного дѣйственной и яркой крови, творила жизнь коллективно — всякій видѣвшій и знающій это, почтительно назоветъ итальянцевъ воистину культурнымъ народомъ.

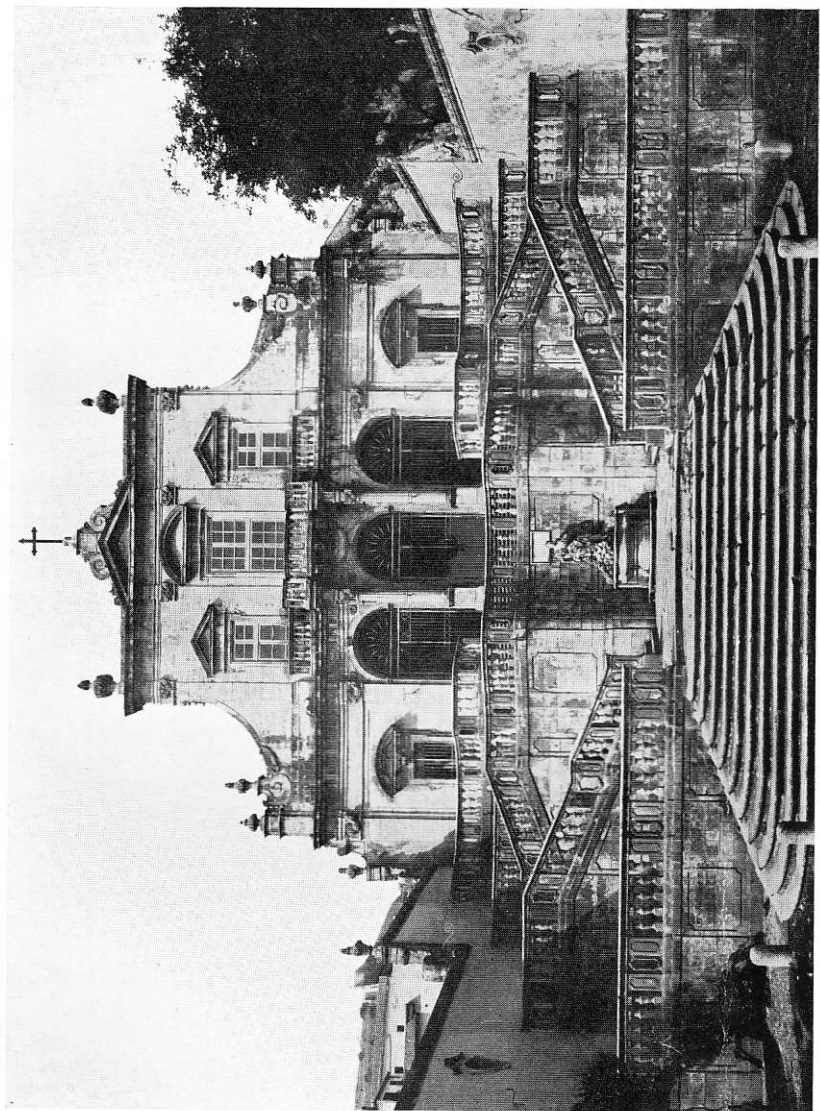
Черезъ полчаса послѣ извѣстія о бѣдствіи синдикъ Неаполя распорядился о снаряженіи част-

ныхъ пароходовъ и тотчасъ же принялся за организацію сбора денегъ, платья, пищи.

Городъ откликнулся на его призывъ, какъ одна душа: это бѣдный городъ, но втеченіи первыхъ двухъ сутокъ онъ собралъ 500 тысячъ лиръ; давали буквально всё: во дни такихъ несчастій, копѣйка нищаго имѣетъ цѣну тысячъ богача, ибо она съ невѣроятною силою возбуждаетъ въ людяхъ прекрасное стремленіе давать. Но въ тотъ день пали социальныя перегородки, разъединяющія людей, не было болѣе богатыхъ, бѣдныхъ,—явился объединенный общимъ горемъ великій народъ.

Онъ вышелъ на улицы въ этотъ враждебный югу дождливый и холодный день, и немедленно всюду явились ораторы, они встали на площадяхъ и перекресткахъ улицъ, къ ихъ ногамъ полетѣли отовсюду пиджаки, фуфайки, брюки, сапоги, люди торопливо раздѣвались на улицѣ, сбрасывая съ тѣла своего все, что можно сбросить, чтобы не стать смѣшнымъ. Въ шляпы ораторовъ—сборщиковъ падали деньги, кольца, серьги, часы, булавки галстуконъ, все это въ день горя стало лишнимъ и оскорбляло глаза своимъ блескомъ.

Собирали даянія студенты и буржуа, собирали солдаты, женщины, офицеры—всѣ они отличались

Мессна. — Церковь „Милосердія“, построєнная въ 1600 г.
Съ фотографіи Броджи.

другъ отъ друга только платьемъ, во всѣхъ грудяхъ билось одно сердце.

Часть студентовъ подъ руководствомъ врачей и профессоровъ немедленно формировались въ санитарные отряды, всѣ остальные—взяли на себя службу носильщиковъ-факино, они упаковывали груды пожертвованнаго платья, хлѣба, отовсюду сносили въ портъ тюки.

Изъ порта уже выходили пароходы, нагруженные платьемъ и хлѣбомъ. Въ первую же очередь было отправлено, по распоряженію Джіулитти, 50 тысячъ солдатскихъ порцій, 800 саперъ и 20 тысячъ лиръ отъ имени правительства въ распоряженіе префекта Катаніи. На пароходъ „Іона“ отправились отряды Краснаго Креста, 20 делегатовъ „Общественной безопасности“, инженеры, добровольцы рабочіе всѣхъ классовъ и среди нихъ русскіе студенты Неаполитанскаго Университета.

Тотчасъ же были мобилизованы семь большихъ судовъ флота и отданъ приказъ летучей дивизіи миноносковъ — идти въ пострадавшія мѣстности, а всѣмъ судамъ Неаполитанскаго порта стоять подъ парами. Отправлены на мѣсто несчастія всѣ суда цистерны и пароходъ „Лигурія“ съ аппаратомъ Маркони—возстановить прерванное телеграфное сообщеніе.

Пароходы грузились добровольцами изъ народа; зажиточные люди, интеллигенты, солдаты легко и свободно подчинялись въ работѣ указаніямъ профессионаловъ - грузчиковъ порта; общее воодушевленіе, охватившее всѣхъ, сказочно быстро создавало умныя и стройныя организаціи, и работа шла музыкально красиво, съ поражающей продуктивностью.

Эта стройная и умная работа кипѣла всюду, измѣнивъ старое, злое и черствое лицо жизни на новое и прекрасное, пылающее могучею силою духовнаго сліянія всѣхъ въ одномъ порывѣ — на помощь братьямъ.

Весь Неаполь превратился въ госпиталь, способный принять десятки тысячъ больныхъ и раненыхъ, немедленно были открыты его безчисленныя церкви и королевскій дворець, изъ квартиръ сносили въ нихъ кровати, койки, столы, посуду, постели, постельное бѣлье, вино—по всѣмъ улицамъ бѣжали сотни людей, нагруженные узлами, мебелью, бариллами съ виномъ, корзинами хлѣба.

Частныя больницы заявили синдикку о своей готовности отдать для пострадавшихъ всѣ свободныя койки, и въ первыя двое сутокъ организовались по инициативѣ публики тридцать новыхъ госпиталей въ частныхъ домахъ.

Клубъ автомобилистовъ отдалъ всѣ свои автомобили подъ перевозку раненыхъ изъ порта въ больницы; такъ же поступили собственники конныхъ экипажей, и можно было видѣть по улицамъ города богатая ландо, наполненная рабочими, автомобили, нагруженные узлами, солдатъ въ каретахъ.

Знаменитый неаполитанскій терапевтъ Каstellини становится во главѣ одного изъ медицинскихъ отрядовъ и ѣдетъ въ Мессину, отдавая въ распоряженіе города свою клинику.

Были случаи сбора денегъ среди арестантовъ, сидящихъ въ тюрьмахъ за уголовныя преступленія; люди отдавали свои послѣдніе гроши, заработанные подневольнымъ трудомъ или отказываясь отъ своего дневного пайка и коллективно жертвуя его въ пользу пострадавшихъ.

Давали всѣ: солдаты, рабочіе, нищіе собранную милостыню — были дни, когда вся Италия горѣла яркою радугою лучшихъ человѣческихъ чувствъ, возбуждая картиною своего единенія вѣру въ добрый разумъ людей, вдругъ какъ бы освободившійся изъ тьмы социальныхъ противорѣчій.

На вокзалѣ и въ порту—группы сициліанцевъ и калабрійцевъ, возвращающихся на родину, и надо видѣть, какъ сердечно и трогательно провожаетъ ихъ Неаполь.

Особенно ярко всыхнулъ и разгорѣлся въ эти темные и ненастные дни глубокой, благородный демократизмъ Италіи. Герцогъ Аостскій, двоюродный братъ короля, членъ „Центральнаго комитета помощи“ цѣлые дни на шумныхъ улицахъ Неаполя, герцогиня занята устройствомъ пріюта для спасшихся и раненыхъ. Они оба на улицѣ среди гражданъ, ихъ свита въ эти дни ежеминутно мѣняется—здѣсь около нихъ солдаты, тамъ толпа студентовъ, тутъ носильщики. Никто не удивляется, видя герцогиню жестикулирующей на тротуарѣ, подъ дождемъ, въ группѣ полураздѣтыхъ, забрызганныхъ грязью людей, никого не удивляетъ, что всѣ говорятъ съ нею свободно, безъ глупѣйшихъ внѣшнихъ знаковъ почтенія, но глубокое уваженіе къ женщинѣ не нарушается ни словомъ, ни жестомъ.

Людамъ некогда пойти домой, чтобы пообѣдать, на улицахъ собираются маленькія группы и торопливо ѣдятъ. Буржуа, солдатъ, рабочій и студентъ пьютъ вино изъ горлышка одной и той же бутылки, передавая ее отъ устъ къ устамъ. Живою темпераментъ Неаполя даетъ себя знать: всюду крики, споры, громкій говоръ, всѣ съ горячимъ нетерпѣніемъ смотрятъ въ море, ожидая судовъ съ пострадавшими.

Первое судно, прибывшее въ Неаполь — наша

„Слава“ — воистину команда этого судна оправдала его имя, какъ о томъ единодушно и горячо свидѣтельствуесть пресса всей Италіи. Воистину моряки нашей эскадры геройски работали въ эти дни горя Италіи. Отрадно говорить объ ихъ подвигахъ, и да будетъ знаменательнымъ и вѣщимъ для эскадры это первое ея боевое крещеніе, полученное ею не въ страшномъ и позорномъ дѣлѣ борьбы человѣка съ человѣкомъ, а въ дѣлѣ братской помощи людямъ, въ борьбѣ противъ стихіи, одинаково враждебной всему человѣчеству.

На „Славѣ“ прибыли женщины и дѣти. Матросы сходили на берегъ, неся на рукахъ ребятъ и женщинъ. О подвигахъ матросовъ уже знали въ Неаполѣ, и Неаполь встрѣтилъ русскихъ восторженными рукоплесканіями.

— Да здравствуютъ русскіе моряки! Да здравствуетъ Россія! — гремѣлъ городъ.

Неаполитанцы, рыдая, обнимали и цѣловали моряковъ; кто-то изъ русскихъ сказалъ по-итальянски:

— Вы помогли намъ въ Чемульпо, мы вамъ въ Мессинѣ. Всѣ люди должны помогать другъ другу, всѣ люди братья!

Это вызвало общій восторгъ экспансивнаго Неаполя. Рассказывалось о матросѣ, который, пере-

давая въ толпу снесеннаго имъ съ борта ребенка, завязалъ въ уголокъ своего платка, которымъ былъ закутанъ ребенокъ, русскую золотую монету; нашлись люди, пожелавшіе сейчасъ же купить эту монету, и на глазахъ у моряка цѣнность этой лепты его въ пользу сироты возрасла въ десять разъ. Писали объ офицерѣ, который во время двадцатичетырехъ-часового перехода кормилъ грудного ребенка съ пальца сахарной водой, такъ какъ ребенокъ не принималъ искусственнаго молока—и нельзя исчислить всѣхъ восторженныхъ отзывовъ милаго народа, который умѣетъ такъ высоко цѣнить все воистину человѣческое.

Одно за другимъ въ портъ Неаполя входили суда съ пострадавшими; началась горячая перевозка раненыхъ: ее исполняли берсальеры—легкая итальянская пѣхота, рекрутируемая по преимуществу изъ Пьемонта и другихъ провинцій сѣвера. Это удивительно красивые, ловкіе и картинные люди, берсальеры, и работали они до самозабвенія. Несмотря на рѣзкій холодъ и дождь, они сбрасывали съ себя плащи и куртки, укрывая ими раненыхъ и оставаясь въ однѣхъ рубахахъ, съ поражающей быстротой и ловкостью, осторожно и нѣжно носили и укладывали изувѣченныхъ людей въ экипажи, автомобили и омнибусы.

Съ ними вмѣстѣ работали мальчишки колледжей и среднихъ школъ; устроивъ себѣ самодѣльные носилки, они носили дѣтей, легко раненыхъ. Нужно видѣть, какъ ловко, просто и красиво дѣлалось все это, чтобы навсегда полюбить народъ Италіи неугасимою любовью!

Сколько трогательныхъ сценъ! Бѣдняки со слезами просятъ дать имъ сиротъ на воспитаніе.

Одна крестьянка въ Торре дель Греко, мѣстечкѣ близъ Неаполя, когда туда привезли партію пострадавшихъ изъ Мессины, схватила на руки двухъ сиротъ, обхватила руками какого-то старика и, обнимая, плачетъ.

— Зачѣмъ я пережилъ всѣхъ своихъ, дочь моя?—говоритъ старикъ.—Зачѣмъ?

Она громко отвѣчаетъ:

— Ты будешь моимъ отцомъ, эти дѣти—твоими дѣтьми! Будемъ всѣ братьями—и съ нами тоже Богъ жестокъ, съ нами, живущими около Везувія! Будемъ помогать другъ другу!

Сиротъ утѣшаютъ, кричатъ имъ:

— Вы будете дѣтьми города, который не менѣе красивъ, чѣмъ Мессина!

Отовсюду несутся крики:

— Бодрѣе! Горе лечитъ дружба! Бодрѣе!

И по всѣмъ улицамъ тянутся процессіи носи-

локъ, медленно ѣдутъ автомобили и кареты, развозя раненыхъ по церквамъ, во дворець, въ госпитали.

Видъ окровавленныхъ, изувѣченныхъ, полудѣтыхъ людей, дрожащія, молчаливыя дѣти, испуганныя, раздѣтыя женщины съ неподвижными глазами, все это еще болѣе зажигаетъ сердца—сборы денегъ и вещей усиливаются, звучитъ призовъ:

— Неаполитанцы, на помощь Калабріи и Сициліи!

Гнѣвно потрясая кулаками, какіе-то ораторы громятъ правительство за медленность его дѣйствій, церковь за то, что ея молитвы не доходятъ до небесъ, Бога—за его равнодушіе къ людямъ, самую смерть—за страшныя игры ея съ жизнью.

Русскіе слушаютъ нападкы на правительство съ недоумѣвающей улыбкой: они знаютъ, что военный министръ распорядился отправить на родину всѣхъ солдатъ, уроженцевъ Калабріи и Сициліи.—Развѣ это возможно у насъ?—думается имъ.

Передъ ними энергично развертывается ничѣмъ и никѣмъ не стѣсняемая инициатива гражданъ,—они невольно вспоминаютъ мудрыя распоряженія родныхъ властей въ тѣ дни, когда хроническое

недоѣданіе русскаго мужика превращается въ острый голодь и голодный тифъ выкашиваетъ десятки и сотни людей, а тѣ, кто хотѣлъ бы помочь умирающему народу, не имѣютъ права подать ему руку помощи.

Ихъ удивляетъ взаимоотношеніе гражданъ и членовъ королевской семьи, проникнутое взаимнымъ уваженіемъ, чувствомъ собственнаго достоинства,—и воображеніе россиянина рисуетъ ему грозныя фигуры отечественныхъ урядниковъ, становыхъ, околоточныхъ, исправниковъ, полицейскихъ приставовъ и иныхъ властей, имъ же нѣсть числа.

Странно видѣть русскому человѣку, какъ постовой полицейскій офицеръ, исполняя требованіе гражданъ, одинаково съ ними принимаетъ горячее участіе въ общей работѣ, не щадя ни силъ, ни красиваго мундира, уже забрызганнаго грязью до воротника.

Не привычно русскому это полное устраненіе съ улицъ города командующихъ жизнью людей, устраненіе, которому командиры подчиняются вполне свободно, не видя въ этомъ ни нарушенія своихъ правъ, ни нарушенія порядка.

Исключительныя условія? Нѣтъ. То же самое происходитъ на всѣхъ праздникахъ, когда полумилліонное населеніе выходитъ на улицы и живетъ

на нихъ какъ хочеть; въ эти дни веселаго безумія охранители внѣшняго порядка такъ же отходятъ въ сторону, передавая свою власть въ руки гражданъ.

Конечно, если празднуетъ рабочій народъ, отношеніе властей нѣсколько иное.

Да, странно и до боли завидно наблюдать эту яркую, свободную, прекрасную жизнь экспансивнаго и сердечнаго народа.

Въ похвалахъ, которыя расточались русскимъ матросамъ, итальянскія газеты, кажется, допустили даже нѣкоторыя преувеличенія, въ явный ущербъ справедливости по отношенію къ морякамъ другихъ націй, а главнымъ образомъ по отношенію къ самимъ себѣ.

Указывалось съ гнѣвомъ на недостаточную подготовленность судовъ флота къ помощи, на неполный составъ командъ на судахъ, на малое количество провіанта и воды, но потомъ вспомнили, что несчастіе разразилось на праздникахъ, а по обычаю, принятому во флотѣ Италіи, матросы уходятъ встрѣчать и проводить праздники въ своихъ семьяхъ. Дѣлается это въ двѣ смѣны: сначала отпускаютъ одну часть экипажа, а когда она вернется — уходитъ другая. Катастрофа застала на судахъ неполныя команды, но, не смотря на это, летучій отрядъ немедленно отправился на мѣсто,

быстро сдѣлалъ переходъ, тотчасъ же, не щадя силъ, взялся за опасную работу. И эта горячая самокритика такъ же характерна для страны, какъ и быстро сознавшая несправедливость критики въ данномъ случаѣ: то и другое говоритъ о дѣйствительной культурѣ народа, о дѣйствительной свободѣ его живого духа.

Съ той же энергіей, какъ Неаполь, такъ же дружно бросилась на помощь Калабріи и Сициліи вся страна, всѣ ея города, отъ Рима до маленькой коммуны Капри и отъ Милана до глухой горной деревни Альпъ. Миланъ собралъ въ 24 часа $1\frac{1}{2}$ милліона лиръ; газета „Corriere della sera“—около милліона.

Въ Римѣ былъ устроенъ „Плебисцитъ горя“. Огромная, быстро сложившаяся организація гражданъ выставила на площадяхъ столики съ подписными листами, простые деревянные ящики изъподъ разныхъ товаровъ для сбора денегъ: цѣлый день у столиковъ смѣнялась толпа и несла свою лепту. Листы покрылись десятками тысячъ подписей, на нихъ рядомъ съ извѣстными всей странѣ именами и каллиграфически выведенными подписями—каракули простонародья, дрожащія буквы стариковъ, неувѣренныя подписи дѣтей. Женщины въ роскошныхъ туалетахъ и простыя крестьянки

поднимають ребятъ, чтобы они могли положить въ ящикъ деньги. Вотъ подходитъ старуха и кладетъ монету въ двѣ лиры. Отходитъ. Ей кричатъ:

— Матушка, надо подписать имя!

Она отмахивается рукой, плачетъ и уходитъ со словами:

— Было бы больше—все бы отдала. А что писать? Пусть каждый отдаетъ все—вотъ что надобно писать!

Съ серьезнымъ лицомъ подходитъ какой-то дѣтенышъ, въ сопровожденіи няньки, и высыпаетъ изъ копилки все, что въ ней было—даже карабинеръ не выдерживаетъ, нагибается и цѣлуетъ его.

На площади Испаніи продаетъ цвѣты „чючара“ натурщица, въ костюмѣ крестьянки Кампаньи. Какая-то богато одѣтая иностранка платитъ ей—видимо щедро, — дѣвушка немедленно бѣжитъ и кладетъ свою лепту въ ближайшую урну.

Большинство Римскихъ школъ, вмѣстѣ съ учителями и учительницами, записаны на листахъ. Ученики народной школы улицы Тибуртино явились въ полномъ составѣ во главѣ съ директрисою, въ количествѣ около шестисотъ человекъ, и торжественно положили въ ящикъ подаренныя имъ на праздникъ деньги.

Во многихъ секціяхъ рабочіе, послѣ того, какъ

давали деньги, спрашивали: что надо сдѣлать, чтобы получить на воспитаніе кого-нибудь изъ осиротѣвшихъ дѣтей? Имъ отвѣчали:

— Только заявить ваше желаніе, дать имя и фамилію.

И они заявляли.

На площади Рустикуччи одинъ молодой рабочей задаетъ тотъ же вопросъ; ему отвѣчаютъ.

— Такъ вотъ я хотѣлъ бы взять.

— Вы какихъ лѣтъ хотите взять ребенка?

— Да все равно! Только, чтобы отъ груди былъ отученный. У меня вѣдь нѣтъ этого аппарата.

Ему обѣщаютъ. Рабочій добавляетъ еще двѣ лиры изъ тощаго кошелька, съ довольнымъ лицомъ кладя ихъ въ урну, и уходитъ.

На площади Магдалины огромная толпа народа: рабочихъ и простонародья.

Въ ящики дождемъ льются мѣдяки и мелкія серебряныя монеты.

На Пинчіо, благодаря ясной, хотя и холодной погодѣ и воскресному дню, собралась многочисленная толпа. И здѣсь, какъ всюду, „Плебисцитъ горя“ выставилъ свои столики и урны, около cadaго—на половину спущенные флаги—національный и флагъ города Рима. При входѣ во всѣ аллеи, у всѣхъ воротъ стояли эти столики. Какъ

и всюду, у столовъ члены комитета, мужчины и дамы, карабинеры и муниципальная гвардія. Студенты университета, послѣ того какъ, собравшись во дворѣ университета, внесли деньги, разсѣялись по городу и ходили въ толпѣ, раздавая листки съ воззваніемъ, убѣждая и приглашая публику подходить къ столикамъ, записываться и вносить деньги.

Повсюду на стѣнахъ города расклеены плакаты различныхъ организацій, предлагающихъ публикѣ свои услуги.

Клубъ циклистовъ указываетъ, что въ такихъ-то и такихъ-то пунктахъ города будутъ дежурить его члены, готовые исполнять порученія публики, направленныя на дѣло помощи. Извѣщается, гдѣ принимаются пожертвованія одеждою и пищевыми продуктами, въ чемъ наибольшая нужда, куда надо идти, чтобы записываться рабочими на раскопки, и тутъ же вывѣшены условія, которыя должны соблюдаться желающими взять на воспитаніе сиротъ.

По улицамъ города ѣздятъ военные фургоны, солдаты, сопровождая ихъ, трубятъ въ трубы, изъ домовъ выбѣгаютъ люди и забрасываютъ фургоны мужскимъ и женскимъ платьемъ, бѣльемъ, выносить съѣстные припасы, бутылки вина и масла.

Быстрота, съ которою придуманы, разработаны и расклеены всѣ эти правила и указанія, облегчающія работу массы людей, единодушіе и оживленіе народа производятъ впечатлѣніе сказочное, изумляющее въ такой степени, что гнетущее душу впечатлѣніе трагедїи, разрушенія и смерти невольно таетъ, исчезаетъ, при видѣ этой могучей картины жизни, полной въ сей день глубокимъ чувствомъ братскаго единенія всѣхъ со всѣми, жизни, которая образно и ярко говоритъ о возможности въ будущемъ великихъ дней, годовъ и вѣковъ соединеннаго дружнаго строительства новыхъ формъ бытія, о возможности единодушной, упорной и побѣдоносной борьбы всего человѣчества противъ главнаго и сильнѣйшаго врага его—стихіи.

И, очевидно, это не только мое субъективное впечатлѣніе, ибо вотъ что говоритъ „Messagero“ въ передовой статьѣ номера отъ 5-го января:

„Объединенные горемъ. Всѣ равны предъ горемъ!

Оглянитесь кругомъ... Плебисцитъ человѣческаго братства въ единомъ порывѣ утѣшающей доброты и горячаго милосердія объединился, объединилъ весь міръ, все человѣчество, извѣстное намъ!

Короли, социалисты, императоры, республиканцы, папа, президенты республикъ, генералы, епископы, массоны и священники, матросы, солдаты, монархисты, богатые, бѣдные... словомъ, люди всѣхъ положеній и всѣхъ цвѣтовъ, все это разнообразіе, которое всегда существуетъ въ мірѣ, рушилось, перестали существовать различія кастъ и партій, вчера еще существовавшія и воздвигавшія непереступаемыя границы—все это смѣшалось и растаяло въ великомъ дѣлѣ состраданія и долга. Начинаетъ казаться, что трепеть братскаго чувства людей проникаетъ даже неодушевленные предметы. Посмотрите на эти броненосцы, эти идеальныя чудовища, созданныя для дѣла гибели и разрушенія, однимъ видомъ своимъ они созданы внушать мысль о тѣхъ бѣдствіяхъ и страданіяхъ, которыя способны извергнуть на людей, и вотъ—они превращены въ послушныя и быстрыя орудія спасенія и поддержки, объединившіяся подъ единымъ знаменемъ человѣчности.

А несгораемыя кассы банковъ и богачей, всегда наглухо запертыя, ревниво охраняющія кровь жилъ своихъ, слѣпыя и глухія къ стонамъ обыденнаго горя—посмотрите, какъ широко раскрылись онѣ, и золото льется обильнымъ ручьемъ, чтобы утолить страшное народное горе.

Мессина.—Набережная у вокзала.
Съ фотографин Броджи.

Рядомъ съ значительными суммами безчисленные мѣдяки бѣдныхъ текутъ обильно изъ кармановъ тѣхъ, кто, можетъ быть, этимъ лишаетъ самого себя возможности пообѣдать завтра, кто не знаетъ, что будетъ ѣсть сегодня.

Командиръ одной изъ миноносокъ телеграфировалъ о томъ, что землетрясеніе измѣнило очертаніе берега мѣстностей, пораженныхъ имъ. Мы скажемъ, что оно измѣнило самыя очертанія страны нашей. Гдѣ она нынѣ, эта граница? Развѣ не вся Европа, не весь міръ сталъ нынѣ единой Италіей? Такъ горячо и искренне сочувствіе каждаго изъ народовъ земли, такъ сильно братское стремленіе слиться въ порывѣ милосердія. Какъ стали одиноки, жалки въ настоящій моментъ голоса всѣхъ этихъ Эренталей и Титтони предъ могучимъ и надежнымъ чувствомъ человѣчности, которое пробуждается и напоминаетъ намъ, что помимо всѣхъ національныхъ розней сердца людей бьются чувствомъ братства, и что земля была бы раемъ, полнымъ любви, если бы души народовъ всегда могли заглушать своимъ мощнымъ голосомъ — голоса дипломатіи.

Этотъ моментъ въ трагическомъ величіи своемъ не можетъ длиться долго, потому что онъ слышкомъ прекрасенъ, міръ снова приметъ свой обыч-

ный видъ—суровый и грозный,— снова восторжествуютъ хищническія тенденціи. Но это мгновеніе свѣтлой зари, то самое, которое остановиться призывалъ Фаустъ, мы сохранимъ въ памяти своей, какъ дивный весенній цвѣтокъ возможнаго братства, какъ предутреннюю грезу о зарѣ лучшихъ дней, такихъ, увы, отъ насъ далекихъ“.

Редакторъ „Nuova Antologia“ Джіованни Чена, авторъ переведеннаго на русскій языкъ романа „Обреченные“, пишетъ въ своей брошюрѣ о Мессинско-Калабрійскомъ землетрясеніи:

„Слова являются выразителями опыта, а мы въ настоящій моментъ переживаемъ періодъ новаго опыта, пріобрѣтеннаго человѣчествомъ.

Въ эти ужасные дни тоски, охватившей всѣхъ насъ, итальянцевъ, при видѣ страданій пораженныхъ горемъ, потрясенныхъ катастрофой, еще, кажется, невиданной міромъ, особенно ярко почувствовали мы свое единеніе. Въ страстномъ желаніи помочь, возникло единство воли, направленной къ одной цѣли“.

Почти всѣ газеты помѣстили статьи такого тона, и онѣ чутко и вѣрно воспроизвели преобладающее настроеніе страны. Вотъ отрывокъ бесѣды, свидѣтелемъ которой былъ одинъ мой близкій знакомый. Въ ресторанѣ спѣшно завтракаетъ группа

интеллигентовъ, и одинъ изъ нихъ, отбрасывая газету, говоритъ:

— Вы замѣчаете, начали писать о равенствѣ людей и какими новыми словами!

— Да!—соглашается старикъ.—Несчастіе заставило людей думать. Произошло что-то огромное, кажется мнѣ. Вѣроятно, вотъ такъ чувствовали себя французы въ 89 году. Я старъ для того, чтобы оцѣнивать слова выше того, сколько они стоятъ, и—вы знаете—я не умѣю, не могу пѣть дифирамбы. Но, господа, на моемъ вѣку я не переживалъ такихъ дней. Смотрите, какъ ведетъ себя нашъ король! Республиканецъ, я говорю: этотъ человекъ — достойный сынъ Италіи и прекрасный гражданинъ.

Третій, улыбаясь, рассказываетъ:

— Сегодня утромъ я видѣлъ королеву въ бо льницѣ. Плачетъ мальчикъ; она спрашиваетъ его: „О чемъ ты?“ „Да у меня же пропали тамъ, въ Реджіо, всѣ мои игрушки“. „О, я тебѣ сдѣлаю ихъ!“—говоритъ она и, садясь на койку, выстригаетъ ножницами фигурки изъ бумаги.

— Сколько таланта, сколько душевнаго блеска сметено съ лица земли въ нѣсколько минутъ!—вздыхая замѣчаетъ первый.

— Наши аристократы,—продолжаетъ старикъ,—

тоже красиво ведутъ себя, это скажешь не-
вольно.

Со стороны вмѣшивается какой-то человекъ со
спокойнымъ лицомъ:

— Извините! Вами было упомянуто о револю-
ціи 89 года; дни, переживаемые нами, я ставлю
выше по ихъ значенію; они указываютъ всѣмъ
людямъ одного врага...

— Это на нѣсколько дней, единодушіе, подъемъ
соціального инстинкта, все это завтра пройдетъ,
господа!

Разговоръ становится общимъ, бурнымъ.

— Ничто не проходитъ, не оставляя слѣдовъ
въ живой душѣ человека, ничто!

— Не мечтать, но работать!

— Мы должны запомнить эти дни!

— Забыть, забыть скорѣе!

— Навсегда запомнить!

И изъ среды группы раздается нервный, го-
рячій голосъ:

— Пора признать страшную опасность разъеди-
ненія, надо же подумать, что вѣдь мы не знаемъ
другъ друга, не знаемъ, какія силы ума и сердца
хранить въ себѣ голодный уличный мальчишка-
чистильщикъ сапогъ. Дорогу людямъ, говорю я...

— Bravo!

— Дорогу людямъ! Долой все, что мѣшаетъ имъ жить—всѣ неравенства, привиллегіи! Забыли вы, что величайшіе гении наши—люди низшаго класса? Не о революціи 89 года мы должны говорить, а—о другой, той, которая будетъ, охватитъ весь міръ, весь! И ради нея надо жить, для нея работать, ей встрѣчу идти—вотъ дорога великихъ радостей!

Разговоры такого тона и сцены, рисующія общее возбужденіе мысли, не исключительны, они вездѣ, они охватываютъ всѣхъ.

И они какъ нельзя болѣе естественны: раздался сокрушающій жизнь и великіе труды людей подземный грозный ударъ, вызвалъ панику, ужасъ, овѣялъ людей холодною тоскою одиночества, освѣтилъ всю жизнь новымъ трагическимъ свѣтомъ, люди увидѣли свою беззащитность, слабость своихъ силъ и—бросились другъ къ другу возбужденные, на минуты забывая о соціальныхъ пропастяхъ, глубоко вырытыхъ между ними историческою необходимостью, о пропастяхъ, которыя такъ печально, безобразно и пагубно разъединяють ихъ.

Десятки тысячъ людей превращены въ трупы, десятки тысячъ дружно и сразу воззвали о помощи; предъ глазами всего народа встали тысячи окровавленныхъ, изувѣченныхъ, сотни и сотни

осиротѣлыхъ дѣтей. Человѣкъ испугался, почувствовалъ въ ближнемъ своего брата и друга, бросился на помощь ему и воистину — братски помогъ.

При этомъ невольно вспоминается, что вѣдь и до несчастія въ Сициліи и Калабріи жизнь миллионовъ людей — непрерывное несчастье, дни ихъ — вмѣстилища горя и злобы, что въ этотъ день эта страшная жизнь — не измѣнилась въ существѣ своемъ, что она идетъ и будетъ идти такъ же мучительно, такъ же унижительно для человѣка, какъ шла и до 28-го Декабря.

Объ этомъ непрерывномъ несчастіи всего міра вспомнили и торопливо заговорили о позорѣ людей, вооруженныхъ божественнымъ разумомъ, но живущихъ звѣрскою жизнью вражды и злобы, все болѣе и болѣе растущей въ мірѣ, въ томъ мірѣ, который, якобы, исповѣдуетъ заповѣди любви и братства.

Многіе, видимо, почувствовали, что будничная жизнь и такъ называемый существующій строй общества — есть медленная и грандіозная катастрофа, которая, изнуряя людей въ безумномъ неосмысленномъ трудѣ, сѣетъ въ человѣчествѣ болѣзни духа и тѣла, грозитъ ему вырожденіемъ все болѣе быстрымъ, грабитъ, искажаетъ душу

человѣка, дѣлая его уродомъ и духовно нищимъ.

Людей схватили за сердце большія требовательныя мысли, великія, творческія чувства проснулись въ нихъ.

Надолго ли?

Увидимъ. Но уже теперь можно сказать, что многіе и многіе изъ молодыхъ и сильныхъ духомъ не пойдутъ далѣе по путямъ старымъ, но встанутъ на путь, ведущій къ сліянію всѣхъ людей въ единую творческую силу.

— Возвратитесь къ Богу!—зовутъ священники.

— Впередъ, къ народу!—назрѣваетъ въ странѣ новый великій призывъ, увлекаая сердца къ равенству, справедливости и любви. И чувствуешь въ этомъ взрывѣ, какъ много силъ въ прекрасной странѣ, и вѣришь, что она наканунѣ новаго „Возрожденія“.

А въ какой степени мощно сжато новымъ настроеніемъ сердце Италіи, объ этомъ краснорѣчиво говоритъ приводимый ниже фактъ.

Австрійская военная газета „Armée Zeitung“ помѣстила на своихъ страницахъ циничную статью; вотъ выдержки изъ нея:

„Пробилъ часъ. Война неизбежна. Никогда еще не было болѣе справедливой войны, всѣ принуждаютъ къ ней: Россія, которая торопится органи-

зовать противо-Австрійскую балканскую конференцію; Италія, которая тайно лихорадочно готовится къ длиннымъ морскимъ переходамъ; Сербія, оскорбляющая насъ; Турція, будирующая нашего посланника“.

Затѣмъ статья спеціально занимается Италіей.

„Австрія должна воспользоваться великимъ несчастьемъ Италіи, которое парализуетъ ея силы на многіе мѣсяцы, лишивъ страну сотенъ и тысячъ человеческихъ жизней и уничтоживъ на миллиарды національнаго имущества. Съ точки зрѣнія человечности эта катастрофа вызываетъ чувство состраданія, искренняго и глубокаго, но политика—жестокое ремесло, и мы должны холодно извлечь свою долю пользы изъ Мессинскаго землетрясенія, какъ изъ выгоднаго для насъ обстоятельства. Пять лѣтъ тому назадъ мы были достаточно наивны, чтобы уважать несчастія русскихъ на крайнемъ востокѣ. Теперь мы вылечились отъ этого великодушія и не будемъ откладывать сведеніе счетовъ съ Италіей даже и въ періодъ ея національнаго горя“.

Статья заключается словами:

„Къ императору взываемъ!“

Въ такомъ же дикомъ тонѣ писали и еще нѣкоторыя газеты союзной Италіи „культурной страны“. Эти позорныя выходки въ другіе дни, вѣроятно,

вызвали бы справедливый гнѣвъ, негодованіе и заслуженную отповѣдь итальянцевъ, но теперь ихъ отмѣтили молчаливымъ презрѣніемъ, да двумя-тремя насмѣшками.

Сопоставляя все то, что думалось, говорилось и писалось Италіей во дни ея страшнаго горя, съ голосами „людей XX вѣка“, доносившимися въ эти дни изъ страны „великаго Меттерниха“ въ страну, родившую человѣчеству столько рыцарей духа и великихъ художниковъ, ясно видишь ту трясину культурнаго одичанія, въ которую постепенно и неуклонно погрязаетъ классъ людей, живущихъ въ непрерывныхъ судорогахъ жадности и человѣконенавистничества.

Стихійное бѣдствіе заставило вздрогнуть все человѣчество, грозно указавъ ему, какъ мало сдѣлано имъ для того, чтобы обезпечить себя отъ ужасныхъ взрывовъ непознанныхъ имъ силъ природы.

Поразительно ярко освѣщено наше одиночество во вселенной, раздались разумные призывы къ единенію, заговорили о необходимости вовлечь всю массу людей въ кругъ культуры, вооружить каждаго всѣмъ опытомъ человѣчества, накопленнымъ за вѣка его борьбы съ природой.

И вдругъ слышишь эти звѣриные голоса:
-- Бей! Бей итальянцевъ, пока они еще не
оправились отъ удара судьбы!
Не позорно ли?

IV.

Первую помощь пострадавшим подали команды отряда миноносцевъ, который стоялъ въ порту Мессины, граждане Катаніи, прибывшіе на пароходъ „Вашингтонъ“, и русская эскадра. Она крейсировала неподалеку отъ береговъ Сициліи. Раздѣляясь на небольшіе отряды, наши моряки, не обращая вниманія на ежеминутные обвалы все еще падавшихъ зданій и новые, хотя слабые толчки, сотрясавшіе землю, храбро лазили по грудамъ мусора и кричали:

— Эй, синьоръ, синьоръ!

И если въ отвѣтъ имъ раздавался стонъ или крикъ, они принимались за работу, покрикивая выученныя слова:

— Subito! Corragio!

Вскорѣ были вырыты двѣ дѣвочки; онѣ сидѣли подъ кроватью, играя въ пуговицы, а всѣ ихъ родные были задавлены на смерть.

Матросы съ „Макарова“ увидали въ развалинахъ женщину: почти обнаженная, она сидѣла среди обломковъ, держа въ рукахъ оторванную отъ туловища дѣтскую голову, прижимала ее къ груди своей и напѣвала какую-то грустную пѣсенку. Хотѣли взять у нея эту голову и отвести женщину куда-нибудь въ болѣе безопасное мѣсто, она пришла въ бѣшенство, стала драться, кусаться, кричать. Когда отъ нея уходили, она успокаивалась, снова качала голову и пѣла. Матросы позвали итальянцевъ, и тѣ сказали, что женщина эта—жена офицера, считалась одной изъ первыхъ красавицъ Мессины, а въ рукахъ у нея—голова сына, мальчика Уго, она поетъ колыбельную пѣсню и говорить:

— Ты спишь, Уго? Что ты молчишь, мой сынъ? Не бойся, крошка, все кончилось уже, не надо бояться!

Вся семья этой женщины убита.

Лилъ дождь, было холодно, на площадяхъ жались раненые, не имѣя ни хлѣба, ни воды. Тѣ изъ уцѣлѣвшихъ, кто могъ работать, присоединились къ морякамъ, указывая, гдѣ подъ развали-

нами живые, вызывая криками отвѣты засыпанныхъ. Помощь, въ лицѣ здоровыхъ, вооруженныхъ кирками и лопатами, отчаянно смѣлыхъ людей, вдохновила тѣхъ, кто пережилъ катастрофу, и даже легко раненые начали работать съ бѣшеной энергіей, какъ говорятъ объ этомъ сами они, а матросы подтверждаютъ ихъ слова.

Страшную картину представлялъ разрушенный городъ: все еще вздрагивали развалины, падали и, погребая живыхъ и мертвыхъ, вызывали у раненыхъ на площадяхъ паническій ужасъ, дикіе крики.

Горитъ разрушенное зданіе муниципалитета. Его фасадъ почти цѣль, а внутри зданія—крошево дерева и камня. Изъ оконъ вырываются, торжествуя, снопы пламени. Изъ-подъ развалинъ несутся неистовые вопли о помощи, но помочь нѣтъ возможности: обломки зданія обнимаетъ огонь, они рушатся, и нельзя подойти къ нимъ, не теряя жизнь столь необходимую для спасенія сотенъ и тысячъ людей, чьи крики несутся отовсюду. Въ Муниципії сгораютъ весь архивъ ея, а также имѣющій огромную научную цѣнность старый архивъ временъ испанскаго главенства.

Вотъ что писалъ житель Катаніи:

„Если бы я самъ не былъ въ Мессинѣ, я не

смогъ бы навѣрное представить себѣ, какимъ страшнымъ ударомъ поражена была дорогая сестра наша—Мессина. Выѣхаль я въ ночь 28-го съ вспомогательнымъ отрядомъ кружка вашего имени, а также членами камеры труда. Въ Мессину мы прибыли въ 11 часовъ утра 29-го.

Тяжелъ былъ нашъ переходъ, тяжело было смотрѣть на воду: плыветъ трупъ молодой блондуры женщины, а рядомъ съ нею несутся по водѣ тысячи обломковъ мебели, разбитыя лодки, плавающія на поверхности воды, а тамъ, вдали, Мессина, объята пламенемъ. Всѣхъ на пароходѣ охватила тревога, страстное желаніе скорѣе придти на помощь.

Погода была ужасная, по небу тянулись густыя черныя облака, какъ бы одѣвая его глубокимъ трауромъ. Въ 10 съ половиною часовъ нашъ пароходъ „Вашингтонъ“ вошелъ въ портъ. Пока капитанъ энергично отдавалъ приказанія командѣ, мы собрались на носу парохода и съ ужасомъ смотрѣли на то, чего не можетъ представить себѣ никакая человѣческая фантазія.

Разрушенная муниципія охвачена огнемъ, набережная опустилась и находится подъ водой, отовсюду къ ней стекается шествіе мужчинъ и женщинъ, голыхъ и полуголыхъ, съ поднятыми

кверху руками, съ воплями, и все время гудятъ сирены на судахъ русскихъ моряковъ, подавая непонятные намъ сигналы. Послѣ многихъ затрудненій мы, на лодкѣ, достигли берега.

Цѣлыя толпы обезумѣвшихъ, оглушенныхъ людей, съ глазами, вылѣзающими изъ орбитъ, женщины, одѣтыя въ мужское платье, мужчины въ юбкахъ, священники въ военныхъ фуражкахъ—обнимали и цѣловали насъ.

Изъ ихъ обнаженныхъ грудей, покрытыхъ ранами, рвался крикъ:

— Хотимъ хлѣба!

Нашъ отрядъ отправился на работу вмѣстѣ съ другимъ, подъ предводительствомъ депутата Карнацци, въ которомъ была наша знать: князь ди-Ребурдоне, кавалеръ Пьетро Масса, адвокатъ Карло Карацци и адвокатъ П. Кіаренци.

Такъ же какъ и мы, они несли съ собой пищу и медикаменты.

Мы видимъ—среди обломковъ—ужасный трупъ женщины лѣтъ сорока, съ лиловымъ израненнымъ тѣломъ. Повсюду слышатся стоны, крики боли, мольбы о помощи; казалось, что все это поднимается изъ самыхъ нѣдръ земли.

У насъ не было ни шестовъ, ни какихъ-либо другихъ орудій, чтобы начать раскопку.

Часто нельзя было трогать развалины изъ опасенія, что онѣ, рухнувъ, всей тяжестью своею придавятъ еще крѣпче заживо подъ ними погребенныхъ, молившихъ о помощи.

Одинъ депутатъ указалъ господина, искавшаго людей, чтобы спасти свою семью.

Тотчасъ поспѣшивъ на помощь, мы увидѣли, что домъ его весь разрушенъ и осталась только часть фасада, ворота и развалины великолѣпной лѣстницы.

Прерывающимся отъ слезъ голосомъ онъ кричалъ:

— Марія! Джузеппина!

Но никто не отвѣчалъ несчастному отцу, даже стоновъ не было слышно.

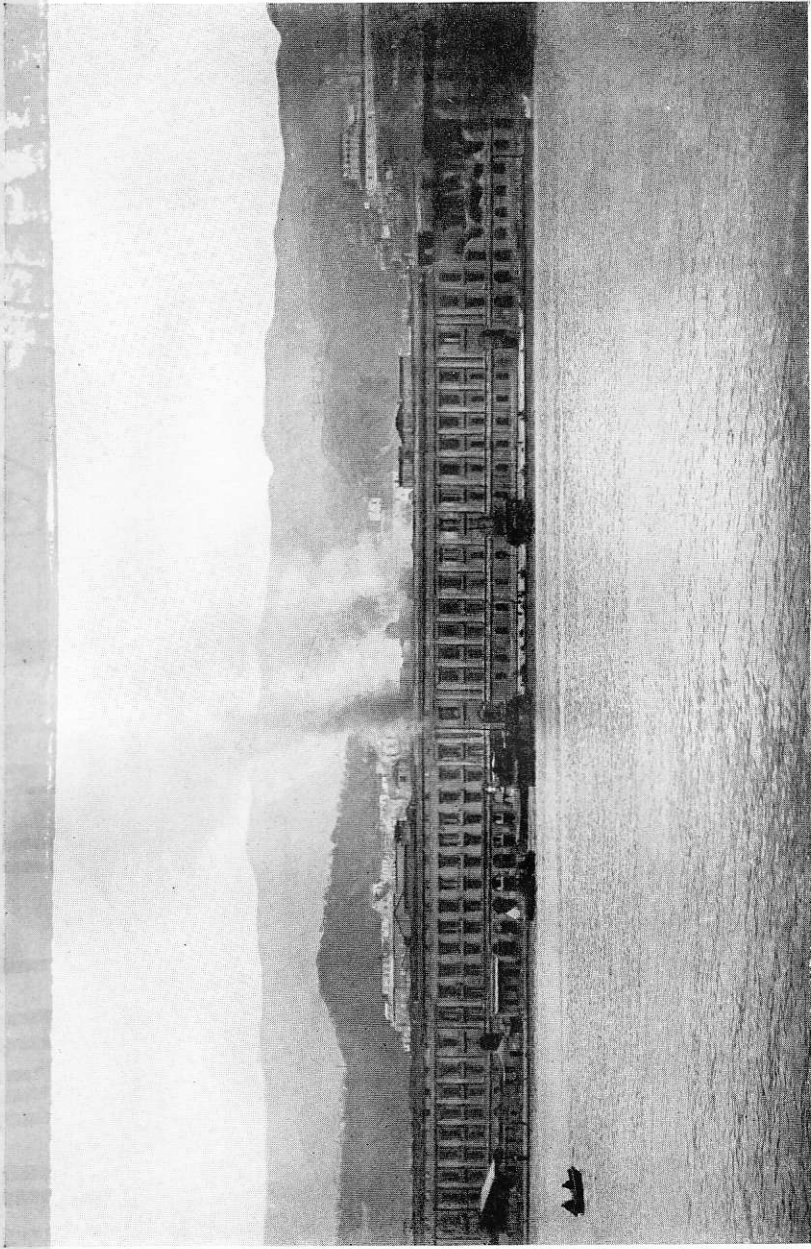
Черезъ нѣсколько минутъ послышались револьверные выстрѣлы и крики:

— Спасайтесь, спасайтесь!

И—обрушился кусокъ стѣны отъ сильнаго подземнаго толчка.

Въ это время меня позвалъ человѣкъ, онъ кричалъ: „Спасите ее, спасите!“ Вмѣстѣ съ двумя солдатами я отправился на улицу св. Мартина, и намъ удалось спасти жену этого человѣка, оказавшагося контролеромъ Итальянскаго банка.

Землетрясеніе въ Мессинѣ.—Пожаръ Муниципалитета.
Съ фотографинъ Броджи.

Со всѣхъ сторонъ просили о помощи. На каждомъ шагу лежали мертвые, массы раненыхъ; улицы стали неузнаваемы, да и не существовало ихъ больше, вмѣсто нихъ стояли остатки домовъ и горы обломковъ.

Когда я шелъ по улицѣ Милле, я замѣтилъ, какъ одинъ грабитель пытался сломать ящикъ, я прицѣлился въ него изъ револьвера, приказывая ему бросить банковые билеты, которые онъ уже держалъ въ рукѣ. Въ отвѣтъ мнѣ онъ сталъ что-то бормотать, грозя ножомъ, но тутъ показались артиллерійскіе солдаты, схватили его и увели.

Когда его вели солдаты, всѣ встрѣчающіеся плевали на него, а жители хотѣли убить этого жалкаго человѣка.

Только когда мнѣ удалось пригласить съ собою двухъ русскихъ моряковъ, стала продуктивнѣе моя работа.

О, эти русскіе, какой героизмъ!

Среди этихъ моряковъ я видѣлъ много контуженныхъ, раненыхъ, продолжавшихъ работать, рискуя своею жизнью при каждомъ случаѣ спасенія. Они взбирались на такія мѣста, гдѣ, казалось, смерть несомнѣнно угрожала имъ, но они побѣждали и спасали людей.

Я снова вернулся на улицу Милле съ русскими матросами,—насъ умоляла идти туда молоденькая дѣвушка; съ большими усиліями намъ удалось спасти тамъ двухъ людей.

На русскихъ судахъ раздались призывные свистки, и славные русскіе матросы, распрощавшись со мной, возвратились на бортъ. Тутъ я остался всего съ однимъ товарищемъ. Идя далѣе, мы услышали подъ обломками голоса—взывали о помощи,—и мы принялись за спасеніе, но въ рукахъ у насъ были только обломки желѣзныхъ перилъ.

Не принявъ въ расчетъ, что я нахожусь на тростниковой крышѣ, черезъ нѣсколько минутъ я провалился, ударившись о большую балку. Меня тутъ же вытащили, но нога оказалась вывихнутой и сильно ушибленной. Тутъ мы спасли еще одну женщину лѣтъ тридцати.

Все время дождь лиль, какъ изъ ведра, и густая тьма наступающей ночи опустилась на мѣсто смерти и страданій. Продолжать раскопки стало очень трудно, почти невозможно, ибо не было даже необходимыхъ факеловъ.

Вернулись въ портъ и оттуда, въ компаніи голодныхъ и мерзнувшихъ, отправились на станцію. Какое мученіе! Повсюду лежали мертвые, ра-

неные, нѣкоторые на матрацахъ, многіе на голой землѣ. Только нѣсколько факеловъ освѣщали блѣдныя лица и остатки станціи.

Раздали раненымъ немного вина и воды — ничего другого у насъ не было, а когда силы начали оставлять насъ, мы забрались въ товарный вагонъ и тамъ, сидя на ящикахъ съ апельсинами, провели часа два, отдыхая.

На слѣдующій день отправился въ Гагу, тамъ работалъ вмѣстѣ съ пожарными изъ Катаніи. И все тѣ же муки, то же горе, отъ вида котораго рвется сердце. Великое мужество и благородное самоотверженіе проявили русскіе моряки въ Мессинѣ; я видѣлъ проявленія высокаго милосердія, заявить о которомъ считаю высокимъ для себя счастьемъ. Такъ же великолѣпно работали наши пожарные. И, — чтобы быть справедливымъ, — я не могу не свидѣтельствовать о томъ, что въ новой тюрьмѣ, гдѣ пріютилось около 500 бѣглецовъ, я имѣлъ случай наблюдать и восхищаться работой благородной женщины баронессы Ромео делле-Торрацци. Чѣмъ только могла, не щадя себя, помогала она своимъ братьямъ Мессинцамъ. Цѣлый рядъ избалованныхъ жизнью аристократическихкихъ дамъ и дѣвицъ работали, какъ простыя

сестры милосердія, не гнушаясь самой черной работы; тутъ была и герцогиня ди-Палацци, и баронесса Царалла, баронесса ди-Пильки, графиня дель-Градо, и многія другія.

Въ эти благородные дни общаго единенія не было ни богатыхъ, ни бѣдныхъ, ни аристократовъ, ни плебеевъ, но одна семья страждущихъ и спѣшащихъ на помощь имъ!“

Несчастіе народа, какъ видите, организовало въ дѣлѣ помощи ему всѣ слои общества, но никто ничего не говоритъ о роли самой мощной и обширной организаціи Италіи—а, можетъ быть, и всего міра — я говорю о католическомъ духовенствѣ. За всѣ эти дни говорилось только о двухъ священникахъ, работавшихъ, какъ простые рабочіе, но нигдѣ не было рѣчи объ организаціи монаховъ и священниковъ католической страны.

...Вотъ бродитъ по улицамъ шансонетная пѣвица Жанна Перуджіа; ей предлагаютъ ѣсть—не можетъ. Она забыла свое имя, мертвыми глазами смотритъ на людей, остановившихъ ее, и не умѣетъ сказать имъ, кто она.

У двери развалившагося дома лежитъ навзничъ трупъ молодой женщины, ее засыпало такъ, что видно только лицо, плечо и одна грудь. Изъ-подъ

нея текутъ ручьи крови, надъ нею сидитъ кошка и жалобно мяукаетъ.

Здѣсь изъ-подъ обломковъ высунулись чьи-то двѣ руки, вцѣпившись пальцами въ землю, недалеко отъ нихъ—двухспальная кровать, а на ней—головы мужчины и женщины. Тѣлъ не видно, только подушки и два спокойныя лица въ сѣрой маскѣ пыли.

На остаткѣ балкона пространствомъ не болѣе метра, зацѣпившись рубашенкой за изломанную рѣшетку, виситъ дѣвочка лѣтъ шести. Только половина ея тѣла на обломкахъ, а голова и грудь въ воздухѣ; дѣвочка молчитъ и смотритъ внизъ. Снять ее почти невозможно: обломокъ стѣны едва держится, достаточно толчка лѣстницы, приставленной къ ней и тяжести человѣка, влѣзающаго по лѣстницѣ, стѣна упадетъ, и ребенокъ погибнетъ.

Матросы дѣйствуютъ, точно акробаты, они ставятъ лѣстницу, не касаясь ею стѣнъ, на вершину ея влѣзаютъ двое, одинъ садится верхомъ на другого, горизонтально вытягиваетъ свое тѣло и—снимаетъ дѣвочку. Это было сдѣлано такъ ловко, что среди стоновъ боли и криковъ о спасеніи раздался, можетъ быть, неумѣстный, но неудержимый крикъ побѣды и радости.

Изъ-подъ высокой груды развалинъ слышенъ

воплъ: онъ вызываетъ лихорадочную работу отряда, и съ огромными опасностями люди вырываютъ юношу лѣтъ семнадцати, совершенно невредимаго.

— Пить, пить ради Бога!—просить онъ.

Русскій священникъ, все время разносившій воду для раненыхъ, даетъ ему нѣсколько глотковъ. Юноша смотритъ на всѣхъ и плачетъ.

— Всѣ мои погибли!—говоритъ онъ.—Всѣ!

Матросъ, обнимая его, утѣшаетъ.

— Ничего, братъ, ты — молодой, не плачь, ничего!

И отводитъ его въ сторону, тоже отирая слезы.

Не понимая языка другъ друга, люди великолѣпно объясняются жестами, и работа кипитъ,— обломки зданій быстро разбираются, открывая глазамъ ужасающія картины смерти и увѣчій.

Дуетъ вѣтеръ, идетъ дождь, пахнетъ дымомъ. Всюду по улицамъ идутъ маленькія группы людей и, услышавъ зовъ о помощи, наклоняются къ землѣ.

На высотѣ четвертаго этажа виситъ внизъ головой человѣкъ, ущемленный за ногу, снять его нѣтъ возможности. Вѣтеръ срываетъ съ него рубашку, развѣваетъ волосы, его руки качаются, онъ кажется живымъ, въ судорогахъ холода и боли.

Вотъ молитъ о помощи молодой человѣкъ; ему придавило ноги, но нѣтъ возможности вынуть его изъ-подъ обломковъ—они убили бы спасающихъ. Пришелъ хирургъ и отрѣзалъ юношѣ обѣ ноги. Когда его положили на носилки, онъ попросилъ пить, сказалъ: „Благодарю, друзья!“ и—умеръ.

Мистеръ Меткальфъ, бывшій главный морской врачъ американской эскадры въ годъ войны съ Испаніей, провелъ въ Мессинѣ пять дней, съ 30-го по 6-е, и, возвратясь, говорилъ мнѣ:

— Великолѣпный народъ ваши моряки! Большіе, здоровые парни, работаютъ спокойно, увѣренно, точно англичане: неутомимы, безстрашны и — веселы. Пріятно видѣть ихъ открытыя лица и странно знать, что такой живой и добрый народъ такъ плохо устраиается у себя на родинѣ. Хорошіе парни! Оговорюсь, однако; я не даю предпочтенія русскимъ передъ другими, нѣтъ. Всѣ работали, какъ герои и умные люди, проявляя массу инициативы, изумительное безстрашіе и трогательную нѣжность къ пострадавшимъ, особенно — къ дѣтямъ и женщинамъ. Я наблюдалъ работу пожарныхъ командъ Италіи — изъ Генуи, Милана, Болоньи, Рима, Неаполя и другихъ городовъ,—все это удивительные люди, скажу вамъ! Я кое-что

видѣлъ на своемъ вѣку... это прекрасная работа, да! Это—выше похвалъ. Великолѣпно организованы общества Краснаго и Зеленаго креста; у нихъ оказалось все необходимое, и они обнаружили тонкое умѣнье обращаться съ больными и массу энергій. Иногда въ работѣ замѣтно было смятеніе, перерывъ, сказывался недостатокъ инструкцій, вліяло и то обстоятельство, что всѣ стремились скорѣе откапывать засыпанныхъ, но—никто не торопился сносить раненыхъ на пункты. Была замѣтна непроизводительная затрата труда въ сухопутныхъ войскахъ,—вѣроятно, это объясняется тѣмъ, что большинство офицеровъ и много солдатъ—мѣстные уроженцы, каждый потерялъ всю семью или нѣсколько человѣкъ родныхъ,—горе нѣсколько мѣшало работать. Многіе изъ работавшихъ были засыпаны обвалами, получивъ легкія пораненія и увѣчья, это не мѣшало имъ продолжать раскопки. На мой взглядъ, всѣ, уцѣлѣвшіе отъ смерти—психически ненормальны. Несомнѣнно, что многіе изъ больныхъ, вѣрнѣе безумныхъ, принимались за грабителей, ихъ арестовывали, и—открывалась печальная истина. Обезумѣвшіе люди рылись въ обломкахъ; когда имъ запрещали это, указывая на опасность для ихъ жизни, они бросались драться. Очень многіе не могли сказать, кто они.

Нерѣдко больные бѣгали отъ патрулей и отрядовъ помощи. Думаю, что девять десятыхъ разсказовъ о грабежахъ нужно отнести къ недоразумѣніямъ, которыя создавали именно психическіе больные. Изъ одного зданія съ великимъ трудомъ откопали двухъ старухъ—онѣ были засыпаны въ комнатѣ, гдѣ сохранялось много хлѣба и вина, и превесело провели подъ развалинами 8 дней. Вылѣзали обѣ въ пыли, но глаза—веселые. Навѣрное эти остались самыми здоровыми людьми изъ всей Мессины.

Можно слышать такіе разговоры:

— Вы много потеряли?

— Шесть человѣкъ дѣтей и жену.

— Я счастливѣ васъ, моя жена жива, но дѣти погибли всѣ трое.

— Мои погибли всѣ—мужъ и дѣти, и прислуга, весь домъ!

Отрыли старуху 102 лѣтъ, но она не хочетъ уходить изъ могилы:

— Всѣ мои молодые померли—я тоже хочу умереть, оставьте меня!

Говорятъ, что въ первые дни много дѣвушекъ и женщинъ погибло подъ развалинами уже послѣ того, какъ онѣ были откопаны и получили возможность выйти изъ могилъ. Но онѣ были наги

и не хотѣли выйти нагими передъ лицо мужчинъ. Новыми сотрясеніями ихъ засыпало на смерть. Ихъ уговаривали—онѣ слышали неизвѣстный имъ, чужой языкъ и пугались. Ихъ пробовали вынимать насильно, онѣ въ ужасѣ отбивались, и часто во время борьбы ихъ калѣчилъ упавшій камень“.

Тоже говорить и Джіованни Чена:

„Въ одномъ мѣстечкѣ, не доходя до Реджіо, мы встрѣтили итальянскихъ солдатъ, работавшихъ надъ раскопками и спасеніемъ заживо погребенныхъ. Унтеръ-офицеръ жалуется намъ: — Представьте себѣ, что многихъ женщинъ намъ приходилось вытаскивать за шею: онѣ ни за что не соглашались вылѣзть, такъ какъ были голыми. Въ Реджіо солдаты придумали просовывать имъ мѣшки и такъ вытаскивать ихъ наружу, иначе онѣ предпочитали умереть, но не показываться нагими“.

„Я не знаю, чему научить людей это несчастіе,— закончилъ свой рассказъ мистеръ Меткальфъ,—но чему-то должно научить ихъ, это такъ. Это—не можетъ пройти безслѣдно, не можетъ!“

Мистеръ Меткальфъ привезъ съ собой на Капри двѣнадцать женщинъ и нѣсколько дѣтей, помѣстилъ ихъ на своей виллѣ и—лечить.

На пятый день отрыли человѣка, лицо и руки котораго изгрызаны собакой. Онъ не могъ ото-

гнать ее иначе, какъ только крикомъ, и когда это перестало пугать ее, она начала ѣсть его тѣло.

Собаки и кошки стали убивать, и они увеличили своей массой количество разлагающихся труповъ.

Уже на третій день сталъ распространяться сильный запахъ гніенія, смѣшанный съ запахомъ горѣлаго мяса и жира. Работающимъ на раскопкахъ пришлось наложить на ротъ и носъ антисептическую вату; работа разгоралась съ каждымъ днемъ и часомъ, становясь все болѣе энергичной и торопливой,—изъ-подъ развалинъ все еще неслись не умолкая стоны и крики.

Люди проявляли неимовѣрную, изумительную живучесть и терпѣніе—ихъ откапывали живыми на седьмой, восьмой, девятый день и даже позднѣе!

Такъ, на девятый день солдатамъ порта Мессины удалось отрыть живымъ своего капитана, — они искали его долго, нѣсколько разъ принимаясь раскапывать зданіе, гдѣ онъ жилъ; имъ запрещали работать, въ виду угрожающаго положенія развалинъ, ежеминутно готовыхъ обрушиться и раздавить ихъ. Но они продолжали работать тайно, почему-то увѣренные, что капитанъ живъ, хотя онъ и не подавалъ признаковъ

жизни. Наконецъ, они его нашли, раненаго, истощеннаго голодомъ.

Одинъ изъ выкопанныхъ разсказаль:

„Мы, нѣсколько человѣкъ, мужчины и женщины вмѣстѣ, провели подъ развалинами три дня, нѣкоторые ранены, всѣ—живы, и съ каждымъ часомъ надежда на спасеніе исчезала у насъ. Старались пробиться на воздухъ, но при малѣйшемъ движеніи на насъ падали камни, сыпалась пыль, удушая насъ. Наконецъ, удалось пробить маленькую щель, и это насъ спасло: въ нее мы поочередно звали на помощь. Отъ духоты и пыли мы ослѣбли, потеряли голоса, страшная мучительная жажда заставляла насъ смачивать горло уриной, и вдругъ—слышимъ чьи-то странные голоса, непонятныя слова чужой рѣчи. Кричимъ—въ отвѣтъ радостные возгласы, и вотъ надъ нашими головами начата спѣшная, осторожная возня. Какой это былъ моментъ, когда, выползая изъ могилы нашей, мы попадали въ крѣпкія объятія людей, никогда нами не виданныхъ, а они, смѣясь и плача, поднимали насъ на руки, точно дѣтей, кричали что-то радостно, давали намъ воду и хлѣбъ—три кружки было протянуто мнѣ, и я пилъ изъ всѣхъ!“

У одного старика убито три сына. Ихъ трупы

вынимають на его глазахъ, онъ самъ молча укладываетъ ихъ въ ящики, засыпаетъ известью. Вытащили младшаго, его голова расплющена, лица нѣтъ, мозгъ вытекъ.

— Это былъ красавецъ!— строго говоритъ отецъ и—падаетъ на землю.

Солдаты поднимаютъ его—онъ мертвый.

Ко всему привыкшіе за эти дни солдаты, гнѣвно плачутъ и грозятъ кулаками въ небо и съ новой силой бѣгутъ среди развалинъ, въ дыму пожаровъ и въ удушливомъ запахѣ гнѣющихъ труповъ на новое мѣсто къ новымъ ужасамъ.

Реджіо и Мессина получили помощь быстро, маленькія мѣстечки и города Калабріи и Сициліи первое время сильно нуждались въ хлѣбѣ, водѣ, медикаментахъ и рабочихъ рукахъ.

Берега Калабріи энергично обслуживала англійская эскадра съ Мальты. Къ нѣкоторымъ городамъ Калабріи, въ ихъ числѣ и къ Реджіо, можно было подойти только съ моря—весь берегъ, всѣ пути разрушены, изорваны глубокими трещинами.

Одинъ изъ русскихъ, работавшій по берегу Калабріи съ отрядомъ студентовъ Неаполя, рассказываетъ:

„Населеніе маленькихъ городовъ погружено

въ апатію; они равнодушно смотрятъ, какъ солдаты раскапываютъ развалины и—молчатъ. Первый день они даже не говорили, гдѣ подъ обломками засыпаны люди и только съ утра другого дня стали просить о раскопкахъ, указывая на ту или другую груду мусора и безнадежно говоря:

— Здѣсь—моя семья.

— Моя мать тутъ.

— Жена и дѣти.

— Братъ.

— Мои сестры.

И когда выкапывали живого человѣка, первыя минуты онъ вызывалъ у своихъ родныхъ только удивленіе, и лишь потомъ люди обнимались, радостно плакали.

Въ домѣ одного изъ гражданъ солдаты нашли ящикъ съ деньгами. Когда извѣстили объ этомъ хозяина дома, онъ равнодушно сказалъ:

— А я думалъ, онѣ пропали...

— Посмотрите, всё ли онѣ цѣлы.

— О, да, всё!—сказалъ онъ, не глядя.

Денегъ было нѣсколько десятковъ тысячъ лиръ, какъ говорятъ.

И всюду въ городкахъ, въ деревняхъ, убитые горемъ люди печально сидятъ на площадяхъ, не зная, что дѣлать и не имѣя силъ не только при-

няться за работу, но даже позаботиться о пищѣ для себя.

Затѣмъ голодъ уничтожалъ апатію, они раздраженно кричали:

— Хлѣба!

Странное впечатлѣніе произвели на меня жители совершенно разрушенной Сциллы: всѣ, кто могъ работать, раскапывали мусоръ, а болѣе слабые варили пищу, ухаживали за ранеными, занимались съ дѣтьми и, вообще, уже снова начали жить, несмотря на то, что весь день 4-го января подземные толчки сотрясали землю подъ ногами у нихъ. Какъ будто они—иной народъ, въ сравненіи, съ окружающими ихъ, подавленными ужасомъ и горемъ людьми. Изъ 8 тысячъ жителей Сциллы убито 300, ранено—650, какъ намъ сказали. Въ Полистринѣ изъ 10 тысячъ—убито 150, ранено 500, но тамъ настроеніе ужасно. Должно быть, состояніе духа жителей вліяетъ на солдатъ, медицинскій персоналъ и вообще на всѣхъ, подающихъ помощь: гдѣ граждане бодрѣе, тамъ и работа идетъ энергичнѣе, хотя сами граждане не всегда принимаютъ въ ней участіе, а только указываютъ мѣста, гдѣ засыпаны люди. А гдѣ люди подавлены и апатичны, тамъ замѣтна апатія и въ работѣ саперъ и инженеровъ, медиковъ, всѣхъ

прибывшихъ на помощь. Нашъ отрядъ, какъ мнѣ кажется, вездѣ былъ лишнимъ: дней пять мы, 50 человекъ, ходили съ мѣста на мѣсто, отыскивая себѣ работу и не нашли ея, но нѣсколько человекъ отряда все время работали на одномъ мѣстѣ и очень продуктивно“.

Въ одной изъ горныхъ деревень Калабріи была отрыта дѣвочка лѣтъ десяти съ раздробленною ногою. Она долго лежала на грудѣ мусора, нужно было сдѣлать операцію очищенія загрязненной раны, вырѣзать куски уже пораженного гангренною тѣла.

Видя среди медицинскаго отряда женщинъ, дѣвочка сказала:

— Я хочу, чтобы меня лечили женщины. Не нужно мужчинъ!

И, настоявъ на своемъ желаніи, она сказала еще:

— Дайте мнѣ платокъ, я положу его себѣ въ ротъ, чтобы не кричать. Я не хочу кричать!

Платка чистаго не нашлось—ей дали бинтъ. Она не крикнула во время операціи, но перекусила бинтъ попаламъ, такъ велика была боль и сила воли этого ребенка.

Сицилианцу крестьянину дѣлаеть операцію

знаменитый хирургъ; лицо, присутствующее при операціи, чтобы ободрить больного, шутить:

— Потерпи, братъ! Ты знаешь—тебя лечитъ знаменитый докторъ. Богатые синьоры заплатили бы ему тысячи за то, что онъ дѣлаетъ для тебя даромъ.

Больной перестаетъ стонать и насмѣшливо отвѣчаетъ:

— Ахъ, бѣдный синьоръ! Мнѣ жалко, что ему пришлось заняться трудомъ, непривычнымъ для него!

Чувство собственнаго достоинства тонко развито въ итальянскомъ народѣ, и оно съ особенною яркостью пылало въ эти дни.

„Въ мѣстечкѣ Арки, какъ передавалъ офицеръ, работавшій тамъ съ отрядомъ солдатъ, жители отказались отъ милостыни и просили только пока дать имъ хлѣба, такъ какъ они сами могутъ справиться съ бѣдою: у нихъ скоро поспѣютъ бергамоты, черезъ недѣлю они примутся за работу; пусть, если можно, имъ дадутъ дерева, бараки они построятъ себѣ сами. Эти люди сами отрыли тѣхъ, кто былъ засыпанъ обломками и камнями, сами похоронили умершихъ“.

„Въ одной изъ хижинъ на берегу моря отрыли старика и старуху; онъ, положивъ свою голову

на грудь ей, умиралъ. Когда их хотѣли поднять, старуха сказала:

— Оставьте, прошу! Онъ—уже умираетъ, я тоже хочу умереть, оставьте насъ. Всѣ наши дѣти, всѣ родные погибли. Мы жили долго, довольно! Идите спасать молодыхъ, идите!

Ее долго уговаривали—она стояла на своемъ“.

Въ Реджіо одна женщина просидѣла три дня подъ обломками, и все время на нее сверху лилась и капала кровь ея мужа и дѣтей, раздавленныхъ въ комнатѣ надъ нею. Она сама сильно изранена и, конечно, сошла съ ума.

Четвертаго января въ теченіе всего дня продолжались подземные толчки на побережьѣ Калабріи и Мессины. Эти толчки, разрушая развалины все болѣе, приводили пережившихъ катастрофу въ панической ужасъ.

Первое время—не было палатокъ, раненные полуодѣтые люди лежали подъ открытымъ небомъ—много простуженныхъ. Затѣмъ сразу было привезено 4 тысячи палатокъ, дерево для бараконъ; толпа измученныхъ холодомъ людей бросилась ихъ разбирать и смяла, едва не сбивъ съ ногъ присутствовавшего при этомъ короля.

Король и королева, судя по отзывамъ всей прессы, въ томъ числѣ и социалистической, а

также по разсказамъ лицъ, видѣвшихъ ихъ на мѣстѣ несчастія, въ данный моментъ самые популярныя люди Италіи. Они оба вели себя все время, какъ итальянцы, какъ граждане, которые искренно и глубоко почувствовали горе родного имъ народа.

Они оба выѣхали изъ Рима на мѣсто катастрофы тотчасъ же, какъ была получена страшная телеграмма о разрушеніи Сициліи и Калабріи, и въ продолженіи нѣсколькихъ сутокъ подавали людямъ примѣръ энергіи и хладнокровія, столь необходимаго въ моментъ общей паники, растерянности и ужаса.

Королева работала, какъ простая сестра милосердія; простота и сердечность ея отношенія къ людямъ засвидѣтельствована десятками разсказовъ, рисующихъ королеву, какъ женщину прекраснаго сердца. Самъ король лично объѣхалъ всѣ пострадавшіе города и, раньше всѣхъ замѣтивъ печальное положеніе маленькихъ мѣстечекъ, телеграфировалъ Джіолитти: „Обратите вниманіе на отдаленныя коммуны Калабріи“.

Онъ не стѣснялся вмѣшиваться въ толпы людей, нервное состояніе которыхъ часто возвышалось до раздраженія, крайне грознаго, какъ это было въ Мессинѣ при раздачѣ пострадавшимъ.

палатокъ, и въ Реджіо, гдѣ король, сойдя на берегъ, былъ окруженъ толпой, кричавшей ему въ лицо:

— Хлѣба! Мы голодны!

Дивильный листъ короля Италіи не великъ, но это не помѣшало Виктору Эммануилу дать пострадавшимъ милліонъ двѣсти тысячъ лиръ.

Около Мессины срѣзано съ лица земли нѣсколько деревень; въ одной изъ нихъ, Гандзири, жителей было 1700, болѣе тысячи—убито, до 500 раненыхъ, невредимыхъ физически осталось менѣе 200 человѣкъ.

Въ Калабрії, кромѣ совершенно уничтоженнаго Реджіо, разрушено около 18-ти мѣстечекъ и деревень, имѣвшихъ населенія отъ 14-ти тыс. до трехъ.

Въ Реджіо жило 46 тысячъ человѣкъ; считаютъ, что 22—убито, не менѣе 10 ранено.

Привожу письмо депутата Наве отъ 7-го января:

„Могу съ точностью описать вамъ событія и настоящее положеніе 6-го января во всѣхъ мѣстечкахъ Калабрійскаго побережья къ сѣверу отъ Реджіо, какъ то: Катона, Вилла Санъ-Джіованни, Канителло, Сцилла, Фавадзина и Баньяра—всѣ они разрушены почти совершенно.

Всѣ эти мѣстечки, даже и болѣе крупныя изъ нихъ, оставались изолированными со стороны суши, внѣ всякихъ сношеній съ міромъ, такъ какъ телефоны и телеграфныя сообщенія порваны. Они не могли, какъ не могутъ и по сейчасъ, получить помощь инымъ путемъ, какъ со стороны моря.

Все время помощь всѣмъ этимъ мѣстностямъ подавали англійскіе крейсера „Эксмутъ“ и „Дунканъ“; дѣятельность ихъ—выше всякихъ похвалъ, изумительна. Съ героизмомъ, самоотверженно, сохраняя величайшій порядокъ и плодотворную распорядительность, работали они, снабженные всякими необходимыми для оказанія помощи средствами.

Ходили среди развалинъ, грозящихъ ежеминутнымъ рискомъ, прислушиваясь къ стонамъ раненыхъ и заживо погребенныхъ, среди опасностей они спокойно дѣлали свое дѣло. Немедленно устроили палатки и госпиталь—все въ величайшемъ порядкѣ. Въ Катано перевязывали раненыхъ, организовали посадку на суда, работая вечеромъ, при наступленіи темноты, при свѣтѣ рефлекторовъ. Посадивъ на суда раненыхъ, ихъ немедленно отвезли въ Катанію и Сиракузы, и уже на слѣдующее утро суда опять вернулись.

обратно, привезя съ собой большой запасъ съѣстныхъ припасовъ. Имена славныхъ англійскихъ моряковъ навсегда останутся жить въ благодарной памяти мѣстнаго населенія.

Подъ вечеръ второго января прибыла въ Виллу Санъ-Джіованни съ коммерческимъ судномъ „Неаполь“ экспедиція, организованная муниципалитетомъ Генуи, изумительно хорошо обставленная, снабженная полевымъ госпиталемъ, съ пятью врачами, инженерами, пожарными, рабочими и членами Зеленаго Креста, привезя съ собою большой запасъ матеріаловъ и съѣстныхъ припасовъ. Эта экспедиція творила положительно чудеса. Въ ночь со второго на третье января они поставили свои палатки, устроили госпиталь и перевели раненныхъ изъ англійскихъ палатокъ въ свои. Весь день 4-го былъ посвященъ посадкѣ раненныхъ на Ломбардію, что представляло собою колоссальныя трудности, въ виду недостатка перевозочныхъ средствъ.

Въ это же время пѣхотныя войска принялись за подачу помощи жителямъ окрестныхъ холмовъ, что представляло трудность сугубую, такъ какъ раненныхъ приходилось свозить на мулахъ.

Совершенно лишенными помощи до прихода пѣхотныхъ войскъ оставались коммуны, распо-

женныя въ горахъ—Кампо Калабро, Санъ-Роберто, Фіумарэ, Каливэ. Катона тоже находится въ гористой мѣстности, и туда тоже не доходило до тѣхъ поръ помощи. Нельзя безъ содроганія вспомнить, каково было положеніе этихъ мѣстностей всѣ эти ужасные пять-шесть дней.

Третьяго числа министръ Бертоллини посѣтилъ Виллу Санъ-Джіованни, 4-го онъ былъ въ Баньярѣ; тамъ дѣло помощи шло немного лучше, и съ необыкновенной энергіей работалъ миланскій комитетъ. Только начиная съ 4-го января, все это побережье стали вполнѣ обслуживать итальянскія суда.

Съ 5-го января образовалась правильная доставка съѣстныхъ припасовъ и необходимыхъ для жителей матеріаловъ.

По счастью, съ 1-го января стоитъ хорошая погода, но, все-таки, люди нуждаются буквально въ самомъ необходимомъ, такъ какъ тысячи людей живутъ подъ открытымъ небомъ, ничего не имѣя, чтобы одѣться.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ народонаселеніе хотя и сильно поражено несчастіемъ, но не разорено окончательно.

Положеніе, все-таки, всюду очень тяжелое, въ

особенности потому, что многіе лишены крова; таковыхъ цѣлыя тысячи.

Въ Канителло, которое буквально срѣзано съ лица земли, до сихъ поръ помощь была минимальной. Нѣкоторые раненые были перевезены вчера моремъ въ Вилла Санъ-Джіованни съ величайшими трудностями.

Со всѣхъ сторонъ прибываютъ санитары, депутаты, сенаторы; всѣ питаются однимъ хлѣбомъ и галетами, спать подь открытымъ небомъ или въ палаткахъ. Санитаровъ больше, чѣмъ достаточно, но, къ сожалѣнію, не хватаетъ всего остального необходимаго, какъ-то: пищевыхъ продуктовъ, палатокъ, лѣса для бараконъ.

Въ Санъ-Джіованни спасли женщину,—послѣ 8-ми дневнаго пребыванія подь обломками она жива и не ранена. Спасеніе ея, въ которомъ принимала участіе генуэзская экспедиція, было до крайней степени опасное, какимъ-то чудомъ надо считать, что никто при этомъ не погибъ. Въ Сциллѣ тоже вчера отрыли женщину, была еще жива, несмотря на то, что подь землю перенесла выкидышъ, но спустя немного часовъ она въ жестокихъ страданіяхъ умерла“.

А ранѣе депутата Наве, Одино Моргари, редакторъ „Avanti“, рассказывалъ:

Мессина.—На одной изъ площадей послѣ землетрясенія.

„Пишу вамъ изъ казармы карабинеровъ и таможенниковъ—четырёхъугольный сарай, въ которомъ мнѣ оказали гостепріимство. Странно видѣть собравшуюся компанію: маршалъ въ форменной шляпѣ и статскомъ платьѣ, лейтенантъ береговой стражи,—совершенно голый, онъ спасся только тѣмъ, что схватился за дерево, когда его несла въ море нахлынувшая на городъ огромная волна,—одѣтъ, какъ попало, какъ и всѣ другіе, почти всѣ—ранены.

Въ 7 часовъ утра я покинулъ Сицилию, и едва успѣлъ я отойти, какъ послышался страшный грохотъ—въ море обрушилась расшатанная землетрясеніемъ скала, на которой стоялъ замокъ.

Въ Фавацінѣ мертвыхъ только 17, раненыхъ 31—на 1700 человѣкъ жителей это немного. Дома едва держатся, жители поселились въ построенныхъ на скорую руку баракахъ. Одна женщина ранена въ десяти мѣстахъ. Всѣ дрожатъ отъ холода.

А дождь льетъ, льетъ.

Пришли въ Канителлу—это былъ прелестный городокъ въ 3000 жителей, скорѣе деревенька—всего два ряда домовъ по берегу моря. Лѣтомъ тутъ много купающихся, прелестный пляжъ, съ тонкимъ мягкимъ пескомъ. Улицы по берегу моря,

тянувшіяся на полторы тысячи метровъ, не существуютъ болѣе, уцѣлѣлъ всего одинъ домъ, а всѣ остальные сметены съ земли и точно измолоты.

Пройдя метровъ триста, вижу блѣдную, точно изъ воска руку, нагнулся: женщина, одѣтая, лежитъ лицомъ въ водѣ. Прошелъ еще немного и встрѣтилъ, наконецъ, живое существо—служащій въ коммунѣ ассессоръ. Плачетъ: потерялъ всю свою семью, домъ, все. Ведетъ меня къ развалинамъ дома, въ которомъ въ теченіе уже семидесяти часовъ подъ обломками живутъ женщина и ребенокъ. Упавшій потолокъ накрылъ ихъ живыми, несчастной женщиной прищемило ноги, словно капканомъ. Но ей можно подавать пищу.

— Вашъ сынъ живъ?

— Джіовануццо!—зоветъ женщина.

— О!—отвѣчаетъ голосокъ изъ мрака въ глубинѣ развалинъ.

Вошелъ въ домъ, гдѣ уцѣлѣлъ нижній этажъ и очутился въ присутствіи пяти-шести чловѣкъ.

— Чего хотите?

— Скорѣе вы мнѣ скажите, что вы тутъ дѣлаете? Какъ вы можете оставлять живыхъ людей подъ обломками!—кричу имъ.

Идутъ со мною къ только-что оставленнымъ двумъ жертвамъ, и я убѣждаюсь, что если тронуть развалины надъ ними—ихъ немедленно раздавить. А такъ—они въ сухомъ мѣстѣ, накормлены и напоены. Надо подождать, пока подойдутъ на помощь техники.

Встрѣтилъ синдика,—онъ ходилъ босой и безъ шапки въ Вилла Санъ-Джіованни; тамъ полное разрушеніе. На лодкѣ онъ добрался до Мессины, привезъ 120 килограммъ галетъ и 4 мѣшка муки. Разрывалъ раненыхъ.

— Нѣтъ людей! Не знаю, что и дѣлать! Въ карманѣ таскаю нѣсколько пакетовъ съ ватой— что съ ними сдѣлаешь? Моя семья вся погибла, 28 человѣкъ. Вчера умеръ братъ. Если бы ему ампутировать руку, можетъ быть уцѣлѣлъ бы!

Плачетъ.

Низко поклонившись ему, иду дальше.

Проходя мимо муниципїи, вижу, что развалины ея еще дыматся, несмотря на три дня дождя.

Смотрю вдаль, черезъ проливъ, по ту сторону его—горить Мессина“.

... И журналисты, и пострадавшіе единодушно отзываются о работѣ, сдѣланной въ эти страшные и великіе десять дней, какъ о подвигѣ сказочномъ, поражающемъ своею красотой, своимъ еди-

нодушіемъ. И даже сами работники съ изумленіемъ говорятъ другъ о другѣ, группа о группѣ.

— Совершенно непонятная выносливость! Они работали первые семьдесятъ два часа совершенно безъ отдыха и безъ сна, день и ночь, и только на четвертыя сутки люди начали падать въ обмороки!

Такъ великъ былъ нервный подъемъ, такъ чудесна сила единицы, когда она представляетъ собою элементъ батареи, заряженной одною и тою же энергіею, единымъ настроеніемъ, связующимъ всѣхъ людей въ гармоническій организмъ.

Работа съ каждымъ днемъ становилась все болѣе и болѣе трудной и опасной, но энергія людей не падала...

Разлагались десятки тысячъ труповъ людей и животныхъ, удушливый запахъ гніенія, смѣшанный съ густымъ и тяжкимъ дымомъ, окружалъ людей заразною тучею. Горѣла шерсть, матерія, масло, мясо, дымъ выбивался изъ-подъ развалинъ въ десяткахъ мѣствъ, не было возможности погасить глубоко скрытый огонь. Раскапывали тысячи людей, работая не только весь день, но и ночами, при свѣтѣ фалеловъ. Раскопки становились невозможны: всѣ, кого можно было отрыть съ наименьшимъ рискомъ, отрыты, а изъ-

подъ обломковъ все еще доносились голоса и стоны, но уже въ массѣ пунктовъ инженеры и администрація, оберегая жизнь работающихъ, запретили трогать развалины, готовыя разрушиться и раздавить людей, при первомъ же прикосновеніи: запрещеніе это было вызвано случаями обваловъ и пораненій, случаями, которые повторялись все чаще.

Но, несмотря на это, люди тайно продолжали рыться по ночамъ, работая съ завязанными ватой ртами, ослѣпляемые дымомъ, всюду находя раненыхъ и извлекая ихъ. Однако, это было свыше силъ человѣческихъ: уже на седьмой день не только раненые, но и здоровые, будучи извлечены на воздухъ, часто умирали.

6-го января духовенство отслужило надъ городомъ Мессиной панихиду.

Одна изъ неаполитанскихъ газетъ писала:

„Конецъ! Умерла Мессина, прекрасный, старый городъ. Погибли драгоценныя произведенія искусства, бібліотеки, прекрасные образцы старой архитектуры, древній соборъ, куполь котораго представлялъ незамѣнимую художественную цѣнность. Надъ развалинами—могилой тысячъ людей—явилось духовенство, начали служить панихиду, и, можетъ быть, погребальное пѣніе слышала кто-то,

еще не умершій и, быть можетъ, слышалъ—не одинъ.

Стоять рабочіе и солдаты, вооруженные лопатами и кирками, готовые продолжать свою работу—дѣло жизни.

По грудамъ мусора стелется сѣрый дымъ, страшный запахъ труповъ насытилъ воздухъ и душитъ живыхъ. Архіепископъ дрожащимъ голосомъ благословляетъ вѣчный сонъ усопшихъ; молитва его тонетъ въ рыданіяхъ людей.

Горе клонить къ землѣ головы живыхъ, тихо звучитъ многоголосое послѣднее прости.

Кончено!“

Но снова среди развалинъ идетъ трудная и опасная работа. Городъ непрерывно обходятъ многочисленные патрули, прислушиваясь, не раздастся ли подъ обломками стукъ или глухой зовъ на помощь.

На девятнадцатый день одному изъ отрядовъ удалось извлечь трехъ людей, дѣвушку двадцати, дѣвочку двѣнадцати и мальчика девяти лѣтъ.

Это дѣти бѣдной семьи, мать ихъ убита обломками—она лежала въ той же комнатѣ, разлагаясь и отравляя воздухъ. Въ теченіе девятнадцати дней дѣти питались остававшимися у нихъ лукомъ, оливковымъ масломъ, виномъ и водою. Всѣ

трое очень истощены, но, не смотря на это, мальчуганъ самъ вылѣзъ на воздухъ, какъ только солдаты продѣлали небольшое отверстіе въ обломкахъ. Когда его спросили: есть ли тамъ кто-нибудь еще,—у него хватило силы объяснить, что мать убита, но живы еще двѣ сестры, только тѣ сами не могутъ двигаться.

А въ Реджіо неаполитанскій пожарный Эрнесто Пелоцци вытащилъ изъ-подъ развалинъ въ улицѣ Фата Моргана живого пятилѣтняго ребенка, сына швейцара дома депутата Доменико Триппени. Отецъ спасеннаго мальчика въ настоящее время находится въ Генуѣ.

Маленькій Нетти находится въ довольно хорошемъ, сравнительно, состояніи; о времени, проведенномъ подъ развалинами, онъ ничего не помнитъ, ранъ на немъ никакихъ нѣтъ, но всѣ эти четырнадцать дней онъ провелъ безъ ѣды и питья.

Пожарный Пелоцци единолично спасъ по крайней мѣрѣ 20 человѣкъ, многократно рискуя своею жизнью.

Его спросили:

— Сколько людей спасли вы?

— Этого не считаютъ, синьоръ,—отвѣтилъ онъ.

На той же улицѣ и въ тотъ же день капитанъ

Девьеръ откопаль трехлѣтняго ребенка живымъ и здоровымъ.

Войска уже приступаютъ къ очисткѣ главныхъ улицъ и возстановленію электрическаго освѣщенія, чтобы можно было непрерывно работать день и ночь. Тѣ граждане, которые спаслись и не захотѣли покинуть развалины родного города, понемногу начинаютъ строить новую жизнь; пользуясь обломками и деревомъ, присланнымъ на судахъ, они строятъ по окраинамъ шалаши.

„Avanti“ сообщало отъ 16-го января:

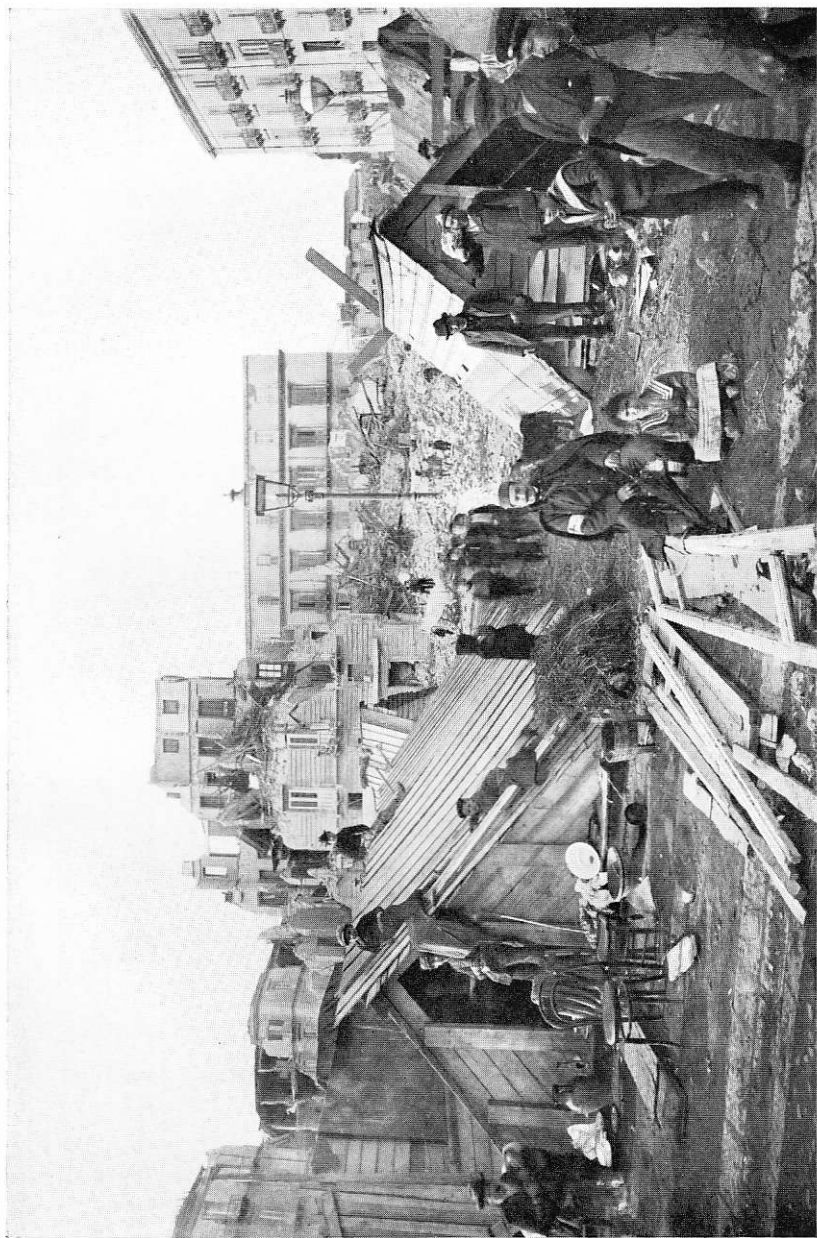
„Мало-по-малу вновь начинаютъ оживать люди.

По утрамъ появляются мелкіе торговцы, выкрикивая свои незамысловатые товары, другіе построили себѣ кое-изъ-чего лавченки, понаставили палатокъ — такъ мало-по-малу возникаетъ промышленность. Продають хлѣбъ, вино, сыры, фрукты. Началось слабое движеніе экипажей и даже одной общественной кареты“.

Изъ Реджіо тоже сообщаютъ:

„Многія семьи начинаютъ занимать построенные гражданскими инженерами бараки. Всюду установлено строгое наблюденіе, чтобы цѣны на съѣстные припасы по возможности не повышались“.

По всему побережью Калабріи построены бараки, въ которыхъ временно живетъ населеніе, и

Мессина. — Начинается жизнь.
Съ фотографіи Броджк.

Джіованни Чена разсказываетъ, какъ живутъ въ нихъ люди:

„Мы остались переночевать, въ наскоро построенномъ баракѣ, длиною метровъ въ десять; насъ въ немъ сорокъ человекъ. Наступаетъ вечеръ, качается подвѣшенный къ перекладинѣ маленькій масляный фонарикъ, въ баракѣ царитъ полумракъ. Люди просятъ какого-то старика: „Мастеръ Пеппе, разскажите намъ сказочку!“ Мастеръ Пеппе заставляетъ долго упрашивать себя,—время не такое. Потомъ соглашается. Широко раскрывъ глазенки, слушаютъ дѣти, какъ вѣдьма приложила ухо къ землѣ, а оно попало въ западню; сказка блеститъ яркими пословицами, прерывается пѣсенками; всѣ молча слушаютъ... мало-по-малу засыпаютъ. Полночь. Всѣ спятъ. Нѣтъ-нѣтъ—тяжело вздохнетъ кто-нибудь, застонетъ, вздрогнувъ во снѣ, женщина. Вдругъ раздается глухой подземный гулъ и толчокъ... залаяли собаки, долго лаютъ. Встаетъ одинъ крестьянинъ, беретъ ружье и выходитъ изъ барака. Черезъ нѣсколько минутъ возвращается, не разрядивъ ружья—пожалѣлъ хозяинъ свою старую собаку. Лай все продолжается“.

Отовсюду приходятъ корабли, много иностранныхъ, присланныхъ изъ Америки, Франціи, Испа-

ніи, Англії, съ большими запасами съѣстныхъ припасовъ, платяъ, лекарствъ, медикаментовъ.

Врачамъ часто приходится наталкиваться на недовѣрчивое отношеніе къ себѣ, особенно у крестьянъ въ горахъ Калабріи; съ особой антипатіей населеніе встрѣчаетъ всѣ дезинфекціонныя средства сильнаго запаха, но тѣмъ, кто говоритъ по-итальянски, а особенно говорящимъ на мѣстномъ діалектѣ, люди вѣрятъ довольно быстро, и надо видѣть, съ какою благодарностью и вѣрою смотрятъ эти добрыя души на тѣхъ, кто несетъ помощь въ ихъ заброшенные дикіе углы.

Многіе тяжело-больные съ разбитыми, переломленными членами—жалѣютъ врачей и членовъ комитета за то, что они сдѣлали такой трудный путь, забравшись къ нимъ въ ихъ „медвѣжьи норы“.

Коммунальныя власти приступили къ систематическому обслуживанію населенія санитаріей. Тиренскій комитетъ обходитъ мѣстность въ поискахъ за дѣтьми—сиротами; эти ребятишки собираются въ Реджію, впредь до распоряженія „Національнаго Патроната“.

Относительно сиротъ предпринять рядъ мѣръ: флотъ Италіи образоваль комитетъ призрѣнія

всѣхъ дѣтей моряковъ, погибшихъ во время катастрофы, какъ состоящихъ на службѣ, такъ и отслужившихъ сроки. А морской министръ разрѣшилъ считать всѣ убытки моряковъ, уроженцевъ пострадавшихъ мѣстностей, находящихся на службѣ, какъ убытки, понесенные во время исполненія служебныхъ обязанностей и подлежащіе возмѣщенію полностью за счетъ государства.

Изъ Франціи пришли многочисленныя предложенія усыновить сиротъ. Итальянское правительство съ благодарностью отклонило это предложеніе, указавъ на то, что народъ счелъ бы себя оскорбленнымъ, если бы его дѣти принуждены были искать прибѣжища внѣ родины.

Королевой Еленой изданъ декретъ, въ которомъ говорится, что призрѣніе, установленіе личностей и воспитаніе дѣтей—честь и дѣло націи, и что отдача сиротъ въ иностранныя государства совершенно исключается.

Директоръ Итальянскаго банка въ награду за то, что экипажи судовъ „Геркулесъ“ и „Гранатіеръ“ отырыли и доставили банку найденныя ими сокровища его, назначилъ по тысячѣ лиръ; матросы попросили морского министра передать эти деньги сиротскому пріюту королевы Елены.

Главный комитетъ помощи назначилъ въ на-

граду войскамъ, работавшимъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ землетрясенія, 20,000 лиръ. Генераль Мацца распредѣлилъ эти деньги такимъ образомъ: 12,000 солдатамъ, работавшимъ въ Мессинѣ, и 8,000 тѣмъ, кто работалъ въ Реджіо. Войска отказались отъ своей доли награды и пожертвовали ихъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія.

Грандіозный коллективный человѣкъ поспѣшно залечиваетъ свои раны, готовится къ новой борьбѣ за жизнь, а земля подъ ногами его все еще вздрагиваетъ время отъ времени.

Великолѣпный Человѣкъ эта Италия: умѣетъ она работать и умѣетъ жить.

Неизмѣримо горе прекрасной страны, и нѣтъ въ сердцѣ словъ и красокъ, которыя могли бы исчерпать скорбь и гнѣвъ человѣка, пораженнаго злымъ ударомъ слѣпой, враждебной людямъ стихіи.

Но—надъ развалинами городовъ Сициліи и Калабріи вспыхнуло великое пламя единенія итальянскаго народа въ его скорби о погибшихъ братьяхъ; этотъ творческій огонь быстро спаялъ всѣ сердца страны въ одно сердце, и, окрыленное сознаниемъ единства,—съ какою силою и страстью ринулось оно на помощь страдальцамъ!

Землетрясеніє въ Калабріи и Сициліи.

Тяжело ранена Италія, но—жива ея душа, во дни національнаго горя она показала міру чудеса мужества, любви, и ярко горѣлъ въ эти дни факель благороднаго демократизма итальянцевъ!

М. Горькій.

Сарди.

25-го Января н/с.

М. ВИЛЬГЕЛЬМЪ МЕЙЕРЪ.

ВЪ РАЗРУШЕННОЙ МЕССИНЪ.

*М. Вильгельмъ Мейеръ.
Въ разрушенной Мессинъ.*

ДОКЛАДЪ ПЕРВЫЙ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Красивый, богатый городъ. Въ гавани рядъ украшенныхъ колоннами дворцовъ,—казалось, эти гордыя строенія будутъ стоять вѣчно. А по ту сторону къ стѣнамъ набережной тѣснились корабли со всѣхъ странъ свѣта, ожидая своей очереди, чтобы нагрузиться великолѣпными плодами, вырѣвающими подъ ласковымъ солнцемъ этой богато одаренной природою страны. 170000 счастливаго трудового люда бодро и радостно сновали по наряднымъ улицамъ города, справлялись со своей работой въ конторахъ, просторныхъ складахъ, вершили свои маленькія домашнія дѣла, отдыхали въ тѣсномъ семейномъ кругу. Кто не знаетъ многосторонней жизни густо населеннаго города, кому неизвѣстны эти тысячи нитей, свя-

зывающихъ всѣхъ его жителей въ одинъ стройный организмъ!

За время болѣе короткое, чѣмъ нужно секундной стрѣлкѣ нашихъ часовъ, чтобы объѣхать одинъ полный кругъ, весь этотъ удивительный организмъ былъ превращенъ въ груды беспорядочно наваленныхъ другъ на друга камней, балокъ, обломковъ всякаго рода; всѣ нити разорваны; 130000 людей убиты! Кто можетъ охватить весь ужасъ, объединившій все населеніе въ одномъ единственномъ дикомъ крикѣ отчаянія! Когда я на четвертый день послѣ катастрофы посѣтилъ мѣсто разрушенія, разрывающимъ сердце крикамъ и стонамъ еще не было конца.

Прежде чѣмъ я опишу мои собственныя впечатлѣнія изъ этой поѣздки въ царство смерти, я набросаю картину этихъ ужасныхъ мгновений, описаніе которой я самъ слышалъ изъ устъ одного изъ спасенныхъ. Мой очевидецъ—г. Анджелисъ, заслуженный офицеръ итальянской арміи въ отставкѣ.

Это было воскресенье между Рождествомъ и Новымъ годомъ. Погожій весенній день стоялъ надъ зелеными полями. Золотистые плоды блестяли въ зелени деревьевъ, въ этомъ году обильнѣе, чѣмъ когда-либо. Тысячи апельсиновыхъ деревьевъ, тяжело нагруженныхъ плодами, ждали

въ окрестностяхъ прекраснаго города освобожденія отъ своей сладкой, брызжущей соками, ноши. Вилла г. Анджелиса была расположена въ одномъ изъ самыхъ красивыхъ мѣсть сѣверной окрестности города, колоніи Контемпладине, у моря, на противъ маяка.

Въ воздухѣ не было замѣтно ничего, что могло бы предвѣщать несчастье. Но странное дѣло, въ семьѣ Анджелиса, уже пережившей Калабрійское землетрясеніе 1905 года, въ теченіе предыдущей недѣли разговоръ не разъ заходилъ объ опасностяхъ, быть можетъ, предстоящаго землетрясенія и притомъ по замѣчательному поводу. Какъ разъ около этого времени дѣтямъ читали какую-то книгу по естественной исторіи о крысахъ, которыя будто бы способны предчувствовать надвигающуюся опасность и заблаговременно оставлять опасное мѣсто. Домъ, лежащій при морѣ, никогда не бываетъ вполне свободенъ отъ этихъ гостей. Ихъ возню часто слышали за плетеной камышевой рогожкой, которая здѣсь часто подвѣшивается прямо къ балкамъ. И вотъ въ послѣднюю недѣлю стали замѣчать, что этотъ шумъ становился какъ будто все рѣже. „Но двѣ-то“, говорили шутя, „все-таки еще остаются“. Однако, какъ разъ наканунѣ катастрофы, наступила пол-

нѣйшая тишина. Если бы это наблюденіе сочли тогда за серьезное предзнаменованіе! Существа, оставшіяся въ болѣе близкомъ соприкосновеніи съ природой, чѣмъ мы, измѣнившіе ей люди, очевидно, предчувствуютъ заранѣе эту ужасную игру элементарныхъ силъ. Въ подтвержденіе этого я могу привести еще одинъ примѣръ.

Семья, послѣ мирно проведеннаго вечера воскресенья, улеглась спать. Но вотъ, около 5 часовъ ночи, немного позже, когда все было погружено въ глубокой сонъ, кошка, находившаяся въ комнатѣ горничной, подняла такой жалобный вой, что дѣвушка проснулась. Она услышала, какъ кошка, очевидно, въ величайшемъ ужасѣ, дѣлала необычные большіе прыжки и просилась вонъ.

Дѣвушка зажгла свѣтъ, чтобы посмотрѣть въ чемъ заключается причина столь страннаго поведения животнаго, но въ этотъ моментъ полъ подъ ея ногами съ необычайной силой былъ поднятъ вертикально, и тотчасъ же съ такою же внезапностью и страшнымъ толчкомъ низринулся обратно.

Всѣ были разбужены этимъ ударомъ. Но особеннаго вреда дому онъ, казалось, еще не нанесъ. Спальня дѣтей находилась рядомъ съ комнатою родителей. Мать немедленно кинулась къ дѣтямъ,

но дверь въ ихъ комнату оказалось невозможно открыть. Не будь дѣтей, къ которымъ старались проникнуть, вѣроятно, всѣ вышли-бынаружу и были быбиты обломками своего и сосѣднихъ рушившихся домовъ. Послѣ перваго вертикальнаго удара прошло, по мнѣнію г. Анджелиса, 45—50 секундъ; обитатели дома были въ смертельномъ страхѣ, какъ вдругъ при отвратительномъ подземномъ шумѣ и воѣ земля пришла въ ужасныя колебанія. Домъ, со всѣмъ въ немъ находившимся, встряхивало и двигало туда и сюда. Весь обращенный къ морю фасадъ этого двухэтажнаго дома обрушился, въ то время, какъ другія стѣны остались. Случилось чудо: потолки обѣихъ спаленъ, въ которыхъ семья находилась въ этотъ ужасный моментъ, обрушились только съ одной стороны; часть потолковъ осталась висѣть на промежуточной стѣнѣ и образовала, такимъ образомъ, кровъ, подъ защитой котораго теперь уже были спасены эти смертельно перепуганные люди.

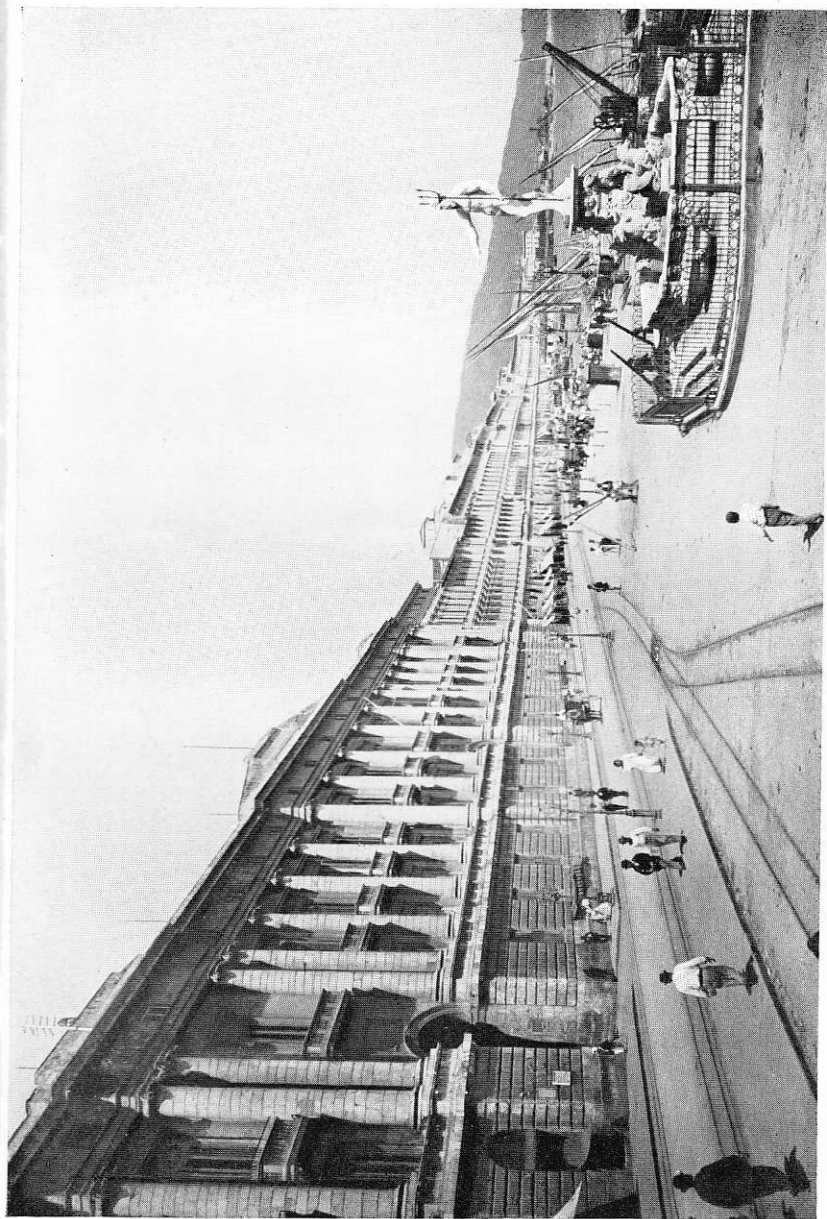
Ни послѣ, ни до этого, родители такъ и не могли попасть къ дѣтямъ, но послѣднія кричали имъ, что они невредимы. На одной изъ иллюстрацій изображенъ обрушившійся домъ г. Анджелиса (рис. 5,—между 32 33 стр.). Снимокъ сдѣланъ самимъ г. Анджелисомъ на другой день: онъ на-

шелъ свой фотографическій аппаратъ съ восемью совершенно свѣжими пластинками, неповрежденнымъ среди обломковъ.

Обрушившійся фасадъ открылъ свободный видъ на море. Въ моментъ второго удара или, навѣрно, лишь немного секундъ спустя, съ моря покати-лась на берегъ громадная волна и это еще болѣе увеличило шумъ, грохотъ и ужасъ этой ночи свѣто-представленія. Тотчасъ же, вслѣдъ за этимъ, море отступило по меньшей мѣрѣ на 50 метровъ назадъ и морское дно далеко обнажилось. Только черезъ $1\frac{1}{4}$ — $1\frac{1}{2}$ часа море возвратилось къ своему прежнему уровню. Напротивъ расположенъ Калабрійскій берегъ, обыкновенно обрамленный мерцающимъ сіяніемъ. Теперь онъ лежалъ во мракѣ. Казалось вмѣстѣ съ огнями погасла тамъ и всякая жизнь. Такова была первая мысль спасенныхъ, которые съ большимъ трудомъ выбрались изъ обломковъ черезъ отверстіе въ задней сторонѣ дома. Все имущество, всякое воспоминаніе о богатой жизни они должны были оставить позади.

Этотъ сильный подземный ударъ въ ночь на 28 Декабря встряхнулъ и наше тихое Капри, но такъ слабо, что лишь немногіе его обыватели были потревожены въ своемъ снѣ. Въ нашемъ домѣ

Мессина.—Улица Виктора Эммануила, фонтанъ Нептуна и Муниципалитетъ.
Съ фотографіи Броджи.

его никто не замѣтилъ. Но на утро мнѣ рассказали о немъ и мнѣ уже тутъ почудилось худое для такъ часто посѣщаемой землетрясеніями Калабріи. Вѣдь Капри это совершенно своеобразный „мостъ для землетрясеній“, черезъ который безъ всякаго результата переходятъ всѣ сотрясенія сосѣднихъ областей. Ни одного разу въ историческія времена здѣсь не было опустошительнаго землетрясенія. А такъ какъ этотъ толчекъ и здѣсь былъ относительно силенъ, то могли возникнуть самыя мрачныя опасенія за мѣсто, гдѣ онъ возникъ. Но въ теченіе всего этого дня и до половины слѣдующаго, мы не знали ничего о тѣхъ ужасахъ которые разразились въ сосѣдствѣ съ нами. Собственной газеты на нашемъ островѣ не имѣется. Миръ не имѣетъ никакого интереса освѣдомлять насъ о вещахъ, которыя насъ не касаются. Поэтому и слѣдующую ночь мы могли еще спать спокойно и не знали, что въ нѣсколькихъ стахъ километровъ отъ насъ цѣлая страна лежитъ опустошенная, покрытая сотнями тысячъ труповъ. Деша Берлинскаго „Local Anzeiger“, въ которой у меня просили свѣдѣній о катастрофѣ, была первымъ извѣстіемъ, которое мы здѣсь получили. Тогда же, правда, съ пароходомъ пришелъ и „Маттино“, неаполитанская газета, сообщавшая ужасы: Мес-

сина разрушена, изъ Реджіо никакихъ извѣстій, вѣроятно, тамъ все мертво.

Дальнѣйшій вопросъ состоялъ теперь въ томъ, какъ намъ туда попасть. На слѣдующій день, второй послѣ катастрофы, т. е. 30 декабря, переѣхали мы въ Неаполь. Меня сопровождали тѣ же спутники, съ которыми въ Апрѣлѣ 1906 года я спѣшилъ на Везувій, во время большого изверженія. Опустошенія, которыя надѣлалъ тогда огненный великанъ въ своемъ бѣшеномъ припадкѣ, казались намъ ужасными. Но какую дѣтскою игрою было въ дѣйствительности это проявленіе разгулявшихся подземныхъ силъ, по сравненію съ ужасами настоящаго землетрясенія, хотя они были дѣломъ нѣсколькихъ секундъ! Отъ огненныхъ потоковъ вулкана можно было бѣжать, отъ дождя раскаленнаго пепла—защититься. Но здѣсь ужасное свершилось прежде, чѣмъ мысль могла его охватить.

Когда мы пріѣхали въ Неаполь, весь городъ уже былъ во власти бѣдствія и глубокаго траура. Санитарныя повозки тащились по городу, наполненныя искалѣченными человѣческими тѣлами. Всѣ магазины закрыты; людей на улицахъ было много, но всѣ они стояли тихо, молча; волны жизни самаго шумнаго изъ городовъ, казалось, застыли. Только кучки молодыхъ людей въ цвѣт-

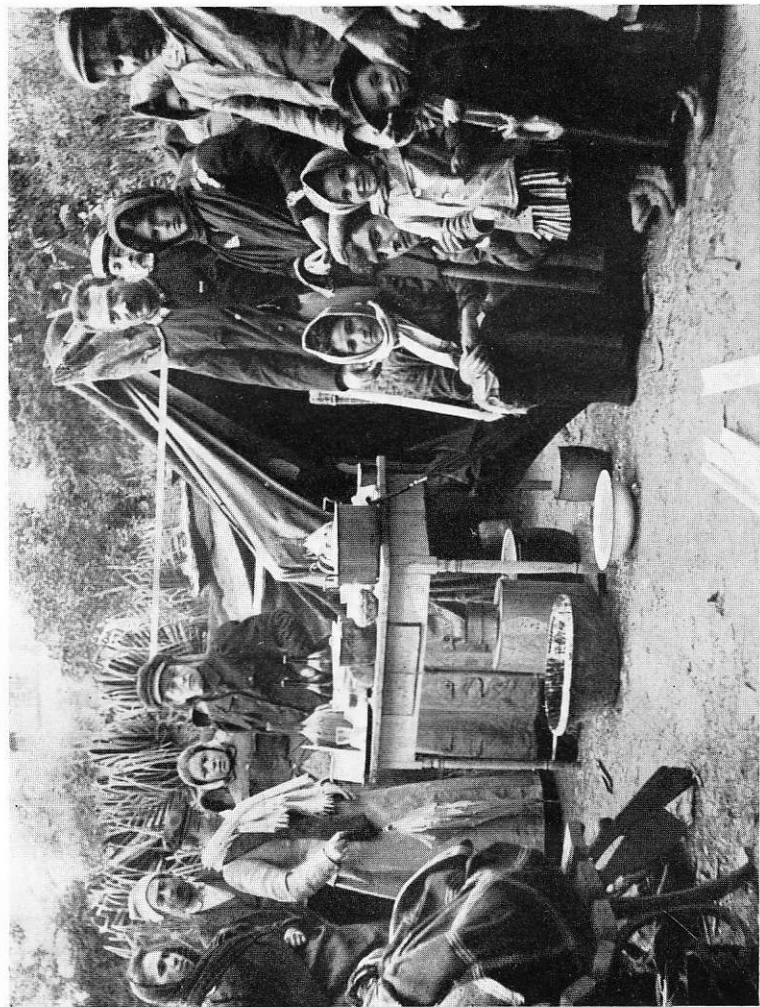
ныхъ шапкахъ протискивались черезъ толпу, то были студенты и приказчики со звенящими кошельками для сбора денегъ на несчастныхъ братьевъ. Домъ Городской Думы походилъ на пчелиный улей, куда стекалось все, откуда выѣзжали повозки, тяжело нагруженныя провіантомъ, перевязочными средствами и спасательными приспособленіями всякаго рода, чтобы доставить все это въ гавань.

Но какъ ѣхать дальше при этой всеобщей сумятицѣ и путаницѣ только-что начинающейся помощи? Желѣзнодорожное сообщеніе съ разрушенной Калабріей было прервано на протяженіи длинныхъ участковъ. Поѣзда не ходили. Всѣ суда были въ дорогѣ къ Сициліи съ войсками или возвращались съ ранеными назадъ. Ни въ Мессину, ни въ Палермо не было парохода. За деньги вообще нельзя было сдѣлать этого путешествія, а развѣ только по протекціи съ военнымъ транспортомъ. Но всѣ правительственныя мѣста, гдѣ можно было бы получить необходимыя указанія, были осаждены сотнями просителей. Намъ, можно сказать, еще повезло, такъ какъ мы на слѣдующій день, 31 декабря, могли сѣсть на пароходъ. Намъ приняло на бортъ одно изъ лучшихъ и самыхъ большихъ судовъ итальянскаго пароходнаго обще-

ства „Duca di Genova“, вмѣстѣ съ 3000 солдатъ и 500 офицеровъ и чиновниковъ.

Передъ отъѣздомъ мы могли еще бросить взглядъ на Везувій, который лежалъ въ совершенномъ спокойствіи, какъ и все время съ послѣдняго большого изверженія, теперь уже свыше полуторыхъ лѣтъ. Съ этимъ несчастіемъ онъ не имѣлъ ничего общаго. Онъ побушевалъ и затихъ, вѣроятно, на нѣсколько десятилѣтій. Новая жизнь расцвѣтаетъ на мѣстахъ, обращенныхъ имъ въ развалины.

Наступили сумерки, когда наше судно двинулось въ путь. Мѣсяць игралъ на легкихъ волнахъ, когда мы проходили мимо нашего тихаго Капри. Его огоньки мерцали намъ навстрѣчу, точно это были наши близкіе, которыхъ мы въ тревогѣ за насъ оставили дома. На суднѣ было тоже совершенно тихо. Нѣкоторые солдаты попробовали было затянуть пѣсню, но она скоро замолкла. Никому не хотѣлось подтягивать. Мы провели всю ночь въ креслахъ на верхней палубѣ. Такъ плыли мы въ день Новаго Года. Никто не подалъ другому руки съ новогоднимъ пожеланіемъ и это въ минуту, когда во всемъ остальномъ мірѣ звенѣли бокалы, наполненные пѣнящимся виномъ, и люди,

Мессина.—Спасшіся отъ землетрясенія.
Стъ фотографін де Анджеліса.

полные надеждъ, глядѣли въ будущее. Мы же шли навстрѣчу безграничному бѣдствію.

Около четырехъ часовъ мы проходили мимо Стромболи, вулкана, который поднимается прямо въ открытомъ морѣ, и который за всѣ историческія времена находится въ постоянной дѣятельности. Шестъ лѣтъ назадъ я былъ на его вершинѣ и наблюдалъ цѣлый рядъ его изверженій. Отверстіе вулкана находится на глубинѣ около 180 метровъ ниже вершины, и лава, выбрасываемая при отдѣльныхъ вспышкахъ изверженія, течетъ каждый разъ по одному и тому же желобу къ подножію крутого конуса. Когда, бывало, случалось плыть мимо него ночью, всегда можно было видѣть огненную змѣю, извивающуюся по горѣ. На этотъ разъ отъ нея не было и слѣда. Вулканъ былъ спокойнѣе, чѣмъ когда-либо. Очевидно, и онъ былъ совершенно неповиненъ въ ужасномъ событіи, хотя и поднимался изъ середины Тирренскаго моря, берега котораго подверглись такимъ страшнымъ сотрясеніямъ.

Около семи часовъ утра мы проходили мимо маяка, который стоитъ у входа въ Мессинскій проливъ на восточномъ выступѣ острова Сициліи. Башня маяка была на своемъ мѣстѣ, но безъ огня. Между этимъ выступомъ и городомъ встрѣчаются

другъ съ другомъ волны, стремящіяся однѣ съ юга, другія съ сѣвера пробиться черезъ узкій проливъ. Онѣ образуютъ при этомъ водоворотъ, знаменитую Харибду. На его беспокойныхъ, трепетныхъ волнахъ кружились всякаго рода обломки, какъ послѣ кораблекрушенія. Въ первый день носились по нимъ въ чудовищномъ хороводѣ сотни труповъ.

Мы приближались къ несчастному городу. Но стѣны гавани исчезли, мы не могли пристать и должны были бросить якорь далеко отъ берега. Начинавшійся разсвѣтъ снималъ съ города покрывало. Это былъ первый видъ, который давало наступавшее утро. Густыя облака дыма поднимались надъ городомъ, но зданія гавани, казалось, всѣ стояли на мѣстѣ. Вдоль всей набережной видѣли мы длинныя вереницы людей, и всѣ они несли большіе, бѣлые узлы, подвигаясь съ ними медленно впередъ, точно въ похоронномъ шествіи. Всѣ были безмолвны. Лишь двѣ-три барки подошли къ судну. Ихъ гребцы просили хлѣба. Солдаты бросали имъ остатки своего пайка. Всякій маленькій кусочекъ, попадавшій въ соленую воду, вылавливался и откладывался сохнуть.

Я не знаю, почему насъ не спускаютъ на берегъ. Былъ отданъ приказъ: никто не смѣетъ за

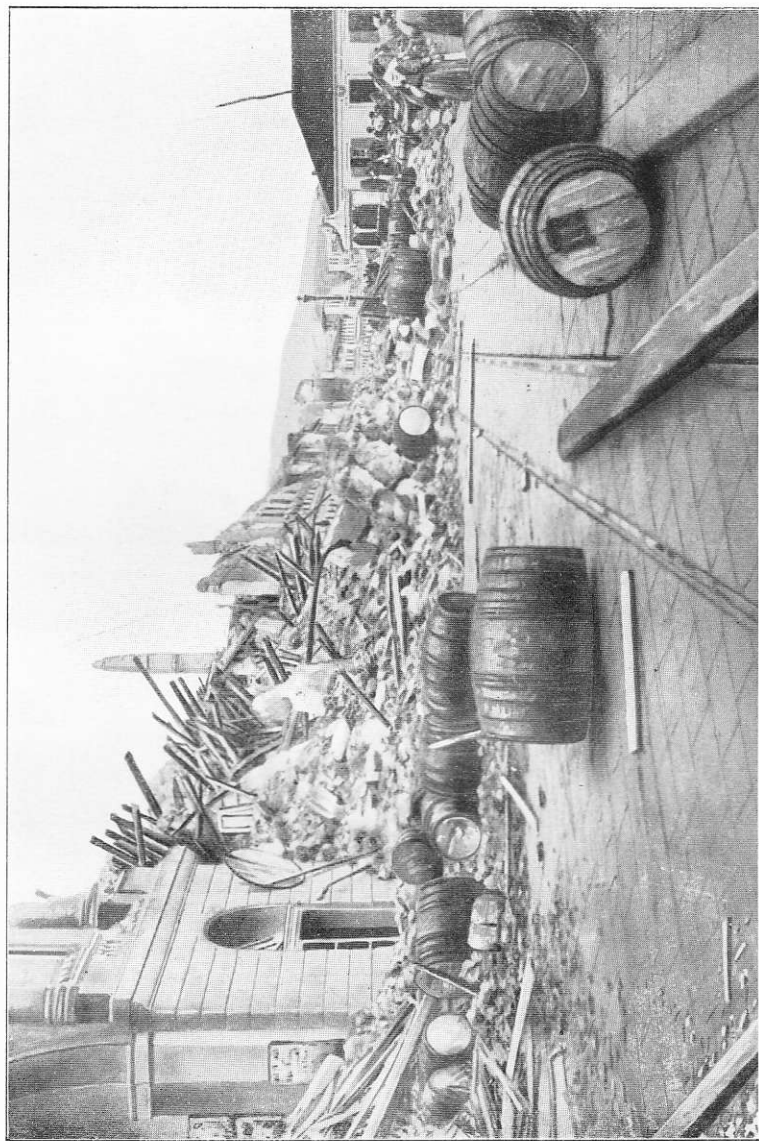

бортъ. Но развѣ эти люди не были посланы затѣмъ, чтобы какъ можно скорѣе приступить къ дѣлу спасенія? Подъ развалинами тысячи страдаютъ и взываютъ о помощи. На пароходѣ большое число спасательныхъ лодокъ. Почему же не велятъ какъ можно скорѣе спустить ихъ на воду? Уже впоследствии я узналъ, что прошло цѣлыхъ восемь часовъ, пока люди были спущены на берегъ.

Намъ, частнымъ людямъ, послѣ часоваго празднаго ожиданія, было, наконецъ, разрѣшено съѣхать на берегъ на одной изъ немногихъ подходившихъ къ пароходу барокъ. Мы пристали въ гавани около санитарнаго пункта, на которомъ извѣстный профессоръ Спинелли изъ Неаполя съ цѣлымъ штабомъ молодыхъ врачей уже дѣлалъ свое кровавое дѣло. Вносили и выносили раненыхъ; одни жалобно плакали, другіе кричали! Вотъ несутъ на носилкахъ мать съ ребенкомъ. Ихъ-только что вынули изъ-подъ развалинъ. Они были извлечены изъ своей могилы, въ которой пролежали четыре дня, невредимыми, но страшно ослабѣвшими. Врачъ подаетъ имъ сгущенное молоко, какъ первое подкрѣпленіе. Мать отдаетъ ребенку первую ложку и онъ судорожно сжимаетъ ее въ своей рукѣ. Воды, только воды, просить прежде всего мать. Въ эту минуту проходитъ мимо баркасъ съ „Герты“, нѣ-

мецкаго военнаго корабля. Намъ удается отвоевать нѣсколько бутылокъ воды. Послѣ мы дали освѣжиться этой водою еще не одному изъ заживо похороненныхъ подъ развалинами собственнаго дома.

Только-что я успѣлъ, конечно, не мѣшая работѣ врачей, сдѣлать снимокъ, ко мнѣ подходитъ человѣкъ: „раненыхъ и откопанныхъ кормятъ, за ними ухаживаютъ, имъ лучше, чѣмъ намъ, здоровымъ, которые голодаютъ и холодаютъ вотъ уже четыре дня. Мы потеряли нашихъ родителей, нашихъ дѣтей, нашу кровь, мы потеряли все наше добро, а вы, вы приходите сюда, чтобы дѣлать фотографическіе снимки“. Говорилъ это онъ безъ упрека, но съ отчаяніемъ. Онъ не просилъ милостыни, никто не хотѣлъ здѣсь денегъ, потерявшихъ свою цѣну, просили только хлѣба и воды. Онъ понялъ меня, когда я сказалъ ему, что я здѣсь затѣмъ, чтобы пробудить состраданіе болѣе широкое, болѣе общее, чѣмъ состраданіе отдѣльнаго человѣка. Хлѣба же у меня и у самого не было. Уже при этихъ первыхъ шагахъ на мѣстѣ бѣдствія должно было судорожно сжаться мое сердце отъ невозможности помочь, уже въ эти первыя минуты пришлось разъучиваться жалѣть, потому что слишкомъ много было несчастья.

16. Мессина.—Улица Виктора Эммануїла послѣ землетрясенія.

Сначала мы должны были ограничиться тѣмъ, что пошли вдоль гавани, по прежней улицѣ Виктора Эммануила съ ея гордыми дворцами, глядѣвшими на синѣющее море и Калабрійскій берегъ. Наружныя стѣны домовъ довольно хорошо выдержали ужасный ударъ, но внутри все обрушилось. Вы видите это на приложенномъ снимкѣ. (рис. 16). Бочки, наполненныя виномъ или южными фруктами, скатились черезъ набережную гавани въ море. Справа вы видите часть санитарнаго пункта, бывшаго первымъ ужаснымъ мѣстомъ, которое мы посѣтили въ Мессинѣ. Маленькое одноэтажное зданіе со своей плоской крышей выдержало ударъ. Эти раздавленные, какъ слабыя трубы, колонны еще четыре дня назадъ стояли прямо и смотрѣли внизъ на веселую дѣловую суету; сегодня мимо ихъ остатковъ проносятъ мертвыхъ и раненыхъ, и все воздвигнувшее ихъ богатство раздавлено въ черепки и осколки. Кто знаетъ, можетъ быть въ этой грудѣ мертвецовъ, которыхъ здѣсь нагружаютъ на барки, чтобы отвезти на отдаленное кладбище, находится и какой-нибудь изъ тѣхъ богатыхъ коммерсантовъ, которые обитали въ этихъ дворцахъ. О распознаваніи мертвыхъ нечего и думать, такъ какъ они большею частью не одѣты и обезображены. Бѣдный и богатый покоятся рядомъ

на немногихъ вытщенныхъ изъ-подъ развалинъ доскахъ, которыя служатъ имъ погребальнымъ ложемъ. Не обращая вниманія, какъ будто это были только узлы одежды, проходятъ мимо нихъ живые.

Вотъ группа людей, которые только какимъ-то чудомъ спаслись отъ ужасной судьбы. Они ждутъ, пока ихъ приметъ судно, чтобы отвезти сперва въ Неаполь, къ людямъ, которые могли бы дать имъ хотя бы только временное пристанище. Изъ Неаполя ихъ разсылали по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ только оказывался гостепріимный домъ; тамъ жили они, пока не открывалась возможность заработать кусокъ хлѣба и начать жизнь съизнова. Всѣ они стояли передъ полнымъ ничто. По странной случайности, въ этой группѣ, которую я въ Новый Годъ снялъ въ Мессинѣ, находились супруги, нашедшіе, прежде чѣмъ я еще успѣлъ возвратиться на Капри, пріютъ въ моемъ домѣ. Мужъ каменьщикъ и, судя по всему, былъ относительно зажиточнымъ. Въ моментъ несчастья они и не подумали о землетрясеніи; они думали, что рушится только ихъ домъ, такъ какъ онъ былъ уже довольно ветхій. Такъ какъ комната, гдѣ они спали, осталась цѣла, то съ ними самими ничего не случилось, сынъ же былъ придавленъ балкономъ.

Они слышали его хрипѣніе, но при полномъ мракѣ не могли его найти въ обломкахъ. Мужъ нашель потомъ свой молотъ и силой отчаянія удалось ему за два часа пробить отверстіе, черезъ которое они могли выбраться. Тутъ нашли они сына: прищемленный между двумя балками, онъ умеръ на ихъ глазахъ. Даже трупа его нельзя было вытащить изъ развалинъ.

Среди людей, блуждавшихъ въ гавани, даже теперь, на четвертый день послѣ ужасной ночи, видали мы многихъ, которые случайно находили своихъ близкихъ: братья находили сестеръ, родители—дѣтей. Они обнимались, цѣловались, плакали и рассказывали о своихъ потеряхъ:

„Я потерялъ четверыхъ дѣтей...“

„А я видѣлъ, какъ умирали трое моихъ дѣтей. Прежде чѣмъ меня, единственнаго, оставшагося въ живыхъ, вытащили наружу, два дня былъ я вмѣстѣ съ трупами въ могилѣ“.

Другіе, особенно женщины и молодья дѣвушки, съ выраженіемъ безумія смотрѣли въ пустоту; безвольныя, онѣ были уведены ихъ близкими. Всѣ они были въ лохмотьяхъ, какія удалось достать, гдѣ попало. Ужасное застало ихъ во снѣ. Всѣ они выбѣжали на улицу нагими... Въ среднемъ только одинъ изъ шести не былъ убитъ разрушающимися

домами. Большая часть спасенныхъ выбѣжали изъ домовъ только послѣ второго удара.

Безъ отдыха, какъ и всѣ другіе, блуждали мы по опустошеннымъ улицамъ. Гдѣ могли мы сами достать немного поѣсть, гдѣ найти пристанище съ наступленіемъ ночи? Приблизительно около полудня проходили мы мимо барака, построеннаго оставшимися въ живыхъ на свободной площади изъ досокъ, которыя быстро въ большомъ количествѣ были предоставлены въ ихъ распоряженіе. Тутъ царило уже живое, даже почти веселое движеніе. Вокругъ импровизированной полевой кухни толпятся большею частью женщины и дѣти. (рис. 17). Не одни маленькіе играютъ и смѣются, какъ будто съ ними ничего не случилось,—вѣдь большинство дѣтей дѣйствительно ничего не замѣтили, такъ какъ были разбужены не дикимъ воемъ и грохотомъ рушившихся надъ ними домовъ, а спѣшившими къ нимъ на помощь матерями... Нѣтъ, иной разъ и на устахъ молодой дѣвушки появится снова жизнерадостная улыбка. Благословенный Богомъ народъ эти южные итальянцы. Солнечный свѣтъ ихъ чудесной страны покидаетъ ихъ сердца только въ минуты высшаго отчаянія. И это солнце теперь уже снова улыбнулось надъ развалинами. И снова станетъ оно грѣть и кор-

17. Въ Мессинѣ. — Спасніеся отъ землетрясенія около барака.

мить ихъ, довольныхъ малымъ и веселыхъ. Жизнь вѣдь спасена, и есть еще сильныя руки мужей. Сицилійцы трудолюбивые люди и гордятся своею работою. А рукамъ своимъ можно найти приложеніе, особенно когда не хватаетъ сотенъ тысячъ, которыя должны быть замѣщены оставшимися въ живыхъ.

Въ этомъ баракѣ мы увидѣли два пустыхъ стула,—большая рѣдкость. Мы попросили позволенія сѣсть, пока они вновь не понадобятся владѣльцамъ. Самымъ предупредительнымъ образомъ женщины обтерли ихъ своими фартуками и пригласили насъ поѣсть съ ихъ блюда. Принесли чистыя ложки,—и мы оказались гостями бѣднѣйшихъ изъ бѣдныхъ, которые съ готовностью раздѣлили послѣднее съ чужими людьми. Въ это время подошелъ отрядъ солдатъ съ ящиками; они прокладывали себѣ дорогу въ тѣснѣвшейся во кругъ нихъ толпѣ ружьями съ прижатыми штыками и съ заряженными револьверами. Это былъ транспортъ съѣстныхъ припасовъ, которые предстояло раздать здѣсь. Въ эти первые дни все еще боялись слишкомъ дикаго натиска, и порядокъ долженъ былъ поддерживаться силой. Образовали кругъ. Прежде всего каждый ребенокъ получилъ по хлѣбу и банкѣ мясныхъ консервовъ. Радостно

бѣжали дѣти съ полученными припасами къ своимъ родителямъ. Скоро всѣ были одѣлены. Только намъ было отказано въ пайкѣ. Но должны же мы были чего-нибудь поѣсть. Развѣ не все равно, были мы бѣдны или нѣтъ? За деньги вѣдь ничего нельзя было достать. Наши хозяева подослали ребенка, который долженъ былъ выпросить для насъ хлѣбъ.

Такъ провели мы первый полдень на развалинахъ Мессины, среди этихъ милыхъ людей, при всемъ несчастии сохранившихъ сердце для своего ближняго.

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Послѣ того, какъ мы нѣсколько подкрѣпились, мы продолжали наши скитанья и углубились теперь внутрь города. Что это было за опустошеніе! Вотъ здѣсь, гдѣ теперь лежитъ куча обломковъ съ добрый домъ вышиною, раньше шла улица. Тамъ внизу опять мертвые. Они лежатъ кругомъ на нашемъ пути. Когда мы взбираемся по обломкамъ, надо смотрѣть, какъ бы не наступить на трупъ.

Этотъ снимокъ (помѣщенный между 168 и 169 стр.) сдѣланъ съ трупа молодой, повидимому важной дамы, прекрасной даже въ смерти. При жизни ее окружало богатство, это можно видѣть по ея запачканному грязью, но тонкому бѣлью. Кто бы могла она быть? Скорѣе всего иностранка. Типъ похожъ на саксонскій. Возможно, что она, подобно многимъ другимъ, пріѣхала

сюда въ самый день несчастья, чтобы посмотрѣть прекрасную Сицилію, полюбоваться ея великолѣпными садами. Спокойное положеніе тѣла указываетъ, что она, какъ это было и со многими другими убитыми, была застигнута смертью во снѣ. Рядомъ съ нею трупъ пожилого человѣка. Можетъ быть, то былъ ея отецъ, сопровождавшій ее въ этой поѣздкѣ по Италіи.

Особенно много лежитъ повсюду собакъ и кошекъ. Ихъ убиваютъ или пристрѣливаютъ, гдѣ застаютъ еще живыми, такъ какъ они принялись за отвратительное пожираніе труповъ. А сколько мертвыхъ лежатъ еще подъ этими развалинами, черезъ которыя мы пробираемся, все время прислушиваясь, не услышимъ ли стоновъ живого.

Весь городъ разрушенъ совершенно.

Вотъ опять развалины гордаго дворца.

Немного далѣе стояла церковъ. Кусокъ картины въ алтарѣ остался еще висѣть на стѣнѣ.

На заднемъ планѣ поднимается столбъ дыма. Въ развалинахъ и подъ ними горитъ... Часто, перелѣзая черезъ тлѣющія доски и балки при отысканіи правильной дороги, подвергаешься опасности провалиться вмѣстѣ съ ними внизъ. Ходьба по этимъ улицамъ, гдѣ еще пять дней назадъ можно было любоваться разукрашенными

Мессина. — Жервы землетрясенія.
Съ фотографіи Бродки.

дамами въ великолѣпныхъ коляскахъ, по трудности равнялась теперь иной альпійской прогулкѣ.

Вотъ отрядъ итальянскихъ солдатъ, занятый разборкой развалинъ (рис. 19.). Необходимо было освободить проѣздъ по улицѣ, такъ какъ здѣсь должны были проносить раненыхъ. Съ чего начать? Ужъ болѣе десяти тысячъ ихъ работало на развалинахъ. Десять тысячъ раненыхъ были уже откопаны. Но сколько ихъ ожидало еще въ смертельномъ ужасѣ своихъ спасителей? На двѣнадцатый день все еще выносили живыхъ изъ нижнихъ этажей, надъ которыми были нагромождены горы мусора и камней.

Вотъ здѣсь домъ, относительно еще мало разрушенный. Часть обвалившагося фасада даетъ возможность видѣть внутренность комнатъ. Вы видите мебель на своихъ мѣстахъ, и люстры висятъ съ потолка совершенно неповрежденныя. Въ другомъ мѣстѣ я видѣлъ даже керосиновую лампу со стекломъ и абажуромъ, стоящую на своемъ мѣстѣ на письменномъ столѣ. Двери же и окна забаррикадированы мусоромъ. Выхода не было. Оставалось ждать, пока придетъ помощь снаружи. Какіе ужасные часы и дни были здѣсь пережиты!

Но были и геройскіе подвиги любви къ ближнему, самопожертвованіе среди заживо погребенныхъ. До полного истощенія собственныхъ силъ пыта-

лись иные облегчить участь товарищей по несчастью. Вотъ мужъ и жена, освобожденные изъ развалинъ только на шестой день (рис. 20). У женщины былъ грудной ребенокъ. Онъ умеръ у нихъ на рукахъ и уже не нуждался въ пищѣ отъ матери; она дала ее своему мужу. Однако, онъ былъ близокъ къ смерти, когда подоспѣло спасенье. Забота о жизни мужа поддерживала женщину. Вообще, здѣсь вновь было сдѣлано наблюдение, что при самыхъ страшныхъ лишеніяхъ женщины способны переносить больше физическихъ страданій, нежели мужчины. Эта женщина собственноручно влила своему мужу первый глотокъ воды. Какъ видите, она уже сидитъ на своихъ носилкахъ.

Вотъ край стѣны. Домъ, къ которому она принадлежала, разрушенъ совершенно. Осталась только стѣна вмѣстѣ съ сосѣднимъ домомъ, и вотъ всё эти горшки, чашки, чайный сервизъ, тонкіе стаканы и другіе хрупкіе и бьющіеся предметы остались въ полномъ порядкѣ на своихъ мѣстахъ. Объяснить такіе факты трудно, такъ какъ второй, разрушительный ударъ долженъ былъ не только встряхнуть предметы въ одномъ направленіи, но дать всему вихреобразный толчекъ во всѣхъ направленіяхъ.

А вотъ картина, которая представляется на пер-

19. Въ Мессинѣ.—Солдаты за работой.

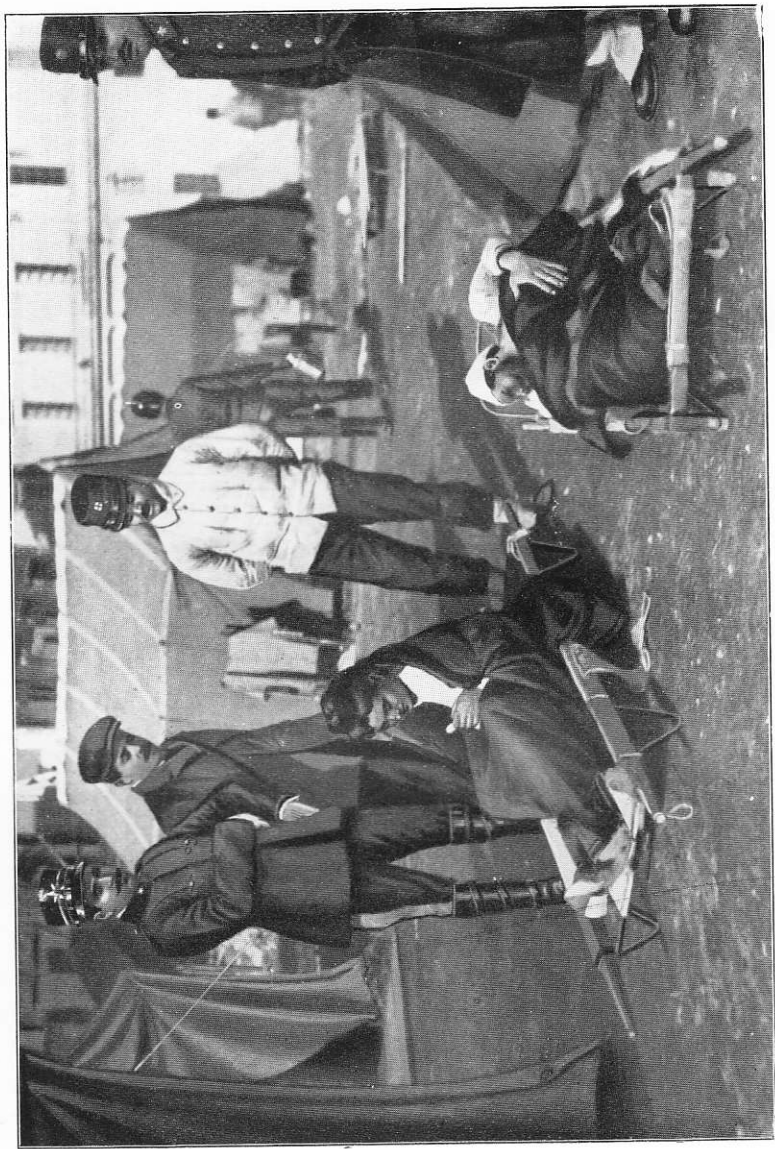
вый взглядъ утѣшительной. Роскошная пальма и благородная пихта раскинули свои зеленыя вѣтви подъ голубымъ небомъ. Мы находимся на соборной площади. Позади вѣтвей поднимается густой столбъ дыма, а эти остатки, которые виднѣются за оголенными деревьями,—развалина знаменитаго собора, заключавшаго въ себѣ драгоценныя произведенія искусства. Почти всѣ они, лежатъ разрушенныя, въ недоступной внутренней части собора.

Вообще, пальмы и другія деревья ничуть не пострадали отъ катастрофы. Природа лучше позаботилась о тѣхъ твореніяхъ, которыя довѣрились ея непосредственной защитѣ. Самая сильная буря или землетрясеніе не такъ-то легко могутъ вырвать и повалить даже самыя высокія деревья. Въ Мессинѣ я не видѣлъ ни одного дерева или куста, которые были бы повалены землетрясеніемъ, если только они не были сломаны повалившимися постройками. Я не видѣлъ даже дерева, которое было бы выведено изъ своего вертикальнаго положенія. Въ эти ужасные дни природа настойчиво проповѣдуетъ возвратъ къ болѣе простымъ, болѣе естественнымъ условіямъ жизни.

Необходимо отмѣтить, что болѣе старыя, не столь высокія дома, сохранились куда лучше, чѣмъ ихъ современные сосѣди. Дѣло въ томъ, что при ихъ

постройкѣ меньше заботились о роскоши фасадовъ и не совсѣмъ еще забыли о тѣхъ правилахъ, которыя были указаны народу тогдашнимъ правительствомъ Бурбоновъ, послѣ большой катастрофы, обратившей, 125 лѣтъ назадъ, въ развалины почти всю Мессину.

На снимкѣ вы видите улицу Гарибальди, которая тянется параллельно улицѣ Виктора Эммануила, непосредственно позади нея. Вы не сразу сказали бы, что здѣсь хозяйничало столь ужасное землетрясеніе. Всѣ дома стоятъ на мѣстахъ. Правда, внутри ихъ почти все обрушилось. Ни одинъ изъ нихъ не остался жилымъ. Второй домъ—это „Итальянскій Банкъ“. Когда я дѣлалъ этотъ снимокъ, подъ развалинами еще лежали 46 милліоновъ. Хранилища цѣнностей остались невредимы. Но чтобы открыть ихъ желѣзныя двери, необходимы три ключа. Два изъ нихъ можно было найти, третій же былъ у главнаго директора банка, а онъ оказался среди убитыхъ. На слѣдующій день приступили къ опасной работѣ, ко взрывамъ въ полуразрушенномъ помѣщеніи. Цѣнности удалось спасти. До окончанія работы цѣлый отрядъ солдатъ былъ поставленъ охранять это мѣсто съ приказаніемъ стрѣлять во всякаго, кто не остановится по первому оклику. Можно было опасаться, что

20. Вь Мессинѣ. — Мужъ и жена, освобожденные изъ-подъ развалинь на шестой день
послѣ землетрясенія.

организованныя разбойничьи банды попытаются сдѣлать нападеніе на Банкъ.

Вотъ зданіе гражданской больницы. Ея фасадъ частью также устоялъ. На оконномъ переплетѣ одного изъ верхнихъ этажей висѣла цѣпь изъ связанныхъ узлами простынь; по этой веревочной лѣстницѣ спасся кто могъ. Но всѣ тѣ больные, которые, лежа въ постели, ожидали выздоровленія, что случилось съ ними? Передъ разрушеннымъ домомъ, въ который невозможно было проникнуть, стоялъ старикъ и горько плакалъ. Онъ былъ одѣтъ нѣсколько лучше, чѣмъ спасенные, какъ ихъ привыкли здѣсь видѣть. Постоянно всхлипывая, онъ разсказалъ намъ, что живетъ дальше, въ деревнѣ. Всего какихъ-нибудь восемь дней назадъ привезъ онъ сюда больного сына, который не могъ выздороветь дома, и вотъ... Можетъ быть, онъ еще живъ подъ развалинами? Старикъ наклонилъ свое ухо къ кучѣ мусора и прислушивался, затаивъ дыханіе. Только бы пришли солдаты! Мы старались его утѣшить. Что можно было сдѣлать иного? Его сынъ могъ оказаться среди тѣхъ, которые спустились по простынямъ. А что его нѣтъ, такъ развѣ легко найти другъ друга въ этомъ хаосѣ? Можетъ быть, онъ найдетъ своего сына невредимымъ дома. Мы видѣли

ясно, какъ проблескъ надежды засвѣтился въ его измученной душѣ. Старикъ съ благодарностью протянулъ намъ свою дрожащую руку. Но онъ не хотѣлъ оставить этого мѣста. Скоро должны были придти солдаты.

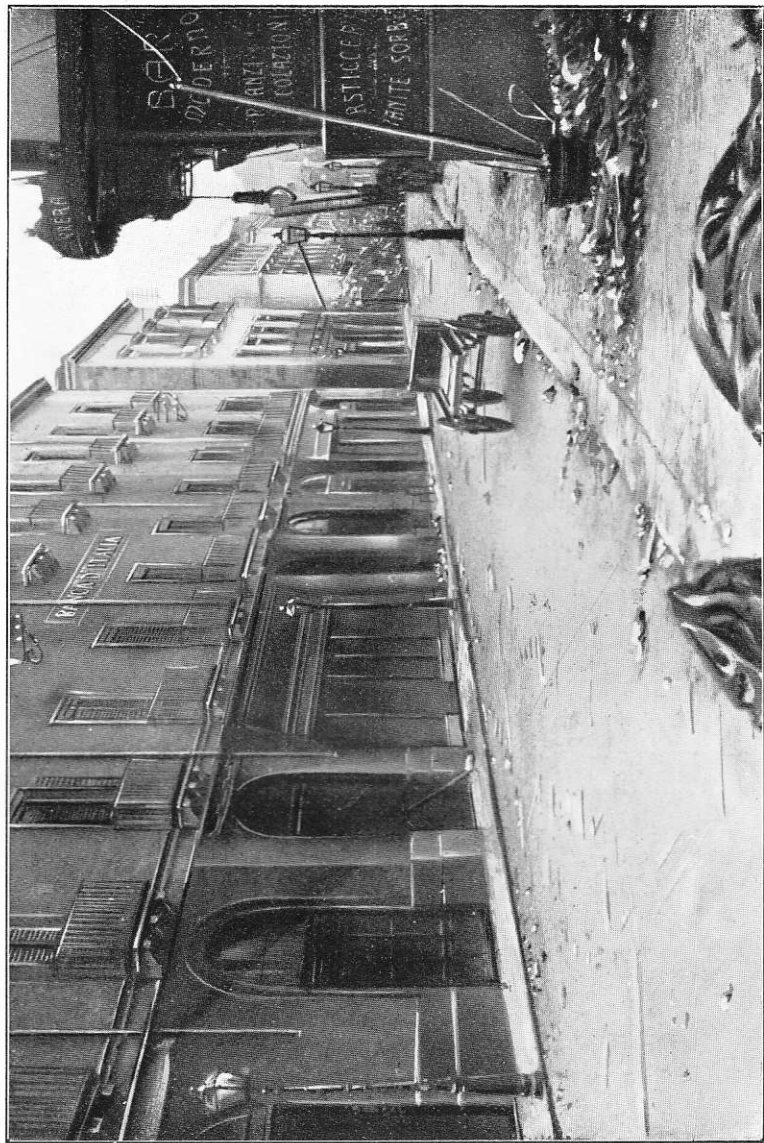
Передъ нами—развалины. Около кучи обломковъ торопливо работали солдаты. Очевидно, дѣло шло о спасеніи еще живыхъ. Молодая дѣвушка стояла посреди солдатъ, осторожно копавшихъ и рубившихъ подъ командою офицера, и указывала то туда, то сюда. Она громко кричала внизъ и оттуда доносился жалобный отвѣтъ. Ея дядя и тетка были погребены подъ обломками.

— „Потерпите, еще немного“, крикнулъ имъ руководившій работою офицеръ: „Мы здѣсь, мы сейчасъ до васъ дойдемъ! Видите ли вы уже проблески свѣта?..“

— „Тише вы тутъ, дайте услышать ихъ отвѣтъ“...

— „Нѣтъ, это не тамъ. Попробуемъ тамъ! Только осторожнѣе, какъ бы ихъ не убило сорвавшимся камнемъ!“

И пока мы, сдерживая дыханіе, каждую минуту надѣялись увидѣть, какъ заживо погребенные выйдутъ на бѣлый свѣтъ, внизу мимо насъ двигалось шествіе съ другими, только-что вынутыми изъ могилъ. Вотъ женщина на носилкахъ; ноги, руки и

21. Въ Мессинѣ послѣ землетрясенія. — Улица Гарибальди со зданіемъ «Итальянскаго Банка».

голова въ лубкахъ и повязкахъ, но на ея груди сидѣлъ ребенокъ, и она заботливо его поддерживала, такъ какъ путь былъ неровный, черезъ обломки, мусоръ и трупы.

Вотъ старая чета съ тяжелыми узлами на головѣ ползеть черезъ обломки. Старая женщина со стономъ опускается на землю: „Я не могу больше! Я умру здѣсь на мѣстѣ“. Она молитъ, чтобы кто-нибудь взялъ и понесъ ея имущество. Она хочетъ въ гавань. Тамъ много судовъ, итальянскихъ, нѣмецкихъ, русскихъ, англійскихъ, и они принимаютъ всѣхъ несчастныхъ. Но дороги завалены. Только сильные и здоровые могутъ пройти. У солдатъ довольно другого дѣла, имъ некогда спасать несчастный скарбъ старой женщины. Она собирается съ силами и съ пыхтѣніемъ тащится дальше.

Вотъ солдатъ несетъ на плечахъ окровавленнаго ребенка. Ребенокъ плачетъ и зоветъ мать.

Помѣшанная молодая женщина, сломя голову, несется по обломкамъ:

„Свѣтопреставленіе! Гдѣ же небо! Марія, куда ты дѣвала моихъ дѣтей?“ Ее приходится взять.

Здѣсь тащится солдатъ, поддерживаемый двумя товарищами: „Я умираю“, стонетъ онъ. На него только-что обрушилась стѣна при спасательныхъ работахъ,—онъ жертва собственной удачи.

Приближается вечеръ. Въ тѣхъ развалинахъ, гдѣ еще предполагають живыхъ, работаютъ съ факелами. Какая ужасная картина! Несчастные, освобожденія которыхъ мы ждали два часа, все еще не найдены. Крики изъ глубины дѣлались все слабѣе. Когда мы на другой день шли этой дорогой, мы могли черезъ отверстіе заглянуть внутрь помещенія. Тамъ на кровати лежали мертвые мужъ и жена. Все оказалось напрасно. Какъ мучительны были для нихъ эти послѣдніе часы, когда они, борясь со смертью, слышали приближающееся сверху спасенье!

Наступавшая ночь заставила насъ подумать о пристанищѣ. Въ гавани все же былъ хоть нѣкоторый порядокъ и безопасность. Мы собирались устроиться на ночь на одной изъ товарныхъ телегъ или платформъ; многія изъ нихъ скатились въ море, другія валялись опрокинутыми. Намъ казалось, что здѣсь, подъ открытымъ небомъ и по близости моря, всего безопаснѣе. Не пошлетъ же море во второй разъ на берегъ губительную волну. Въ этотъ моментъ подходитъ къ намъ нашъ третій компаньонъ, который отправился было, за свой страхъ, искать для себя ночлега, съ извѣстіемъ, наполнившимъ насъ изумленіемъ и сомнѣніемъ. Онъ нашелъ роскошный ночлегъ для всѣхъ насъ

22. Въ Мессинѣ. — Санитарный отрядъ г. Палермо.

въ таможеннѣ или, вѣрнѣе, въ связанной съ нею казармѣ. Подвальный этажъ остался, по его словамъ, совершенно неповрежденнымъ. Таможенные солдаты крайне любезны. Въ домѣ, спрашивали мы себя, верхній этажъ котораго уже обрушился и своей тяжестью лежалъ на нижнемъ? А вдругъ начнется снова? Но вѣдь посмотрѣть-то можно? Мы входимъ въ помещеніе съ тяжелымъ, массивнымъ сводомъ, что-то вродѣ погреба, внушающаго въ данномъ случаѣ особое довѣріе. Стѣны въ метръ толщиною. Черезъ загороженные рѣшетками окна лишь тускло проглядывалъ дневной свѣтъ. Все, кромѣ развѣ известки, обвалившейся съ потолка, осталось нетронутымъ. Мы рѣшили остаться.

Таможенные солдаты—великолѣпные хозяева. По большей части это были Калабрійцы; они знали, что по ту сторону пролива они потеряли, можетъ быть, всѣхъ своихъ близкихъ.

Наши хозяева приготовили намъ вкусный ужинъ: гороховый супъ, къ которому, правда, не доставало ложекъ, (обошлись при посредствѣ визитныхъ карточекъ, надлежащимъ образомъ согнутыхъ и сложенныхъ), потомъ мясные консервы, хлѣбъ, который остался у насъ отъ порціи, выпрошенной въ полдень, шоколадъ, купленный

нами въ Неаполѣ, апельсины, украденныя изъ готовыхъ къ погрузкѣ ящиковъ въ гавани, и старое прекрасное вино, которое таможенники достали изъ своего погреба.

А теперь спать! Принесены матрацы. Не носили ли на нихъ мертвыхъ? Ничего! Мы разстилаемъ на нихъ наши собственныя одѣяла. Пока солдаты возятся съ приготовленіями, раздается громъ, какъ при отдаленномъ выстрѣлѣ изъ крепостного орудія, но *подъ* нашими ногами. „Это Стромболи“, говорятъ солдаты: „за послѣднее время это часто бывало“... Мнѣ дѣло лучше извѣстно. Это давали себя знать ужасныя силы, скрытыя *подъ* моремъ и натворившія столько бѣдъ.

Когда мы улеглись, около половины двѣнадцатаго, снова раздался *подъ* нами грохотъ, какъ будто проѣхала гдѣ-то въ глубинѣ тяжело нагруженная повозка. Полъ дрожить. Съ потолка отваливается еще нѣсколько кусковъ штукатурки, державшейся тамъ со времени перваго удара. Мы обмѣнялись восклицаніями, но случай ни на кого изъ насъ не произвелъ особаго впечатлѣнія. Нервы были уже слишкомъ притуплены. Мы повернулись на другой бокъ и заснули. Да и что можно было *подѣлать*? Такого несчастья, какое было, больше не можетъ быть, говорили мы себѣ; къ тому же

сейчасъ надъ нами были самыя прочныя своды во всемъ городѣ, съ успѣхомъ выдержавшіе ужасныя вихреобразныя колебанія.

Всю ночь грохотало подъ нами. Битва въ глубинѣ все еще продолжалась.

Такъ окончился для насъ первый день Новаго Года.

М. Вильгельмъ Мейеръ.
Въ разрушенной Мессинѣ.

ДОКЛАДЪ ВТОРОЙ.

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

Нашъ второй день въ Мессинѣ начался почти весело. Хотя на ночь я и не рѣшился раздѣться, чтобы быть готовымъ ко всякимъ случайностямъ, но утромъ намъ удалось немного умыться на дворѣ гостепріимной казармы, посреди нашихъ бравыхъ солдатъ. Нѣкоторые изъ нихъ раннимъ утромъ отправились на охоту и застрѣлили нѣсколько ручныхъ кроликовъ, бѣгавшихъ безъ хозяевъ въ развалинахъ. Охота эта обѣщала прекрасный обѣдъ. Въ одной изъ передвижъ залъ трещалъ большой костеръ изъ дерева, котораго на улицахъ были цѣлыя горы, а надъ костромъ въ котлѣ уже закипала вода. Рядомъ съ казармой, на площади Кавалотти, расположился бивуакомъ лазаретъ г. Палермо (рис. 22). Я представился его начальнику и намъ принесли въ большую палатку

по вкусной чашкѣ теплаго какао. Оно пришлось бы намъ еще болѣе по вкусу, если бы мы не были вынуждены пить его среди работы врачей, при постоянныхъ крикахъ и столахъ раненыхъ. Раненый, котораго какъ разъ въ этотъ моментъ перевязывали, уроженецъ Мессины, уже нѣсколько лѣтъ жилъ въ Лейпцигѣ по торговымъ дѣламъ и пріѣхалъ сюда на Рождество навѣстить семью. Тутъ настигла его судьба. Его пораненія были не особенно тяжелы, но лицо представляло сплошной кровоподтекъ. Кромѣ самаго младшаго ребенка, вся семья была спасена. Ребенка ему удалось уже мертвымъ вытащить изъ развалинъ и теперь онъ хотѣлъ похоронить его, до своего возвращенія въ Лейпцигъ.

Вотъ домъ, у котораго справа оторванъ весь фасадъ, такъ что можно видѣть всѣ комнаты и мебель, еще стоящую въ нихъ. Можно ясно различить, гдѣ была гостиная, гдѣ спальня, гдѣ ванная комната. Въ то время какъ передняя лицевая стѣна была обрушена ужаснымъ ударомъ, боковыя стѣны, за исключеніемъ угловой, остались невредимы. Главный ударъ послѣдовалъ, повидимому, въ направленіи поперечныхъ стѣнъ...

Мы пошли еще разъ вдоль набережной, чтобы подробнѣе разсмотрѣть слѣды землетрясенія.

23. Мессина. — Трещины мостовой, произведенныя землетрясеніемъ.

Интересна была развороченная уличная мостовая. Землетрясеніе образовало на ней широкую трещину (рис. 23); мостовая оторвана по направленію къ морю. Разсѣлина тянется далеко вдоль набережной.

Вотъ ея дальнѣйшій путь по направленію къ желѣзнодорожной станціи. Мы видимъ, какъ сильно опустилась облицовка набережной по отношенію къ морю. Участокъ почвы отдѣлился и сползъ внизъ болѣе чѣмъ на два метра. Эти желѣзнодорожные рельсы лежали передъ землетрясеніемъ на два метра выше. Теперь они оканчиваются въ морѣ.

На рис. 24 можно видѣть настоящія застывшія волны землетрясенія. Камни мостовой на значительномъ протяженіи выворочены волнообразно. Можно даже измѣрить длину волнъ; она повсюду одинакова. Волны, разсѣлина, обваль, все это тянется въ направленіи берега.

Чтобы убѣдиться, какъ громадна сила, съ какою была разорвана почва, обратите вниманіе на рис. 25. Вы видите толстыя глыбы камня, которыя лежатъ другъ на другѣ тремя уступами и образуютъ облицовку гавани. Видите, что онѣ разорваны пополамъ и не тамъ, гдѣ находились швы, а тамъ, гдѣ землетрясеніе заставило почву податься по

направленію къ морю. Вообразите теперь эту гигантскую силу, которая въ какую-нибудь секунду разрываетъ по срединѣ такія глыбы камня.

На рис. 26 изображено еще одно замѣчательное и поучительное преобразование почвы, произведенное землетрясеніемъ. Передъ вами—площадь Муниципалитета. Виденъ красивый фасадъ биржи. Пальмы на площади зеленѣютъ, какъ ни въ чемъ не бывало, и стоятъ прямо, какъ и всегда, не смотря на сотрясенія почвы, въ которой укрѣпились ихъ корни. И тутъ же справа фонарный столбъ вмѣстѣ съ мостовою, примѣрно на тридцать градусовъ, сдвинуть изъ вертикальнаго положенія. Камни мостовой выворочены крышеобразно и приподняты вверхъ изъ земли, послѣ того какъ они, очевидно, были нажаты другъ на друга. Здѣсь возникла настоящая складка, такая, какія въ большемъ масштабѣ наблюдаютъ въ горахъ; при землетрясеніи образовалась небольшая, всего въ нѣсколько дециметровъ вышиною, горная цѣпь, хребетъ которой тянется къ морю съ востока на западъ.

Подъ вечеръ второго дня въ нашу таможенную казарму пришелъ новый отрядъ. Новый начальникъ, командированный изъ Рима, сдѣлалъ недовѣрчивую гримасу и попросилъ, чтобы ему

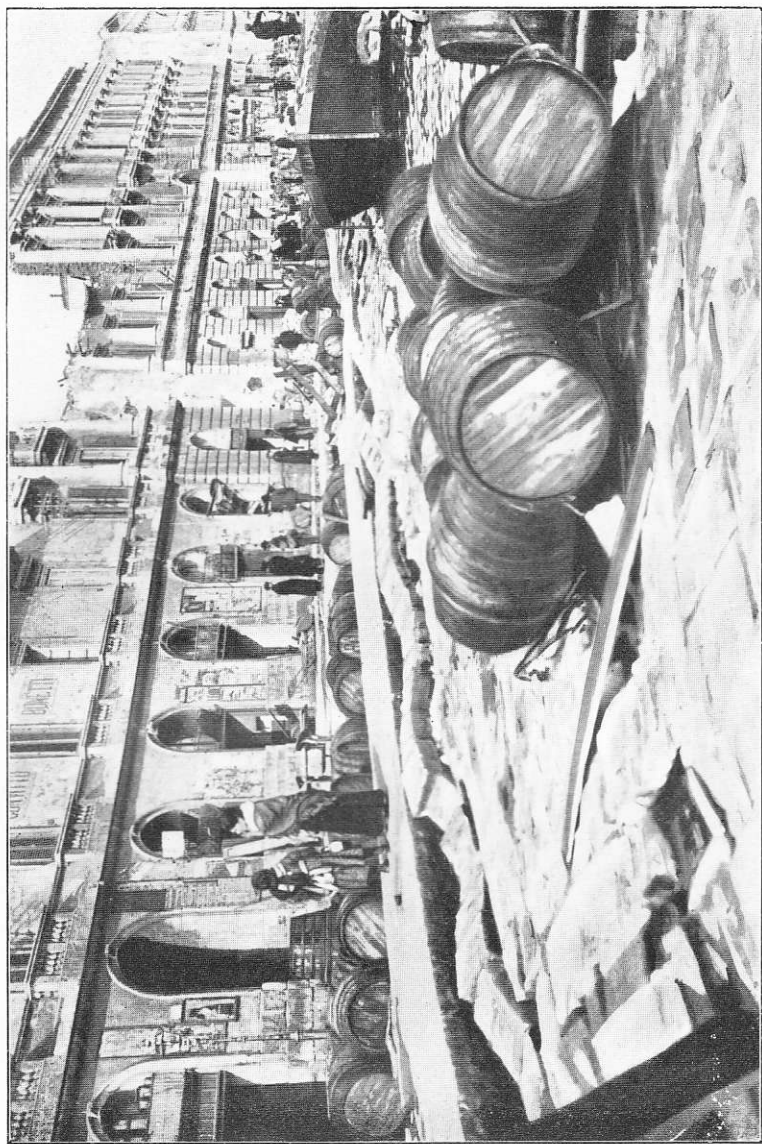
приготовили постель не такъ близко къ тяжелому устою, а посрединѣ зала: Мы скоро подружились и при свѣтѣ факеловъ сдѣлали „прогулку“ по развалинамъ, гдѣ онѣ были не слишкомъ непроходимы. Все еще горѣвшій Муниципалитетъ былъ освѣщенъ со стороны моря большимъ ацетиленовымъ факеломъ. Въ это время быстрымъ увѣреннымъ шагомъ, но молча, приблизилась группа матросовъ въ сѣрыхъ холщевыхъ кителяхъ; они несли двой носилки. Это были русскіе, пришедшіе съ военнымъ судномъ. Яркій свѣтъ освѣщаетъ тѣла на носилкахъ: они живы. Возгласъ одобренія раздается въ награду храбрымъ, неутомимымъ. Здѣсь полны похвалою этимъ русскимъ, которые не теряя словъ, даже между собою, быстро, осторожно, съ истиннымъ презрѣніемъ къ смерти принимаются за спасательную работу. Глубокою ночью колонна русскихъ нашла еще одного живого, но такъ какъ онъ былъ зацементированъ, его нельзя было освободить до наступленія дня. Одинъ изъ матросовъ вползъ въ дыру и остался тамъ, при несчастномъ, со свѣчею всю ночь, до наступленія утра, когда подоспѣла помощь.

Мы брели вдоль разрушенныхъ дворцовъ морского вѣдомства по направленію къ „нашему дому“, гдѣ опять собирались лечь спать. Было 2-е ян-

варя, безъ четверти десять. И вотъ, когда мы стояли въ воротахъ, гдѣ люди еще работали при свѣтѣ, почва внезапно такъ качнулась подъ нами, что меня невольно толкнуло по направленію къ морю. Всѣ мы побѣжали такъ быстро, какъ только могли, не спуская глазъ со стѣнъ, которыя все еще громоздились надъ нами на высоту трехъ этажей.

По счастью, сверху не валилось камней, но въ тотъ же моментъ мы услышали, какъ гдѣ-то совсѣмъ близко только-что обвалились стѣны. Часовые въ большомъ возбужденіи указывали на трещины, шириною около трехъ сантиметровъ, которыя только что раскрылись подъ ихъ ногами. Это былъ наиболѣе сильный ударъ послѣ того, который разрушилъ Мессину, и самый сильный, какой мы сами пережили. Онъ отнял у насъ охоту провести эту вторую ночь подъ „защитой“ стѣнъ нашей казармы. Мы отыскивали нашихъ друзей изъ Палермо и попросили у нихъ ночлега въ одной изъ ихъ палатокъ.

Тутъ мы услышали ужасный крикъ какой-то женщины. Она каталась по полу и судорожно билась. Потомъ затихала, а черезъ нѣкоторое время опять впадала въ судороги. Окружающіе не очень много заботились о ней. Какой-то пожилой

24. Мессина. — Волнообразно поднятая мостовая набережной.

25. Мессина. — Облицовка набережной, разорванная землетрясениемъ.

человѣкъ сказалъ намъ, что эта дѣвушка его служанка. Она успѣла спастись съ нимъ и со всей его семьей и единственно ужась пришибъ ее такимъ образомъ.

— „Вонъ тамъ“, рассказывалъ онъ голосомъ, прерывающимся отъ слезъ, съ дикими жестами и новыми всхлипываніями отчаянія, „гдѣ. среди мнѣ поврежденныхъ домовъ, лежитъ гряда обломковъ, былъ мой домъ, моя фабрика лимонной эссенціи, которую я разсылалъ по всему свѣту. Мы жили въ первомъ этажѣ. Всѣ спали, моя жена и двое моихъ дѣтей; вотъ они, вы видите ихъ здѣсь“,—и онъ указалъ на спасенныхъ. „Только я, лежа въ постели, не спалъ. Ужасный ударъ. Насъ сбрасываетъ съ постели. Жена кричитъ: землетрясеніе! Все рушится. Мой младшій сынъ въ отчаяніи обхватываетъ меня. Я выбрасываю его за окно. Вслѣдъ за нимъ выпрыгиваетъ старшій. Оставалась только жена, вы видите, она высока и тяжела. Отчаяніе увеличиваетъ мои силы: стальными руками схватываю я ее и, какъ кусокъ дерева, выбрасываю за окно. Старшій сынъ принялъ ее внизу. Тогда и я, нагой, какъ былъ, выскакиваю вслѣдъ за ними. Никто не ушибся. Все это было дѣломъ немногихъ мгновеній. Тогда подоспѣлъ второй ударъ. Это было что-то вродѣ бури, съ

завываніемъ и громомъ, бури, которую подняло и крутило землетрясеніе. Мы болѣе уже ничего не видѣли. Облака пыли душили насъ, мы кашляли. Слабый южный вѣтеръ немного отогналъ пыль дальше. Наконецъ-то, наконецъ, наступилъ разсвѣтъ. Солнце! Мы увидѣли другъ друга. Мы увидѣли груды развалинъ. Что было съ нами! Мы были раздѣты, мы зябли, нашъ домъ обрушился! О горе! Все, все потеряно! Моя фабрика, мои припасы, двѣнадцать полныхъ бочекъ лимонной эссенціи! Мои деньги, все это пропало, потеряно, уничтожено!“

Таковъ рассказъ этого несчастнаго, который я передаю, по возможности, дословно, — одинъ изъ моихъ спутниковъ свободно владѣетъ сициліанскимъ нарѣчіемъ. Имя рассказчика — Джіакомо де Паскале. Онъ самымъ настойчивымъ образомъ просилъ насъ, когда узналъ, что мы пишемъ для газетъ, упомянуть его имя, можетъ быть, это какъ-нибудь поможетъ ему снова подняться на ноги. Ахъ! Сколькимъ надо было бы здѣсь помочь! Населеніе цѣлаго города лежитъ подъ этими развалинами, цѣлый міръ сожалѣнія не сможетъ исцѣлить эти раны, нанесенныя человѣчеству въ теченіе немногихъ секундъ.

Пока старикъ рассказывалъ, его служанка все

еще билась въ судорогахъ. Во время самой катастрофы она выказала величайшую отвагу, она даже сбѣгала разокъ зачѣмъ-то въ домъ; но при второмъ ударѣ воспоминаніе объ этихъ ужасныхъ секундахъ ее сломило.

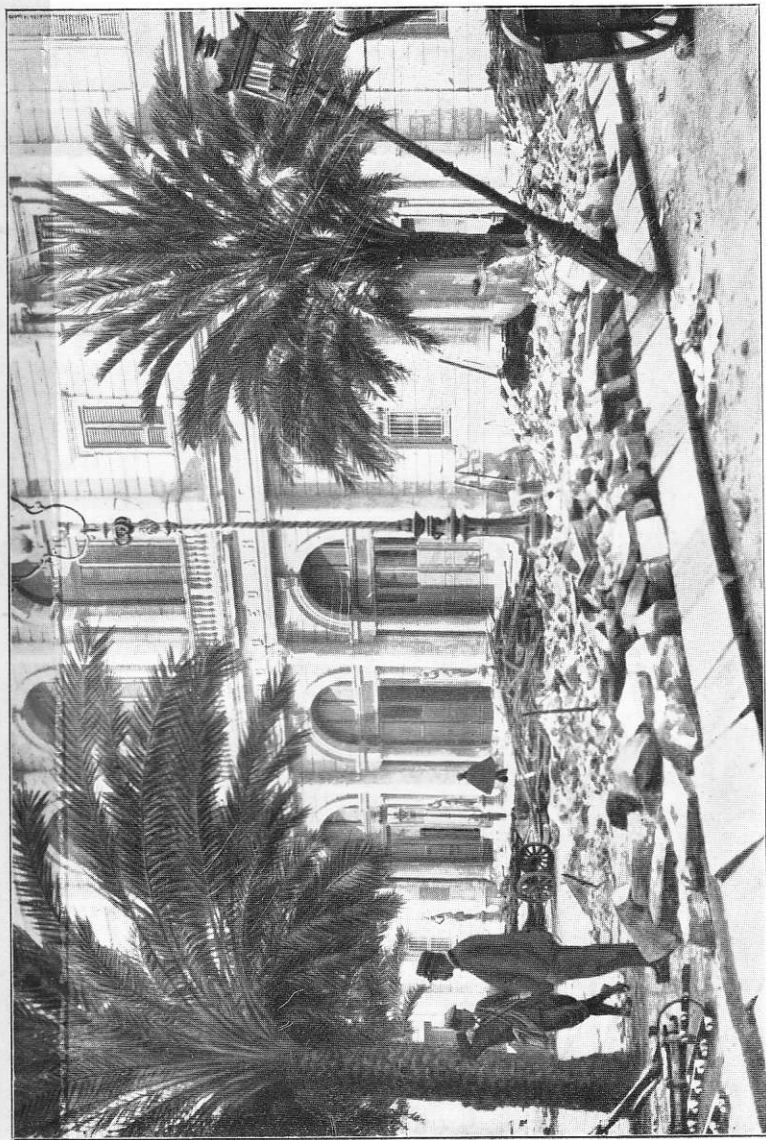
Тѣмъ временемъ приготовили нашу палатку. Мы устроились, какъ могли, на военныхъ шинеляхъ съ подстилкой изъ соломы. Незадолго до полуночи мы слышали еще два, непосредственно слѣдовавшихъ одинъ за другимъ, подземныхъ удара. Потомъ мы заснули.

На слѣдующее утро, 3-го января, мы рѣшили возвратиться въ Неаполь. Въ Мессинѣ мы все равно не могли оказать никакой серьезной помощи. Наблюденія и записи, которыя могли бы имѣть какую-нибудь научную цѣнность, въ этомъ хаосѣ дѣлать было невозможно.

Что за печальная картина открылась предъ нами, когда забрежжилось утро, предвѣщая солнечный день! Наша палатка была открыта на востокъ, по направленію къ Калабріи, гдѣ тоже, по всѣмъ даннымъ, совершенно разрушены не одинъ городъ, какъ на этой сторонѣ, а цѣлая страна, хотя по тому, что насъ здѣсь окружало, я уже не могъ вообразить себѣ ничего худшаго.

Чего искало солнце своими дрожащими, длин-

ными лучами-пальцами здѣсь, среди палатокъ этого лазаретнаго города? Оно могло освѣтить только такое бѣдствіе, которому нѣтъ имени. Не лучше ли и ему было укутаться саваномъ. Къ чему весь этотъ ужасъ, почему онъ оказался необходимымъ? Вверху царственное солнце, виновникъ всякой жизни, отъ котораго зависитъ судьба небесныхъ свѣтилъ. Оно одѣваетъ въ пурпуръ востокъ и не хочетъ ничего знать о безграничномъ отчаяніи сотенъ тысячъ людей, родные и близкіе которыхъ растоптаны въ нѣсколько секундъ подъ ногами вѣчно идущей впередъ природы. Вѣдь и мы сами вовсе не думаемъ, когда уничтожаемъ на каждомъ шагу тысячи различныхъ жизней. Правда, здѣсь стоялъ цвѣтушій городъ, который простираетъ свои руки, благодаря дѣятельному участію въ міровой торговлѣ, по всему земному шару. Но что все это значитъ для безсердечныхъ силъ природы! Что такое человѣкъ? Свыше сотни тысячъ лежитъ здѣсь вокругъ насъ, много ли значитъ, если къ нимъ присоединится еще одинъ? Каждому должны были придти здѣсь въ голову такія мысли. Но если бы этотъ одинъ былъ я? Я знаю міръ во мнѣ. Всѣ эти сто тысячъ, оставшихся подъ развалинами, имѣли такую же организацію; каждый изъ нихъ былъ колесикомъ въ одномъ

26. Мессина. — На площади Муниципалитета.

большомъ механизмѣ. И вотъ теперь этотъ механизмъ растоптанъ и обратился въ кусокъ сырого матеріала.

Но если каждый отдѣльный человѣкъ только колесико среди сотенъ тысячъ подобныхъ, то онъ обязанъ заботиться объ этомъ колесикѣ въ интересахъ всего общества, пульсирующее сердце котораго приводитъ его въ движеніе.

Утренній вѣтеръ дулъ на насъ черезъ развалины военной школы. Онъ доносилъ къ намъ ужасный привѣтъ 300 мертвыхъ, которые лежали подъ ними.

Нѣтъ, мы должны ѣхать отсюда! Хлѣбъ, какао, вода изъ нашей фляжки, добытой у нѣмецкихъ моряковъ, все, все имѣло для меня трупный привкусъ. Для поддержанія своего тѣла я не могъ уже принимать и самой скромной пищи.

Мы пошли въ гавань, чтобы посмотрѣть, не идетъ ли судно въ Неаполь, которое согласилось бы взять насъ съ собою. Никто ничего не зналъ. Не смотря на то, что здѣсь толпились тысячи желавшихъ плыть моремъ, ничего, рѣшительно ничего не было организовано. Нигдѣ нельзя получить никакихъ справокъ. Мы по-просту останавливали всякаго попавшагося матроса, чтобы хоть что-нибудь узнать.

На одномъ большомъ пароходѣ только раненые,

здоровыхъ тамъ не принимаютъ. На другой помѣщаютъ только гѣнъ съ этого поля битвы природы, которыхъ сотнями ловили въ развалинахъ на мѣстѣ преступленія. Нѣмецкое военное судно „Hertha“, стоявшее тутъ же на якорѣ, еще не имѣло приказа, куда ему плыть; и по всей вѣроятности оно пойдетъ дальше на Корфу. Ждали другой нѣмецкій пароходъ, „Breiten“, на которомъ 3¹/₂ года назадъ я проѣзжалъ мимо Мессины на пути въ Египетъ. Далеко за предѣлами гавани, какъ намъ сказали, стоялъ еще итальянскій пароходъ „Memfi“, готовившійся идти въ Неаполь. Но какъ на него попасть? Къ намъ присоединился одинъ Мессинскій купецъ, которому надо было въ Лейпцигъ. Но нельзя было получить лодки. Правда, предлагали одну съ тремя гребцами, но они требовали 25 лиръ.

— „Съ этими я не поѣду“, сказалъ намъ нѣмецки нашъ раненый другъ: „Я знаю ихъ. Всѣ честные люди въ Мессинѣ убиты, остались только разбойники. Какъ только эти насъ вывезутъ въ море, они отберутъ у насъ и послѣднiя деньги“.

Стало быть, ничего не выходило. Вдругъ, — о счастье! — видимъ мы нашего гордаго „Duca di Genova“, на которомъ мы пріѣхали сюда, и даже не на рейдѣ, а у берега. На этомъ великолѣпно

обставленномъ пассажирскомъ пароходѣ была устроена главная квартира военныхъ властей. Мы познакомились съ нѣкоторыми высшими офицерами еще на пути сюда. Здѣсь мы могли надѣяться на успѣхъ. Мой товарищъ сдѣлалъ первую попытку, я же остался ждать вблизи, такъ какъ очень ослабъ. Часовые ни подъ какимъ видомъ не хотѣли его пропустить: господа кушали. Такъ какъ было объявлено военное положеніе, то приходилось съ почтеніемъ относиться къ штыку.

Мы рѣшились бѣжать какимъ угодно путемъ, лишь бы скорѣе. Но какъ быть съ багажемъ? Мы и на этотъ разъ взяли его слишкомъ много. Я надѣялся даже проявлять по дорогѣ мои фотографическіе снимки. Да и кто могъ заранѣе представить себѣ чудовищные размѣры несчастья! Всѣ газетные отчеты, которые обыкновенно въ началѣ представляютъ дѣло крайне преувеличеннымъ, на этотъ разъ далеко отстали отъ настоящаго ужаса. Мой другъ Геліосъ долженъ былъ отправиться назадъ въ таможеню, гдѣ остались наши вещи, въ то время какъ я, въ полномъ изнеможеніи, растянулся на узлѣ грязнаго бѣлья, который мнѣ охотно предоставилъ одинъ изъ бѣглецовъ. Запылавшись подъ тяжестью 80 кило, возвращался мой спутникъ назадъ. Съ его стороны это было тоже

маленькое геройство; подумать только, черезъ какія груды обломковъ и мусора пришлось ему тащиться эти четверть часа.

А теперь въ поѣздъ, куда бы онъ ни шелъ! Въ одномъ товарномъ вагонѣ было еще свободное мѣсто. Но и его пришлось брать съ бою. Поѣздъ шелъ въ Катанью.

Какъ легко вздохнули мы при первомъ толчкѣ локомотива! Это было первое колебаніе почвы подъ нашими ногами, которое мы привѣтствовали съ радостью. Въ началѣ ѣзда была до крайности медленна. Вѣдь на этомъ участкѣ все было разрушено; кромѣ того, въ каждый моментъ новый подземный ударъ могъ сбросить поѣздъ въ море, вдоль котораго желѣзно-дорожная линія тянулась все время и волны котораго съ большой силою ударялись въ желѣзнодорожную насыпь.

При каждой остановкѣ называли число мертвыхъ: 300, 100, 50... Оно уменьшалось съ правильной постепенностью по мѣрѣ того, какъ увеличивалось разстояніе; въ Таорминѣ было всего двое мертвыхъ. Жители знаменитаго мѣстечка выходили на встрѣчу поѣзду съ разными припасами и напитками.

Наступилъ вечеръ, великолѣпная лунная ночь, и въ нашемъ вагонѣ мы скоро почувствовали себя совсѣмъ хорошо. Съ нами не было раненыхъ. На

одной стѣнѣ просторнаго товарнаго вагона болталось на веревкѣ большое изображеніе Мадонны, которое захватилъ съ собою одинъ изъ нашихъ случайныхъ попутчиковъ. Кругомъ же по всему вагону лежали цѣлыя горы всякаго скарба, ящиковъ, сундуковъ, военныхъ велосипедовъ и даже одна швейная машина. Мы расположились посрединѣ. Свѣчи освѣщали нашъ „салонъ“. Кто захватилъ съ собою что-нибудь для ужина, дѣлился этимъ со всѣми остальными. Такимъ образомъ пріѣхали мы въ 11 час. въ Катанью. Около вокзала стояли вагоны электрическаго трамвая, приготовленные специально для бѣглецовъ изъ Мессины. Наконецъ-то мы возвратились ко всему остальному міру. О, этотъ первый горячій чай! И постели! А на другое утро прекрасный городъ съ его кипучей жизнью! Этна, съ ея бѣлымъ чепчикомъ, спускающимся внизъ почти до украшеннаго пальмами подножья, сверкала залитая яркими лучами солнца. День избавленья! Оно было мнѣ такъ необходимо!

На другой день—дальше, въ Палермо. Въ нашемъ купе, — на этотъ разъ мы получили даже купе II кл., — сидѣла юная чета съ полуторалѣтнимъ ребенкомъ, который радостно игралъ и смѣялся. Онъ спалъ, когда надъ нимъ обрушился міръ.

Повсюду, даже и на этомъ участкѣ, до самаго Палермо, къ поѣзду выходили жители, желая оказать помощь бѣглецамъ. Всюду запахъ карболки. Мессина—огромное кладбище, и вся Сицилія—лазаретъ!

Около 8-ми часовъ вечера пріѣхали мы въ Палермо, но мѣста на пароходѣ, отходившемъ въ Неаполь, мы уже не нашли. Отказывали даже раненымъ. Только на другой день, 6-го января, намъ удалось достать два палубныхъ билета на ближайшій пароходъ, все остальное было уже давно распродано. Мы выѣхали изъ прекрасной гавани въ виду господствующей надъ Палермо Монте-Пелегрино. Море, по счастью, было гладко, какъ зеркало, иначе было бы ужасно — провести ночь среди этой груды человѣческихъ тѣлъ, которыя покрывали всю палубу и постоянно напоминали мнѣ трупы Мессины.

Наконецъ-то, наконецъ, завидѣли мы опять нашъ милый островъ. Но только вечеромъ мы могли возвратиться на Капри изъ Неаполя.

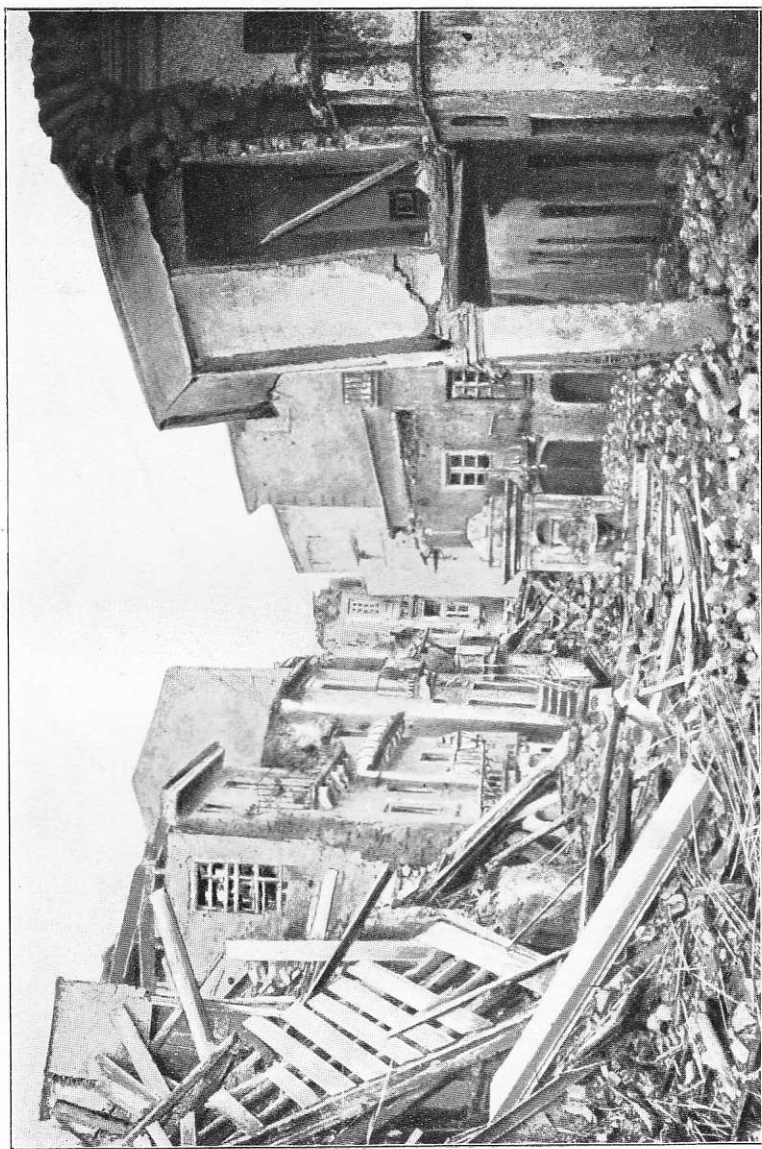
У меня было такое настроеніе, какъ будто я, подобно Данте, возвратился въ міръ живыхъ изъ ада. Какъ это можетъ природа такъ разукрасить землю, такъ осчастливить всѣ ея существа здѣсь, въ то время какъ тамъ она задушила сотни тысячъ! Кто разрѣшитъ эту жестокою загадку?

ВТОРАЯ ЧАСТЬ.

Какъ могла случиться эта ужасная катастрофа? Развѣ земля не есть нѣчто устойчивое, твердое, на чемъ мы строимъ всѣ наши надежды? Не можетъ ли и насъ, вотъ въ этотъ самый моментъ постигнуть такая же судьба? Эта мысль должна была бы повергнуть насъ въ тупое, бездѣятельное отчаяніе, если бы въ глубинѣ души мы не чувствовали, какъ несокрушимая жажда жизни, въ концѣ концовъ, побѣждаетъ всякій ужасъ смерти. На развалинахъ Лиссабона, Санъ-Франциско и Вальпарайзо расцвѣла снова кипучая жизнь, и Мессина возродится снова, быть можетъ, прекраснѣе прежняго, а ужъ выстроена она будетъ, навѣрное, болѣе надежнымъ способомъ. Народы, въ виду ужаснаго событія, забыли свои мелкія распри и единодушно подаютъ руку несчастнымъ, чтобъ

помочь имъ снова подняться. Въ ужасные дни несчастья въ гавани Мессины соединились военныя суда Германіи, Франціи, Англіи, Россіи съ судами итальянцевъ; эти страшныя орудія убійства, готовыя раскрыть другъ противъ друга свои гремящія пасти, соперничали здѣсь въ подвигахъ человѣколюбія и самопожертвованія. Почему же всегда только несчастье соединяетъ людей? Пусть же въ виду такихъ радикальныхъ разрушительныхъ катастрофъ сознаютъ они, наконецъ, какъ мало значить каждая отдѣльная единица, хотя бы она была даже цѣлой націей, и какъ велика природа, которая ведетъ человѣчество черезъ общія радости и несчастья къ общимъ цѣлямъ. Какъ все расцвѣло бы безконечно выше и прекраснѣе, если бы всѣ постоянно подавали другъ другу руку такъ, какъ случилось въ эти ужасные дни. Когда же, наконецъ, изъ всѣхъ этихъ несчастій и раздоровъ созрѣетъ золотой плодъ всеобщаго братства?

Природа вовсе не такъ жестока, какъ о томъ, повидимому, говорятъ всѣ эти ужасы. Большею частью человѣкъ самъ наносилъ себѣ эти раны. Когда 1-го ноября 1755 г. Лиссабонъ, богатѣйшій городъ своего времени, очутился подъ грудой развалинъ, какъ теперь Мессина, схоронивъ въ нихъ 32.000 человѣкъ, человѣчество усумнилось въ бла-

27. Мессина. — Одна изъ улицъ внутри города.

гости Провидѣнія. Но Руссо, который, не уставая, звалъ людей назадъ къ ихъ праматери природѣ, сказалъ имъ, что они не были бы погребены такъ глубоко подъ развалинами ихъ дворцовъ, если бы не строили ихъ такими высокими. То же самое приходится повторить и теперь о Мессинѣ. Уже 125 л. прошло съ тѣхъ поръ, какъ городъ былъ разрушенъ сильнымъ землетрясеніемъ, подобнымъ теперешнему. Жители его предупреждены объ опасности, постоянно имъ грозящей; имъ совѣтуютъ считаться съ возможностью землетрясенія и строить зданія болѣе надежныя. Наука и техника, которыя особенно хорошо разработаны въ этомъ отношеніи въ Японіи, уже давно выработали извѣстныя нормы, и эти нормы строго соблюдаются тамъ, на Дальнемъ Востокѣ, хотя на него мы попрежнему все еще по-сматриваемъ свысока. Но беззаботные южные итальянцы никогда не обращаютъ вниманія ни на какія предупрежденія. И вотъ несчастье, которому нѣтъ названія, является результатомъ такого легкомыслія.

Наука въ состояніи теперь уже съ большою вѣроятностью указать тѣ области, въ которыхъ имѣется большая или меньшая опасность землетрясенія, или въ которыхъ она совсѣмъ отсутствуетъ. Мы должны возводить наши постройки соотвѣтственно

этимъ указаніямъ. Когда я изложу вамъ нѣкоторыя свѣдѣнія относительно распредѣленія землетрясеній и познакомлю васъ съ причинами этихъ элементарныхъ явленій, тогда вы увидите, что эти ужасныя катастрофы являются необходимыми и вполне предвидимыми слѣдствіями процессовъ, которые на протяженіи миллионовъ лѣтъ дали опредѣленную форму нашей планетѣ и непрестанно продолжаютъ измѣнять ее. И если это пониманіе не можетъ уменьшить несчастья, оно все-таки отнимаетъ у всеобщаго ужаса то парализующее дѣйствіе, которое всегда свойственно безпомощному незнанію. Сейчас мы знаемъ уже немало положительнаго объ ужасномъ дѣйствіи этихъ силъ природы, и это знаніе можетъ защитить насъ отъ ихъ наиболѣе губительныхъ послѣдствій.

Прошу васъ взглянуть на помѣщенную въ текстѣ карту земли (рис. 29). Области, покрытыя черною краской, изображаютъ горы. Нѣкоторыя изъ нихъ обозначены, какъ видите, даже подъ уровнемъ моря. Области, обведенныя пунктиромъ и обозначенныя буквами А, В, С и т. д., это—тѣ, въ которыхъ часто наблюдались сильныя землетрясенія. Стоящія рядомъ цифры обозначаютъ число такихъ сильныхъ землетрясеній за промежутокъ трехъ лѣтъ съ 1899 по 1901 годъ. Эта карта составлена

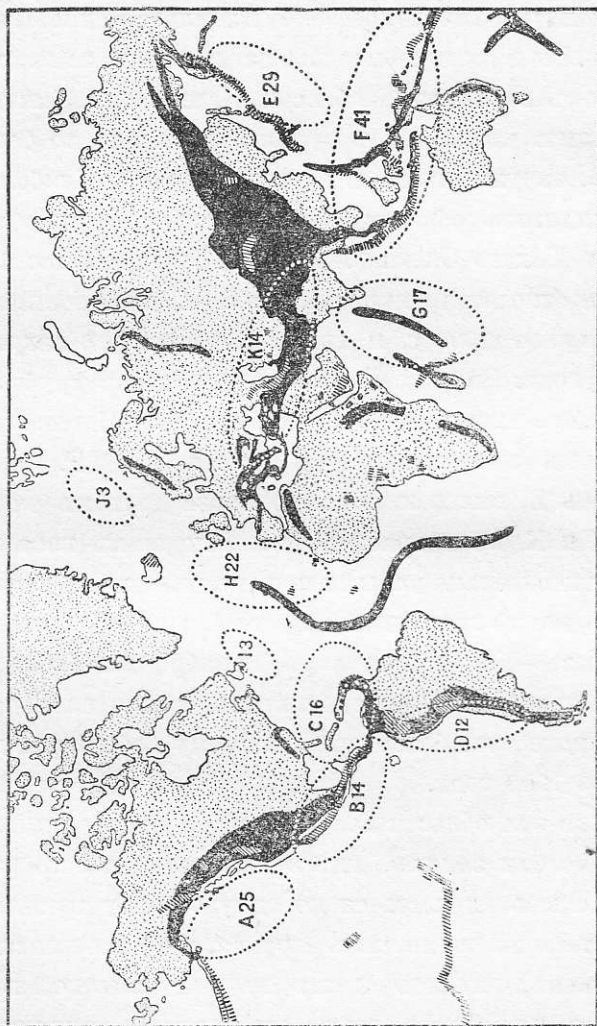

Рис. 29. Распределение очаговъ землетрясеній—по Милльу.

знаменитымъ изслѣдователемъ землетрясеній Мильномъ. Вы видите съ перваго взгляда, что, за исключеніемъ кавказской области К, всѣ онѣ лежатъ, большею частью, подъ моремъ, и именно по берегамъ, окруженнымъ высокими горами. Наиболѣе очевиднымъ образомъ выступаетъ это въ областяхъ Тихаго Океана А, В и Д. Къ двумъ послѣднимъ относятся землетрясенія въ Санъ-Франциско 18 апрѣля 1906 г. и въ Вальпарайзо 16 августа 1906 года. На противоположной сторонѣ глубокой бассейнъ Тихаго океана охватывается Японскимъ очагомъ землетрясеній Е и яванскимъ F. Начиная съ В, выстраиваются другъ за другомъ очаги С, Н и К, въ направленіи съ запада къ востоку, съ относительно малыми промежутками. На западномъ концѣ громадной области Альпы—Балканы—Кавказъ—Гималаи лежитъ Калабрійская область землетрясеній К, представляющая для насъ особый интересъ, благодаря ужасному событію 28 декабря 1908 года.

Всѣ эти области лежатъ на большихъ линіяхъ излома или зонахъ, гдѣ земная поверхность расщелилась, и часть ея по одну сторону трещины опустилась, тогда какъ другая, въ большинствѣ случаевъ, осталась стоять въ видѣ высокой горной цѣпи. Яснѣе всего это явленіе выражено

опять-таки въ Андахъ, по Тихо-океанскому побережью Америки. Почти по всему этому берегу морское дно, даже въ незначительномъ разстояніи отъ берега, лежитъ часто на десятокъ километровъ глубже, чѣмъ вершины горнаго гребня, вплотную подходящаго къ морю. Въ Калабрійской области землетрясеній берегъ также чрезвычайно круто обрывается въ море. На южной оконечности Пелопонеса находится крутой обрывъ, спускающійся въ море; другого такого нѣтъ на землѣ. На протяженіи $2\frac{1}{2}$ километровъ, если направятся отъ берега, дно опускается почти на ту же величину, образуя уклонъ болѣе 40 градусовъ.

Но не всегда на землѣ были такія условія. Геологическія изслѣдованія не оставляютъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что поверхность земли въ теченіе тѣхъ милліоновъ лѣтъ, которые длилась исторія ея развитія, подвергалась постояннымъ измѣненіямъ. Эти измѣненія можно прослѣдить, по крайней мѣрѣ, въ главныхъ чертахъ, и они далеко еще не закончились. Наша планета растетъ и развивается до настоящаго дня. Ничто не можетъ оставаться на ея поверхности окаменѣлымъ; не можетъ окаменѣть и почва, на которой мы часто съ излишней довѣрчивостью возводимъ наши сооруженія.

Въ Гималаяхъ до высоты 5.000 метровъ на-

ходятъ въ каменныхъ породахъ остатки существъ, которыя могли жить только въ глубинахъ моря. Какія же неизмѣримо огромныя силы должны были дѣйствовать тутъ, чтобы отвердѣвшій морской илъ очутился на высотѣ вѣчнаго снѣга. Съ другой стороны, нѣтъ никакого сомнѣнія, что тамъ, гдѣ сейчасъ обширныя моря тянутся между континентами, раньше были широкія области суши, по которымъ представители животнаго міра этихъ удаленныхъ нынѣ другъ от друга частей свѣта сообщались другъ съ другомъ. Такой мостъ существовалъ, напримѣръ, нѣкогда между Африкой и Южной Америкой; къ этому выводу приводятъ не только окаменѣлости послѣдняго геологическаго періода, предшествовавшаго нашему, но также изученіе нынѣ живущей фауны. Другой подобный же мостъ, представляющій для насъ сегодня особенный интересъ, былъ перекинутъ между Европой и Африкой, от полуострова Италіи черезъ Сицилію и Мальту къ Тунису. Дно Средиземнаго моря въ этомъ мѣстѣ и теперь неглубоко. Если бы уровень Средиземнаго моря опустился на 500 метровъ, то по этому пути можно было бы перейти въ Африку почти не замочивъ ногъ. Помѣщаемъ карту, на которой это показано наглядно (рис. 30). При горизонтѣ воды на 500

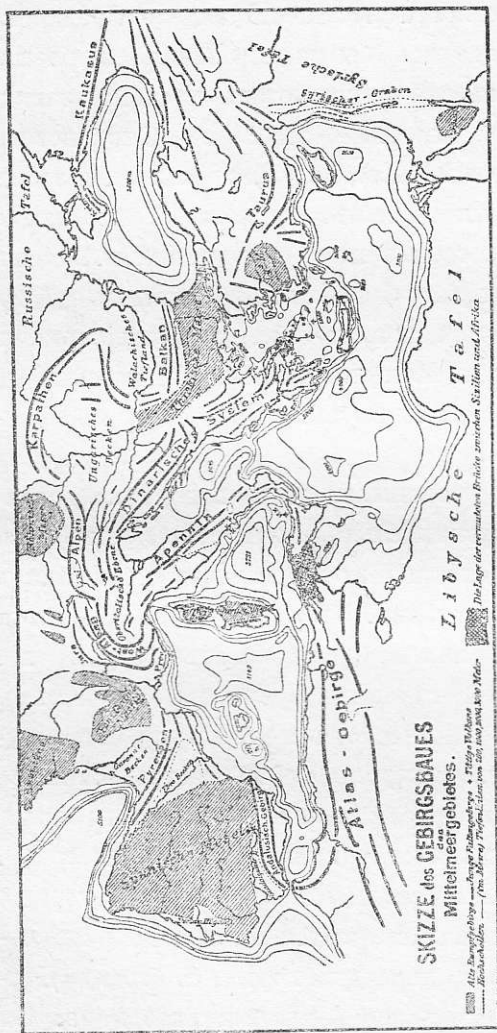

Рис. 30. Расположеніе горъ въ области Средиземнаго моря. Черными полосами обозначены горы недавняго происхожденія, крестиками — дѣйствующіе вулканы; съгнатая штриховка показываетъ положеніе предполагаемаго моста между Сициліей и Африкой; цифры, поставленныя въ извѣстныхъ мѣстахъ морей, выражаютъ глубину въ метрахъ.

метровъ ниже противъ существующаго, Средиземное море распалось бы на два бассейна, раздѣленныхъ другъ отъ друга этимъ мостомъ: западный бассейнъ, простирающійся до Тирренскаго моря, и восточный. Мессинскій проливъ въ этомъ случаѣ не существовалъ бы вовсе. Точно также Капри былъ бы соединенъ съ континентомъ. Такимъ образомъ, становятся понятными находки зубовъ мамонта и костей гиппопотама въ дилювіальныхъ наносахъ Капри. Мамонты могли придти сюда съ сѣвера, гиппопотамы же только черезъ этотъ африканскій мостъ.

Съ другой стороны, въ этихъ водоемахъ встрѣчаются еще сравнительно значительныя глубины. Глубина Тирренскаго моря превышаетъ сейчасъ мѣстами 3700 метровъ. Къ западу отъ Сардиніи и Корсики глубина моря составляетъ 3150 метровъ. Но наибольшей глубины Средиземный бассейнъ достигаетъ въ Ионическомъ морѣ къ югу отъ полуострова Греціи. Эта глубина въ 4400 метровъ. Уже на незначительныхъ разстояніяхъ отъ западнаго берега Греціи встрѣчаются глубины свыше 3000 метровъ.

Между этими впадинами протянулись горныя цѣпи. Такъ, между цѣпью Апеннинъ и параллельной ей цѣпью Динарскихъ горъ на берегу Далмаціи, погрузилось дно Адриатическаго моря. Въ

28. Вь Мессинь. — Мать съ ребенкомъ, спасенные изъ-подъ развалинь.

южной Калабрии Апеннинскій хребетъ круто поворачиваетъ къ западу. Прерываемый Мессинскимъ проливомъ, онъ находитъ продолженіе въ горахъ Сициліи. Даже Атласскія горы сѣвернаго берега Африки можно разсматривать, какъ дальнѣйшее продолженіе этой горной цѣпи. На сѣверѣ продолженіемъ Апеннинъ являются, прежде всего, западныя Альпы. Мы видимъ, какъ онѣ опять загибаются большою дугою, чтобы съ восточными Альпами, Карпатами, Кавказомъ и могучими Гималаями соединиться въ мощную горную систему, простирающуюся съ запада на востокъ и принимающую, слѣдовательно, снова направленіе Атласа.

Я долженъ былъ возстановить въ вашей памяти эти географическіе факты, такъ какъ я думаю, что послѣ этого достаточно одного внимательнаго взгляда на карту Средиземнаго моря (рис. 30), чтобы понять, какія мощныя перемѣны должны были сдвигать, опрокидывать и опускать здѣсь земную кору. Развѣ не похожи эти горныя кряжи на гребни взбаламученнаго моря? Такъ и кажется, что на него ударила буря съ запада, погнавъ предъ собою цѣпь Апеннинъ и образовавъ здѣсь настоящій водоворотъ земной коры, оттѣснившій горную систему Альпъ къ западу, а горную систему Атласа къ востоку, такъ что свою наибольшую

силу вихрь развилъ, съ одной стороны, въ западныхъ Альпахъ, съ другой—въ Калабріи.

Но этотъ вихрь, взрывающій твердыни земли, существовалъ не только въ древности: нѣтъ, онъ и посейчасъ непрерывно совершаетъ свою непостижимую работу, нагромождаетъ горы и углубляетъ моря. Этотъ толчокъ, уничтожившій сотни тысячъ жизней, былъ, можетъ быть, самымъ сильнымъ за то время, о которомъ помнить человѣчество; но исторія земли на своихъ страницахъ, раскрытыхъ передъ нами въ видѣ различныхъ геологическихъ формаций, отмѣтила несравненно болѣе могучіе перевороты.

Правда, къ своему утѣшенію, мы убѣждаемся, что такіе перевороты совершаются, большею частью, незамѣтнымъ медленнымъ темпомъ. На рисункѣ 31 изображены различные виды складокъ земной коры. Но эти складки возникли, очевидно, съ неуловимой медленностью, совершенно незамѣтно. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ слоевъ были найдены окаменѣлые остатки первичныхъ животныхъ, которыя, какъ показываетъ белемнитъ, изображенный на рис. 32, были разорваны на отдѣльные куски въ то время, какъ медленно вытягивался заключающій ихъ слой. Если бы это случилось съ внезапностью катастрофы, белемнитъ былъ бы раз-

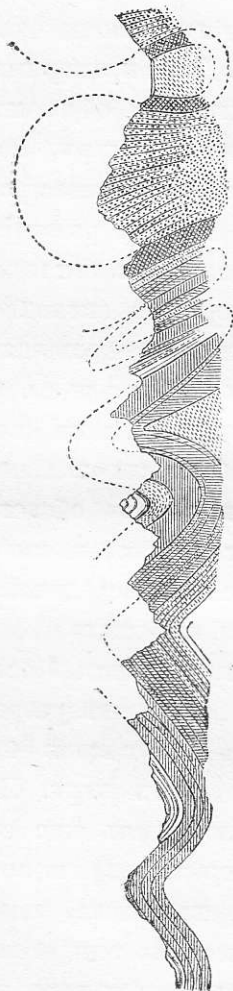

Рис. 31. Различные виды складокъ.

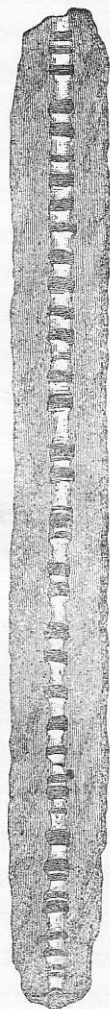

Рис. 32. Белемнитъ въ кускѣ сланца, разорванный на нѣсколко частей. Черныя мѣста—части белемнита; промежутки между ними заполнены углекислымъ кальціемъ.

молоть камнями въ пыль. При высококомъ давленіи даже хрупкій въ обычныхъ условіяхъ камень оказывается пластичнымъ, гибкимъ. Даже мраморныя плиты гнутся съ вѣками. Такимъ же образомъ слѣдуетъ представлять себѣ выдвиганіе горъ, которыя вовсе не рождаются въ ужасныхъ катастрофахъ, какъ нѣкогда полагали. Исторія развитія земли имѣетъ въ своемъ распоряженіи сотни миллионовъ лѣтъ для того, чтобы совершенно спокойно выполнять ту работу, которая должна предоставить все болѣе и болѣе прочную основу для жизни.

Эта медленная работа совершается, такъ сказать, у насъ на глазахъ. Въ особенности замѣчательна въ этомъ отношеніи опять-таки область Средиземнаго моря, гдѣ во многихъ мѣстахъ имѣются совершенно несомнѣнные слѣды передвиженія морской линіи, передвиженія, имѣвшаго мѣсто въ историческія времена. Нашъ скалистый островъ Капри окруженъ вогнутой вымоиной, разработанной моремъ. Она лежитъ на высотѣ 4,5 метровъ надъ теперешнимъ уровнемъ моря. На этой высотѣ море должно было стоять еще въ средніе вѣка. Напротивъ, во времена римлянъ оно стояло на нѣсколько метровъ ниже, чѣмъ теперь; это доказываютъ затопленные теперь водою полы старыхъ дворцовъ, стоявшихъ тогда на берегу моря.

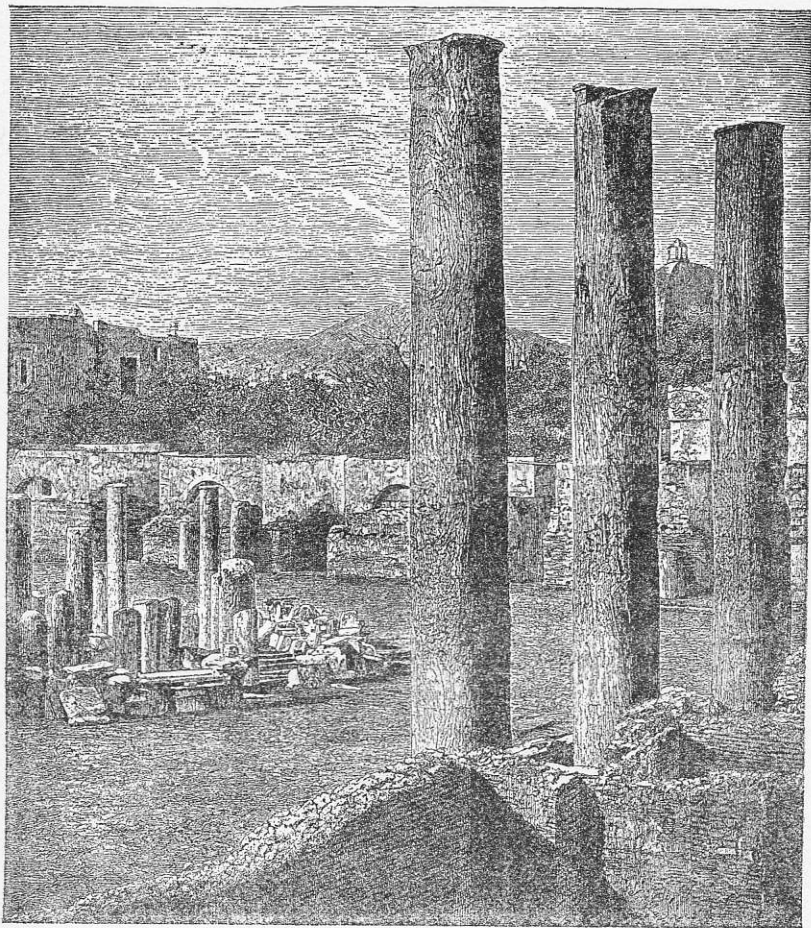

Рис. 33. Храмъ Сераписа въ Поццуоли.

На трехъ ближайшихъ колоннахъ можно различить посрединѣ широкия полосы; это—мѣста, изъѣденныя ракушками—камнеточцами.

Исторія Лазурнаго Грота также съ несомнѣнностью говоритъ, что уровень моря за послѣднія двѣ тысячи лѣтъ колебался вверхъ и внизъ приблизительно на 11 метровъ.

По ту сторону Неаполитанскаго залива близъ Позцуоли стоятъ знаменитые остатки такъ называемаго храма Сераписа. Три его колонны, изображенныя на этой картинѣ, задали не мало работы ученымъ. Онѣ изъѣдены особыми моллюсками, приблизительно до высоты 5 метровъ. Храмъ воздвигнуть двѣ тысячи лѣтъ назадъ и, конечно, не въ водѣ, а на сухомъ берегу. Очевидно, уже послѣ того онъ простоялъ въ водѣ нѣсколько столѣтій, такъ какъ морскіе моллюски могли дѣлать свое дѣло только въ морѣ. Въ наши дни онъ стоитъ опять выше уровня моря.

Всѣ эти передвиженія почвы, если только можно говорить о нихъ въ данномъ случаѣ, должны были происходить чрезвычайно медленно, въ направленіи строго вертикальномъ, такъ какъ иначе колонны были бы опрокинуты. Поэтому я, вмѣстѣ съ другими изслѣдователями, держусь того взгляда, что всѣ эти измѣненія относились, главнымъ образомъ, къ уровню моря, который то поднимался, то опускался. Правда, въ другихъ мѣстахъ, какъ, на примѣръ, на полуостровѣ Сорренто, сдвиги при-

брежныхъ слоевъ не оставляютъ никакого сомнѣнія въ томъ, что здѣсь были дѣйствительныя передвиженія почвы. И море, и земля здѣсь постоянно мѣняютъ свое взаимное положеніе, и однако, какъ разъ въ этихъ окрестностяхъ Неаполитанскаго залива, лишь весьма рѣдко наблюдаются подземные толчки. Природа работаетъ здѣсь надъ преобразованіемъ земной поверхности съ большей увѣренностью и съ большимъ постоянствомъ, какъ будто ужъ выполнила здѣсь свою главную задачу. На Капри, образуемомъ такъ называемый „мостъ землетрясеній“, ни разу за все время, какъ этотъ островъ извѣстенъ исторіи, не наблюдалось разрушительныхъ землетрясеній. Вотъ и въ этотъ разъ когда все было разрушено въ несчастной Калабріи, берега которой въ ясную погоду можно видѣть съ Капри въ смутныхъ очертаніяхъ надъ голубыми волнами, когда даже въ Петербургѣ ужасные удары были вполне отчетливо записаны инструментами, у насъ на Капри лишь немногіе жители на нѣсколько мгновеній были разбужены землетрясеніемъ.

Но дальше къ югу, тамъ, гдѣ цѣпь Апеннинъ круто поворачиваетъ на западъ, еще и посейчасъ сталкиваются волны въ нѣдрахъ земли. Онѣ нажимаютъ другъ на друга, давятъ на почву, вы-

зываютъ въ ней натяженія до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, она не разорвется. А отъ разрыва происходитъ внезапный толчокъ, и все, что въ это время стояло на поверхности, при такомъ толчкѣ, должно рушиться.

Тогда на земной поверхности проявляются силы, о которыхъ мы не можемъ составить себѣ

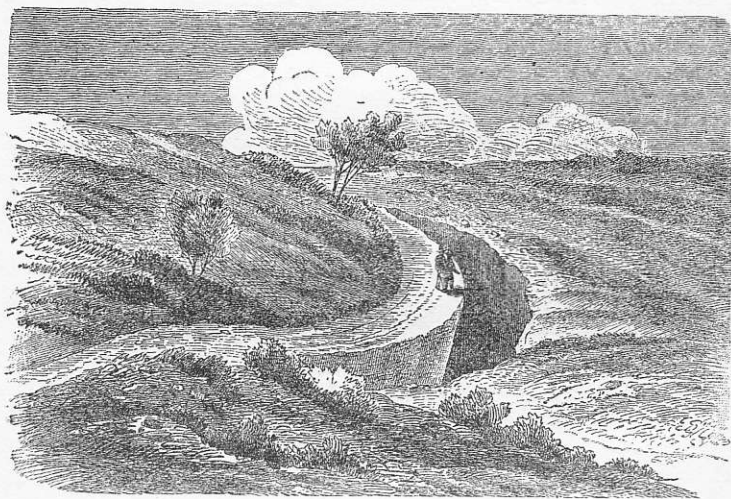

Рис. 34. Трещина, образовавшаяся во время землетрясенія 1783 г. у Монте С. Анджело въ Калабріи.

никакого представленія. Никакія другія силы природы не идутъ въ сравненіе съ ними. На основаніи полныхъ записей сейсмографовъ, можно

опредѣлить не только объемъ того куска земной коры, который подвергся землетрясенію, но и его толщину, такъ какъ имѣются методы, позволяющіе вычислить глубину, съ которой шелъ ударъ. Такимъ путемъ найдено, напримѣръ, что при Чарльстоунскомъ землетрясеніи 31 Августа 1886 года подвергся сотрясенію слой земной коры глубиною

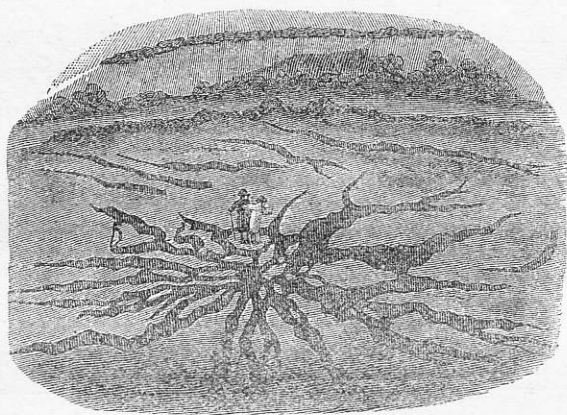

Рис. 35. Радіальныя трещины, образовавшіяся во время землетрясенія 1783 г. въ Джерокорнѣ въ Калабріи.

свыше 100 километровъ, съ поверхностью въ 2,3 милліона квадратныхъ километровъ. Вычислили, что для этого была необходима сила, превосходящая одинъ билліонъ лошадиныхъ силъ.

Эти силы разрываютъ земную кору широкими трещинами (рис. 34, 35 и 36) въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ натяженія достигаютъ наибольшей величины. При землетрясеніи въ Санъ-Франциско 18 Апрѣля 1906 года, на протяженіи 300 километровъ земная кора была разорвана трещиной отъ 2 до 7 метровъ ширины. Я не хочу занимать вашего вниманія подробностями и позволю себѣ сослаться на мою

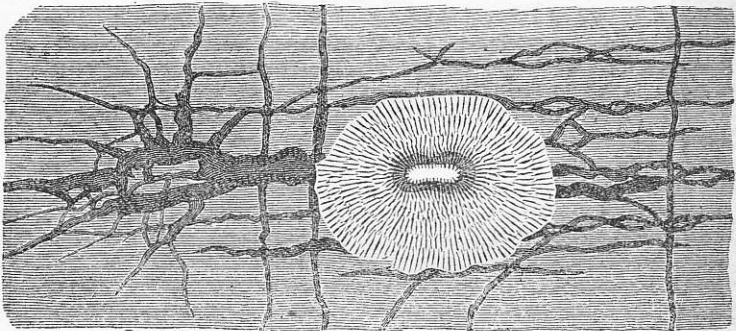

Рис. 36. Трещины, образовавшіяся у Трифія въ Греціи при землетрясеніи 23 января 1862 г.

небольшую книгу „О землетрясеніяхъ и вулканахъ“, появившуюся въ Штуттгартѣ въ изданіи Космоса.

Сводя во-едино всѣ наблюденія и изслѣдованія, имѣющіяся по этому предмету, мы придемъ къ выводу, что очаги большихъ землетрясеній, такъ на-

зываются „эпицентры“ (рис. 37), лежатъ тамъ, гдѣ поверхность земли прорѣзана системами громад-ныхъ складокъ и изломовъ, и гдѣ кора опустилась односторонне, образовавъ нынѣшніе морскіе заливы или бухты. Наибольше значительный поясъ излома тянется вдоль цѣпи Андъ, почти отъ сѣвернаго

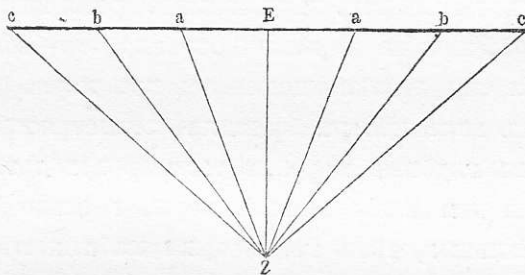

Рис. 37. Схема распространенія землетрясенія.

СС—поверхность земли; Z—центръ или гнѣздо землетрясенія въ глубинѣ земли; E—эпицентръ или мѣсто, лежащее надъ центромъ землетрясенія на поверхности земли.

полюса до южнаго. Въ Центральной Америкѣ онъ пересѣкается другой бороздой на поверхности нашей планеты, идущей черезъ Мексиканскій заливъ, черезъ Антильскіе острова, пересѣкающей Атлантическій океанъ, включающей въ себя Средиземное море и продолжающей далѣе до южныхъ частей Гималайской цѣпи.

По этой линіи излома располагаются очаги зем-

летрясеній В, С, Н и К (рис. 29). С лежитъ въ Мексиканскомъ заливѣ, который представляетъ собою такой же проваль, какъ Тирренское море; Н лежитъ въ Атлантическомъ океанѣ у западнаго берега Европы,—въ этомъ очагѣ возникло Лиссабонское землетрясеніе.

Только К лежитъ въ настоящее время не только въ морѣ, но и на его южной окраинѣ, это—область, которая еще недавно поднялась изъ моря.

Такъ какъ центръ большихъ землетрясеній лежитъ въ глубинѣ морей, то тамъ происходятъ движенія и измѣненія земной коры, гораздо болѣе значительныя, чѣмъ тѣ, которыя наблюдаются на континентахъ. Корабли часто ощущаютъ въ морѣ сильныя сотрясенія, несмотря на то, что подъ ними находится слой воды въ тысячи метровъ толщиною, и этотъ слой долженъ сильно ослаблять удары. Когда въ 1873 году исправляли разрывъ подводнаго кабеля при Цанто, было установлено, что на днѣ внезапно образовалась подводная трещина шириною въ 180 метровъ,—явленіе, котораго никогда не наблюдалось на сушѣ.

Такимъ образомъ оказывается, что опустошительныя содроганія земной коры, которыя мы замѣчаемъ на обитаемой сушѣ, являются только слабыми отзвуками могучей дѣятельности силъ, фор-

мирующихъ нашу планету и все болѣе и болѣе углубляющихъ дно морей, чтобы вѣрнѣе укрѣпить и поднять континенты, несущіе на себѣ высшія стадіи и формы жизни.

Послѣднее Мессинское землетрясеніе имѣло свой эпицентръ, свой центральный очагъ, посрединѣ Мессинскаго пролива, нѣсколько ближе къ Калабрійскому берегу, противъ г. Редджіо. Измѣренія глубинъ, произведенныя однимъ англійскимъ судномъ вскорѣ послѣ землетрясенія, обнаружили, наряду съ поднятіями морского дна метровъ на сто, необъяснимое опусканіе дна, распространяющееся вдоль береговой линіи. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ проливѣ возникла система складокъ и трещинъ; благодаря ей, разстояніе между берегами пролива, если считать подну, увеличилось, а дно пролива, въ общемъ, стало болѣе глубокимъ. По разсказамъ моряковъ, во время землетрясенія море въ одномъ мѣстѣ противъ Редджіо какъ бы вскипѣло, вода сильно бурлила и крутилась воронками. Потомъ отъ этого мѣста пошла губительная волна, которая къ Калабрійскому берегу подкатилась нѣсколько раньше и была здѣсь выше, чѣмъ въ Мессинѣ и ея окрестностяхъ. Она до-чиста смыла, точно срѣзала, въ Редджіо всѣ прибрежные дома. Въ другихъ мѣстахъ она посадила лодки на крыши.

домовъ и унесла здѣсь многія тысячи человѣческихъ жизней, тогда какъ въ Мессинѣ она, главнымъ образомъ, причинила только матеріальный ущербъ и опустошенія. На Калабрійской сторонѣ подь Редджио, при Лаццаро, наибольшая высота ея достигала 4 приблизительно метровъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она неистовствовала на сушѣ на разстояніи 500 метровъ отъ берега. Въ Мессинѣ высоту волны опредѣляли примѣрно въ 2—3 метра. Потомъ море, какъ я уже упоминалъ, значительно отступило отъ берега,—въ окрестностяхъ Мессины метровъ на 50, — и возвратилось назадъ лишь по прошествіи болѣе, чѣмъ часа времени. Это явленіе легче всего объяснить образованіемъ трещины на днѣ моря. При первомъ ударѣ, до разрыва земной коры, море должно было подняться: ударъ вѣдь былъ направленъ вверхъ, по вертикальному направленію. Это повело къ образованію волны, залившей берега. Затѣмъ море воронками устремилось въ раскрывающуюся трещину и поглотило часть имѣвшейя въ проливѣ воды. Море должно было отступить отъ береговъ, пока съ обѣихъ сторонъ пролива не притекло опять количество воды, достаточное, чтобы пополнить убыль. Трещины, образовавшіяся на сушѣ, были только слабыми вторичными послѣдствіями сдвиговъ почвы по

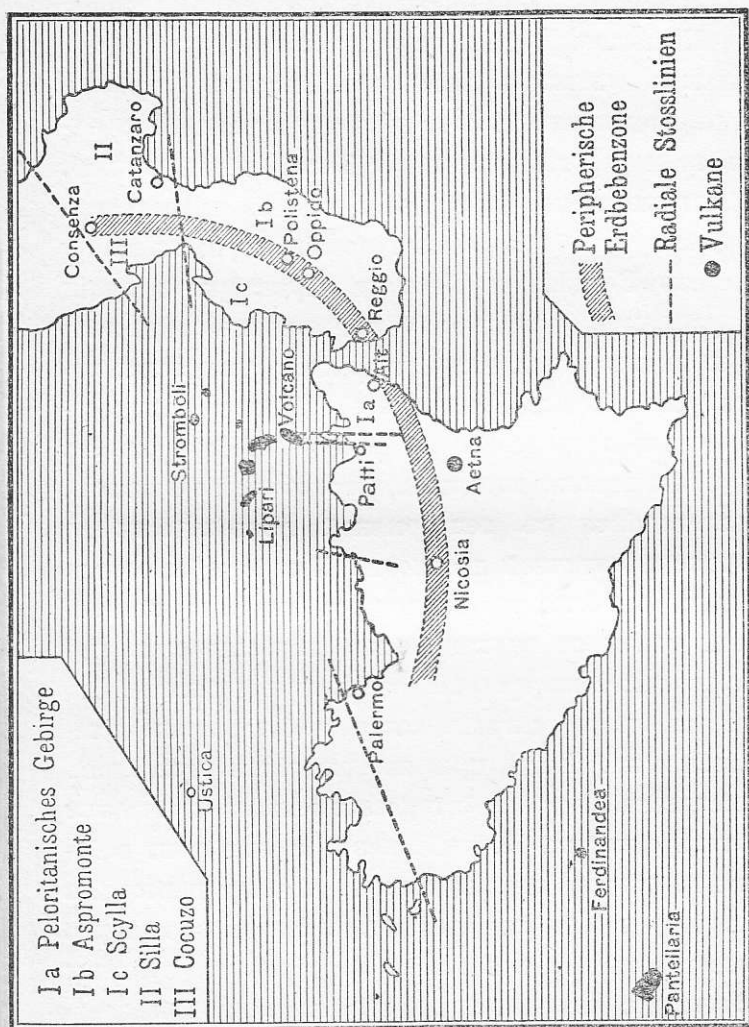

Рис. 38. Распределение землетрясений въ Калабрии и Сицилии—по Зиссу.

направленію къ трещинамъ подъ водою, на днѣ моря.

Помѣщаемъ здѣсь карту, составленную знаменитымъ вѣнскимъ геологомъ Зюссомъ (рис. 38). Она представляетъ юго-восточную часть Тирренскаго моря, ограничиваемую Калабріей и Сициліей. Заптрихованная круговая зона—это многократно упомянутая область землетрясеній, идущихъ прямо черезъ Реджію и Мессину. Пунктирные линіи указываютъ направленіе подземныхъ толчковъ. Вы видите, какъ всѣ эти линіи указываютъ по направленію къ Липарскимъ островамъ, въ частности по направленію къ Стромболи. Это—острова вулканическаго характера, Стромболи-же вулканъ, находящійся въ непрерывной дѣятельности со временъ античной древности. Казалось бы, отсюда можно вывести, что землетрясеніе стояло въ тѣсной связи съ вулканическою дѣятельностью, что причиной землетрясенія являются вулканы. Это весьма старое мнѣніе казалось совершенно естественнымъ. Вѣдь при изверженіяхъ вулкановъ всегда наблюдались сотрясенія земли и часто даже очень сильныя. Могучія, невѣроятныя силы работаютъ въ глубинѣ вулкановъ и вырываются на свободу черезъ ихъ кратеры. Но современная наука отвергаетъ это воззрѣніе, по которому вулканы считались активными дѣятелями въ преобразова-

Въ разрушенной Мессинѣ.

ніяхъ земной поверхности. Вулканическія изверженія сотрясаютъ всегда лишь ограниченную область. Они всегда исходятъ изъ глубины, значительно меньшей, чѣмъ „тектоническія“ землетря-

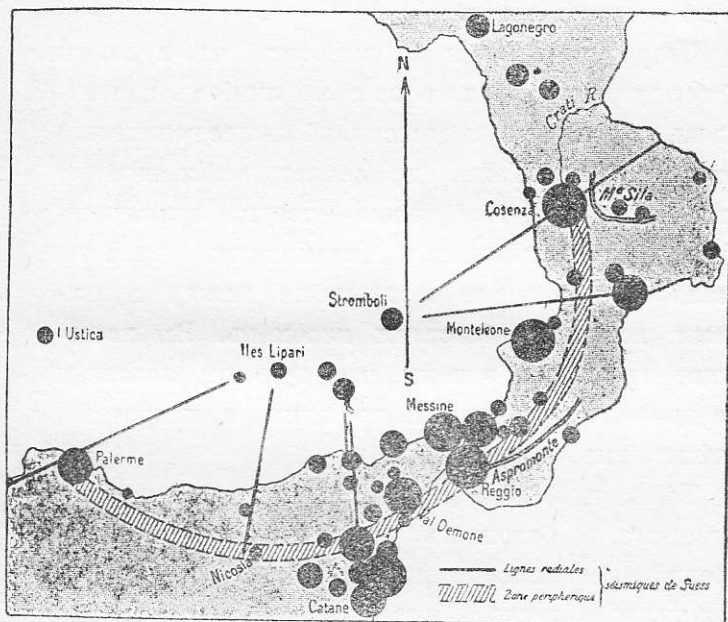

Рис. 39. Эпицентры и линіи обычныхъ ударовъ въ Калабріи и Сициліи—по Зюссу.

сенія, формирующія землю: наши чувствительные инструменты показываютъ, что отъ такихъ земле-

трясеній сотрясается весь земной шаръ, что волны ихъ за нѣсколько часовъ успѣвають не разъ прокатиться вокругъ всей земли. Какъ разъ именно при сильнѣйшихъ землетрясеніяхъ сосѣдніе вулканы остаются совершенно спокойными. Такъ было и въ данномъ случаѣ.

Напротивъ, нельзя не замѣтить, что вулканы повсюду расположились по тѣмъ линіямъ излома, вдоль которыхъ наблюдается наибольшее количество землетрясеній. Тамъ, гдѣ землетрясенія едва замѣтны, наблюдаются только отзвуки вулканическихъ явленій, напримѣръ, теплые ключи и пр. Есть, стало быть, какое-то соотношеніе между вулканами и этими областями изломовъ. Въ настоящее время мы знаемъ, что вулканы являются не причиной, создающей трещины, а, напротивъ, слѣдствіемъ.

Тамъ, гдѣ, при неизбѣжныхъ перемѣщеніяхъ и сдвигахъ большихъ участковъ земной коры, трещины проникали достаточно глубоко въ ея толщу, раскаленное жидкое содержимое получало возможность вырваться наружу. Тамъ возникалъ вулканъ. Лава, выступавшая изъ него, какъ кровь изъ раны, становилась тѣмъ цементомъ, который стремился, насколько возможно, закупорить трещину и спаять разорванныя части земной коры.

Поэтому, въ тѣхъ мѣстностяхъ со складками земной коры, въ которыхъ вулканы изливаютъ свою лаву на поверхность, землетрясенія случаются рѣже.

Если обратиться къ послѣднему Мессинскому землетрясенію, то увидимъ, что мѣстечки, расположенныя на необозримыхъ поляхъ лавы, покрывающихъ склоны Этны, въ разстояніи какихъ-нибудь 50 километровъ отъ Мессины, совершенно не пострадали отъ землетрясенія. Сама Этна, Стромболи и Везувій оставались совершенно спокойными, какъ во время землетрясенія, такъ и до и послѣ него. Эти вулканы лежатъ на старой линіи излома, которая пересѣкала Тирренское море; благодаря вулканамъ, она снова затянулась. Ранѣе всего это случилось въ сѣверной части данной области, въ Неаполитанскомъ заливѣ. Вотъ почему тамъ лишь изрѣдка наблюдаются невулканическія землетрясенія.

Если какой-нибудь континентъ или горная цѣпь поднялись уже въ давнія времена и не принадлежатъ къ новѣйшимъ образованіямъ земной коры, землетрясенія тамъ рѣдки: чѣмъ больше древность, тѣмъ рѣже землетрясенія; наконецъ, они прекращаются совершенно.

Старыя образованія, напримѣръ Германская Низменность, не имѣютъ эпицентровъ. Такія обла-

сти лишь по временамъ оказываются вовлеченными въ слабое соучастіе съ другими, когда до нихъ доходятъ волны подземныхъ ударовъ изъ не вполне успокоившихся мѣстностей. Доказано, что изъ 69.000 подземныхъ ударовъ, которые зарегистрированы до конца прошлаго столѣтія, 86% имѣли мѣсто въ ближайшихъ окрестностяхъ такихъ горъ, которыя возникли въ третичный періодъ, послѣдній передъ современнымъ геологическимъ періодомъ; затѣмъ только 6 процентовъ приходятся на горы позднѣйшей половины первичнаго періода, и всего 0,4 процента на горы болѣе древняго происхожденія. Эти цифры способны дѣйствовать успокоительно, когда нашъ кровъ основанъ на участкахъ земной коры, совершенно или почти совершенно утихшихъ. Наука даетъ намъ въ этомъ случаѣ совершенно точныя указанія.

Иное дѣло—прибрежныя области, гдѣ наряду съ недавно выдвинувшимися горами имѣется еще море, и въ немъ замѣтно стремленіе къ дальнѣйшему углубленію дна. Работа природы здѣсь еще въ полномъ ходу. Если бы люди болѣе принимали во вниманіе опытъ науки, они не селились бы здѣсь, а выждали бы, пока природа позволитъ имъ это и пока земля окажется для нихъ достаточно подготовленной. Это такъ же неразумно, какъ

если бы кто-нибудь, по недостатку терпѣнія, поселился въ строящемся домѣ, въ которомъ не закончены фундаменты, въ которомъ плиты и камни еще передвигаются. Когда дѣло идетъ о нашихъ мелкихъ постройкахъ, намъ ужъ не разрѣшаютъ такого неблагоразумія. Но по отношенію къ грандіознымъ незаконченнымъ постройкамъ природы, гдѣ могутъ пострадать сотни тысячъ человѣческихъ жизней, государство не издало еще никакихъ предупредительныхъ законовъ, по крайней мѣрѣ у насъ, въ „цивилизованной“ Европѣ. Въ Японіи въ этомъ отношеніи дѣйствуютъ благоразумнѣе. Сколько же гекатомбъ потребуетъ въ будущемъ человѣческое неразуміе? Когда, наконецъ, несчастіе сдѣлаетъ всѣхъ насъ братьями? Братьями, которые довѣрчиво помогаютъ другъ другу дѣломъ и совѣтомъ, и притомъ не только въ дни такихъ душу раздирающихъ бѣдствій. Не лучше ли было бы предотвращать ихъ въ счастливые дни всеобщаго довольства и избытка? Ждать этого придется еще долго. Человѣчество—молодое созданіе, подобно тѣмъ высокимъ горамъ. И оно вынесетъ еще немало землетрясеній, пока его моральный фундаментъ достаточно окрѣпнетъ. Но этотъ великій день, когда человѣчество на всѣхъ континентахъ образуетъ одно цѣлое, одно единое

существо, всетаки придетъ. Какъ разъ въ дни несчастья предчувствуемъ мы это болѣе, чѣмъ когда-нибудь. Какъ страдаетъ все наше тѣло, когда нанесена рана, такъ вздрагиваетъ теперь отъ общей боли все человѣчество, и всякій, претендующій на званіе человѣка, гдѣ бы онъ ни жилъ, помогаетъ, чѣмъ можетъ, далекому брату. Съ изумленіемъ стоимъ мы передъ этой новой чертой въ исторіи развитія природы. Когда гдѣ-либо растаптывается муравейникъ, заботитъ ли это хоть сколько-нибудь обитателей сосѣдняго? Лишь человѣчество открыло спасительный принципъ взаимности. Какъ ни тяжело было несчастье само по себѣ, оно двинуло человѣчество еще на одинъ шагъ впередъ.

В. Мейеръ.

М. ГОРЬКІЙ.

- I томъ: РАЗСКАЗЫ. — Десятое изданіе. — Макаръ Чудра. — Емельян Пилюй. — Дѣдъ Архипъ и Ленъка. — Челкашъ. — Старуха Изергиль. — Однажды осенью. — Ошибка. — Мой спутникъ. — Дѣло съ застѣжками. — Пѣсня о соколѣ. — На плотяхъ. — Болесь. — Тоска. — 312 стр. — 8°. — Цѣна 1 руб.
- II томъ: РАЗСКАЗЫ. Девятое изданіе. — Коноваловъ. — Ханъ и его сынъ. — Выводъ. — Супруги Орловы. — Бывшіе люди. — Озорникъ. — Варенька Олесова. — Товарищи. — 394 стр. — 8°. — Цѣна 1 руб.
- III томъ: РАЗСКАЗЫ. — Девятое изданіе. — Въ степи. — Мальва. — Ярмарка въ Голтвѣ. — Зазубрина. — Скуки ради. — Каинъ и Артемъ. — Дружки. — Проходимецъ. — Читатель. — Кирилка. — О чортѣ. — Еще о чортѣ. — 316 стр. — 8°. — Цѣна 1 руб.
- IV томъ: РАЗСКАЗЫ. Девятое изданіе. — Оома Гордѣевъ. — Двалцать шесть и одна. — 398 стр. — 8°. — Цѣна 1 руб.
- V томъ: РАЗСКАЗЫ. Восьмое изданіе. — Трое. — Пѣсня о буревѣстникѣ. — 394 стр. — 8°. — Цѣна 1 руб.
- VI томъ: ПЬЕСЫ. — Мѣщане. — На двѣ. — 290 стр. — 8°. — Цѣна 1 руб.
- VII томъ: ПЬЕСЫ. — Дачники. — Дѣти солнца. — 302 стр. — 8°. — Цѣна 1 руб.
- VIII томъ: ПЬЕСЫ. — Варвары. — Враги. — 248 стр. — 8°. — Цѣна 1 руб.
- Томы I, II, III, IV, V и VI имѣются въ переплетѣхъ. Цѣна каждого тома въ роскошномъ переплетѣ 1 руб. 40 коп.

М. Горькій. МѢЩАНЕ.

Драматическій эскизъ въ 4 актахъ. — Пятое изданіе. — Только въ переплетѣ. — 176 стр. — 8°. — Цѣна 1 руб.

М. Горькій. НА ДНѢ.

Картины, 4 акта. — Пятнадцатое изданіе. — Цѣна 60 коп. въ переплетѣ. — 170 стр. — 8°. — Цѣна 1 руб.

ДЕШЕВАЯ БИБЛИОТЕКА ТОВАРИЩЕСТВА „ЗНАНИЕ“.

М. ГОРЬКІЙ.

	Цѣна.
1. Пѣсня о соколѣ	2 к
2. Человѣкъ	2 "
3. Макарь Чудра	3 "
4. О Чижѣ который лгалъ, и о Дятлѣ, любителѣ истины	2 "
5. Емельянъ Пиляй	3 "
6. Дѣдъ Архипъ и Ленъка	5 "
7. Челкашъ	7 "
8. Старуха Изергиль	5 "
9. Однажды осенью	3 "
10. Мой спутникъ	6 "
11. Дѣло съ застѣжками	3 "
12. На плотахъ	3 "
13. Болесъ	2 "
14. Тоска	10 "
15. Коноваловъ	10 "
16. Ханъ и его сынъ	2 "
17. Супруги Орловы	12 "
18. Бывшіе люди	12 "
19. Озорникъ	5 "
20. Варенька Олесова	— "
21. Товарищи	4 "
22. Въ степи	3 "
23. Мальва	10 "
24. Ярмарка въ Голтвѣ	3 "
25. Зазубрина	3 "
26. Скуки ради	5 "
27. Каннъ и Артемъ	6 "
28. Дружки	4 "
29. Проходимецъ	7 "
30. Кирилка	3 "
31. Васька Красный	5 "
32. Двадцать шесть и одна	5 "
33. Разсказъ Филиппа Васильевича	5 "
34. Тюрьма	8 "

М. ГОРЬКІЙ и В. МЕЙЕРЪ.

ЗЕМЛЕТРЯСЕНІЕ ВЪ КАЛАБРИИ и СИЦИЛИИ 15/28 декабря 1908 г., со снимками съ фотографій Броджи и Анджелиса и другими иллюстраціями. *Цѣна 2 рубля.* Весь доходъ съ изданія поступаетъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія.

ОЧЕРКИ ФИЛОСОФІИ КОЛЛЕКТИВИЗМА. *Сборникъ перемй.* Содержаніе: Н. Вернеръ. Наука и философія.—А. Богдановъ. Философія современнаго естествоиспытателя.—В. Базаровъ. Матеріаль коллективнаго опыта и организующія его формы.—А. Луначарскій. Мѣщанство и индивидуализмъ.—М. Горькій. Разрушеніе личности. *Цѣна 1 руб. 50 коп.*

Цѣна 2 руб.

Весь доходъ съ изданія поступаетъ въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія.